

ВАЛЕРИЙ ШМАЕВ

МСТИТЕЛЬ

ОФИЦЕРСКИЙ ДОЛГ

Валерий Геннадьевич Шмаев

Мститель. Офицерский долг (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41129969

Мститель. Офицерский долг / Валерий Шмаев.: Эксмо, Яуза; Москва;

2019

ISBN 978-5-04-100811-6

Аннотация

Капитан спецназа в отставке Виктор Егоров, после тяжелого ранения в Сирии списанный вчистую из армейских рядов, уже несколько лет живет обеспеченной мирной жизнью. Его война давно закончилась, но внезапно пришла другая беда – легкая необременительная поездка на рыбалку в Витебскую область обернулась провалом в кровавый кошмар лета 1941 года.

Что делать Егорову? Залечь на дно и спокойно пересидеть самые горячие месяцы? Благо есть надежное убежище, продовольствие, оружие и патроны... Или Виктору надо вспомнить о долге русского офицера перед Родиной, которая во все времена одна?

Содержание

Мститель. Долг офицера	4
Конец ознакомительного фрагмента.	177

9 книг к 9 Мая

**ЛУЧШАЯ
ФАНТАСТИКА**

О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Валерий Шмаев
Мститель.
Офицерский долг

Мститель. Долг офицера

12 июля 2010 года

В Псковскую область я попал случайно. Приятелю надо было в паспортный стол в Витебске, так как он по пьянке потерял паспорт. Свой единственный основополагающий документ этот не слишком правильный гражданин Республики Беларусь терял с периодичностью раз в полтора-два года, и на моей памяти это был уже третий паспорт, который Ви-

талька с алкогольными мучениями восстанавливал. Работал приятель вместе со мной в Подмоскowie, а жил и прописан был в Витебске, так что восстановление паспорта всегда проходило весело и с неизбежными гулянками с родственниками на исторической Родине.

Приехали мы на двое суток раньше, чем надо. Паспортный стол открывался во вторник, из дома мы выехали в пятницу и теперь реализовывали неожиданно свалившиеся выходные. К тому же на работе вылезло незапланированное окно – один из заказчиков на неделю притормозил с финансированием, что-то у него там не складывалось. Так что уезжали мы с легкой душой и ощущением спокойной и необременительной поездки. Закончилась первая декада июля. Погода была жаркая и практически безветренная. Самая середина лета.

Я работал у своего старинного друга Дениса, подвизавшегося в строительстве и иногда в ремонте. Папашка у Дениса строил здоровые многоквартирные дома, были у него какие-то связи в администрации двух районов Подмоскowie, а сынишке он подгонял объекты поменьше, но тоже денежные. Так как таких объектов порядочно и одному было за ними не углядеть, Денис взял на работу меня, ибо без доверенного человека на объекте можно пролететь так, что еще и должен останешься, ну а Виталька был у меня что-то вроде правой руки. Честно скажу, очень нужной и полезной во всех смыслах этого слова. За все шесть лет, что я его знал, Виталик

не украл у нас ни копейки, хотя пару-тройку проверок я ему поначалу организовал, да и так поглядывал периодически.

Работа у меня была не напряженная, так как Денис работал только с проверенными заказчиками и по рекомендациям, что само по себе определяло некоторую честность в отношениях. Бригады рабочих были постоянные, и неожиданностей с запившими и проворовавшимися работягами не было по определению, ибо хозяев, не обманывающих строителей и выплачивающих все до последней копейки и вовремя, можно пересчитать по пальцам одной руки.

До, во время и после работы времени у меня хватало. Так что где-то два-три раза в неделю мы с Виталькой ездили к моему однокласснику в воинскую часть, где отстреливали по пятаку магазинов к «Калашам», мучили СВД и разминались с местной разведротой. Комполка смотрел на наши художества сквозь пальцы, так как я познакомил его с Денискиным отцом, бывшим военным и заядлым охотником, да раз в месяц не забывал заносить ему небольшую сумму в конверте. В общем, особенного смысла в этом не было, но стрельбой я занимался с детства, на войне, помимо всего остального, был солдатом с винтовкой, а если бы развлекался подобным образом в частном тире, то платил бы раз в семь больше. До полноценного снайпера я, конечно, не дотягивал, но стрелял в общем-то прилично.

Не скажу, что я заядлый охотник, но с кем поведешься, от того и дети. В том смысле, что Денис с отцом и еще

целой группой весьма небедного народа постоянно ездили стрелять то кабанов, то еще какую-нибудь живность, прихватывая периодически и меня с Виталькой. Не часто, но ездить с пустыми руками и смотреть, как стреляют другие, было совсем не комильфо, поэтому я купил недорогую вертикалку. А немного позже, позарившись на весьма невысокую цену, бэушный помповик, который пригодился лишь однажды, при обстоятельствах, от охоты весьма далеких. Как-то на стройке зацепились мы с Денисом с одним нашим субподрядчиком, некачественно выполнившим свою работу, но при этом громко выступавшим и апеллирующим к десятку своих соплеменников. Недалекий этот армянин, потрясая перед лицом Дениса своими весьма грязными пакшами, пытался выбить из моего приятеля дополнительные бабки и, главное, время, которого, как всегда, не хватало. Моментально вызверившись, я снес недоумка одним ударом, отчего соплеменники пришли в жуткое волнение, прошедшее, впрочем, моментально, как только они увидели в руках у Виталика означенный помповик. На чем конфликт и закончился. Носороги отстегнули неустойку, забрали так и не пришедшего в себя бригадира и, скорбя, растворились в лесах Подмосковья. Честно говоря, отделались они еще очень легко. Денис по звонку мог вызвать полтора десятка откровенных разбойников, вооруженных автоматами. Были у него и такие знакомцы. Какие дела Денис крутил с их предводителем, я не вникал, справедливо полагая, что на ухо мне не вперлись эти

треволнения.

Так и болтались мы с Виталиком по Невельскому району Псковской области. В процессе пытались ловить рыбу, но в основном просто глазели на окрестности. На карьер этот занесло нас в пути неожиданно. Ни на навигаторе, ни на достаточно подробной туристической карте обозначен он не был. Вдруг посреди нескончаемого леса открылось небольшое озерцо, а рядом здоровенный заброшенный песчаный карьер, приковывающий взгляд необычностью пейзажа и полным отсутствием людей. Остановились на берегу небольшого озерца и разбрелись по окрестностям. Я, умотавшийся за рулем, отправился разминать ноги, а Виталька, собрав спиннинг, побрел вдоль берега купать железку. Побродив по окрестностям, я дошел все же до карьера и спустился в котлован по короткой и неширокой дороге. Из каждой поездки, неважно, куда бы она ни была, я привозил по булыжнику, и дома, во дворе, скопилась их уже приличная куча.

Вот и сейчас я направился к такой куче, которая обязательно скапливается на любом карьере. В общем, ничего необычного не было, я ни в каком месте не геолог, а подбираю камни только по цвету или форме. Один булыжник все же привлек мое внимание, был он чуть в стороне от основной россыпи и торчал из песчаного склона. Камень я с грехом пополам вытащил в одно лицо. Намаялся неслабо, но вытащил. Оказался он ни разу не маленьким, и до машины я бы

его не допер. Вывалился булыжник с шумом, обвалив приличный пласт песка и едва меня не придавив. От души помянув его предков и про себя перекрестившись, я, прихрамывая, направился обратно. Желание переть что-то до машины пропало, и я оглянулся назад, только отойдя метров на тридцать. Наверху, у самого края обрыва, я увидел торчащее бревно.

Стало любопытно, и, забравшись наверх по дороге, я пошел вокруг карьера, не приближаясь, впрочем, к самому краю. Добравшись до места минут через пятнадцать, я увидел интересную картину. Свалившийся песок обнажил стену блиндажа.

Ковырять руками бревна я не стал, ко всему должен быть научный подход, ну или практический, кому как нравится. Да и не царское это дело, когда есть профессионал. Пришлось по рации выкликать Витальку к машине.

Надо сказать, что машина у меня упакована по полной программе. Помимо всяческих инструментов, спиннингов да удочек, сменного камуфляжа и обуви, генератора и газового баллона с плиткой, у нас всегда с собой и неприкосновенный запас из белорусских продуктов. Тушенка, сгущенка, шоколада десяток плиток, сахар с чаем и кофе, бомж-пакеты, макароны с рисом, соль да специи, коньяка фляжка, которую я уже года два впустую с собой таскаю, еще и постоянное сало. Виталька его специально у знакомых покупает. Шикарная, кстати, вещь, он на это витебское сало всех мо-

их приятелей подсадил. Не колбасу же туалетную всухомятку на объектах трескать. Поесть при нашей жизни по-человечески удастся не всегда. Поэтому у рюкзака продуктового в машине специальное место отгорожено.

Добрался до машины, Виталик уже здесь топчется, ключи-то от машины я с собой упер. Забыл, кстати, обычно мы их где-нибудь у машины, в приметном месте прикапываем. В поездках на рыбалку, разумеется, ибо друг за другом не набегаешься, а угнать мою машину даже при наличии ключа весьма проблематично. Есть у меня в машине две самодельные секретки, поставленные руками двух седовласых мастеров. С этими мужиками свела меня судьба совершенно случайно. Рекламу на свои услуги они не дают, но очередь на их работу растянута на пару месяцев вперед, как минимум. Просто до пенсии эти почтенные мужи работали в неприметном почтовом ящике, который делает автоматику для космических ракет. Умелых людей профессия кормит до конца жизни.

Подогнали джип поближе, совсем близко не получилось, подлесок невысокий, но густой, а давить своим американским монстром мелкие сосны у меня не поднялась рука. Угораздило же меня перехватить у Денискиного бати это штатовское чудо с шести с половиной литровым дизельным движком. Жрет оно, конечно, немало, но по исконно русской природе ходит не намного хуже трактора «Беларусь». Ну и комфорт на уровне лимузинов представительского класса,

плюс загрузить можно тонну с небольшим, что в дальних поездках – очень немаловажное обстоятельство. Так что я как купил этот необычный трактор четыре года назад, так ни на что более и не пересел.

Не спеша переоделись и переобулись, не в приличной же одежде земляными работами заниматься. Я – в ставшую уже привычной «горку», а Витальке как-то приглянулся двусторонний маскировочный костюм «партизан». Увидел его пару лет назад, купил четыре штуки и так в них все лето и рассекает. Пожевали на скорую руку, так, совсем чуть-чуть. Прихватили топор с лопатой, монтировку и неспешно направились за приключениями.

До блиндажа добрались быстро, от машины метров триста получилось, через негустой сосновый перелесок. Небольшая полянка на краю карьера обнаружилась неожиданно. Песчаная проплешина метров двадцать на тридцать без единой травинки, огороженная стройными молоденькими соснами с торчащими из песка тремя просмоленными бревнами.

Сначала искали лицевую стенку. Виталик притащил из своих инструментальных запасов длинный металлический штырь, из которого сварганил импровизированный щуп. К краю обрыва подходить не хотелось, поэтому, пока нашли дверь в блиндаж, провозились изрядно. Копать пришлось долго – пехотная лопатка у меня в машине только одна. Саму траншею, сменяясь, выкопали достаточно быстро, но потом песчаная стенка обвалилась, и пришлось расчищать площад-

ку.

Дверь обнаружилась почти посередине выкопанной нами щели. Немного смещенная в сторону карьера, она представляла собой почти квадратный лаз, заколоченный сбитой из толстых досок крышкой, совершенно без видимых глазу петель. Потом топором, монтировкой и с помощью неизменной матери попытались отковырять эту крышку. И тут нас ждал жесточайший облом. Мало того что бревна стены были плотно подогнаны и просмолены, они были прихвачены толстыми строительными скобами, скрепляющими бревна. Вернее, сначала пробиты этими скобами, а потом густо замазаны смолевым варом, или как там называется эта густая черная хрень, которой шпалы деревянные покрывают. А сама крышка лаза оказалась прибита здоровенными гвоздями, судя по шляпкам, двухсотыми, и опять-таки обмазана этим варом.

Сказать, что мы задолбались с Виталиком, – это не сказать ничего. Провозившись пару часов и оторвав пяток скоб, Виталик сходил в машину за бензопилой. С техникой дело пошло быстрее, и еще через сорок минут проем мы все же проковыряли. Хорошо еще, никто не догадался пробить эти скобами изнутри. Без особенных затей Виталик прорезал саму крышку, она все же была тоньше, чем почти капитальная стена. Помещение оказалось небольшим, почти квадратным, абсолютно пустым и, самое забавное, с двумя заколоченными дверями, ведущими в недра блиндажа, эта-

кий предбанник три на семь метров. Был в нем лишь небольшой столик, сколоченный из толстенных досок, да тройка сосновых чурбаков, по-видимому, заменяющих табуреты.

За стройработами мы не заметили, что на улице собирается вечер. Отчего изучение блиндажа оставили на утро, а сами решили притащить сюда газовую плитку и разбить палатку. В общем, в три захода мы притащили и продукты, и воду, и плитку, и газовый баллон, и кучу всяческих мелочей, составляющих немудреный быт вечных путешественников. Пока Виталик готовил фирменные шланги с мясом, а в просторечье макароны по-флотски, я дошел еще раз до машины, ибо оставлять в ней все три травмата и помповик было в корне неправильно. Да и неизменный чеснок с луком, обычная и ежедневная Виталькина еда, оставались пока в машине в овощном пакете вместе с огурцами. Помидоры мы с ним, по странному стечению обстоятельств, на дух не переносили.

Да, я знаю, что три травмата – это перебор, так как у человека только две руки. Мне рассказывали эту сказку на уроке анатомии в школе. Как потом оказалось, на войне у человека даже щупальца отрастают, ласты и жабры, а у некоторых особенно одаренных индивидуумов – крылья. К сожалению, те, кто не готов к такому элементарному тюнингу, остаются вечно молодыми. Подумав секунду, я все же вытащил из машины здоровенный рюкзак выживальщика, в котором лежала в том числе и моя скромная автомобильная аптечка, неизбежно сопровождающая меня в поездках по стране, а то по-

надобится какая-нибудь мелочь — и придется тащиться ночью в машину, сшибая сосны-маломерки.

По-скоренькому пожевав, я залез в блиндаж и попытался выбить левую дверь, без особенного, впрочем, успеха. Ногу я благополучно отбил, а дверь даже не шевельнулась. Помянув неизвестно чьих предков, я вернулся на волю, где неприятно удивился переменам. За недолгое в принципе время на улице собрался дождик. Палатка у Витальки уже стояла, но под дождем могла оказаться целая куча необходимых вещей и инструментов, живописно раскиданных по стоянке, так что пришлось собирать все это хозяйство и переправлять в блиндаж. Мне со своим почти двухметровым ростом корячиться в проеме было не сильно удобно, поэтому я собирал разложенные ровным слоем по песку вещи, а Виталик затаскивал все это хозяйство внутрь.

Тем временем ветер разгулялся не на шутку, сгибая молодые сосны и сметая накиданный нами песок. Выматерив непонятно откуда взявшуюся непогоду, мы стали судорожно сворачивать палатку. По большому счету переночевать можно было и в блиндаже. Гнилью там и не пахло, пол был ровный, из толстых, даже на первый взгляд мощных сосновых плах. Видел я такие плахи только однажды в жизни, когда мы занимались демонтажем квартиры, находившейся в самом центре Москвы, на первом этаже старинного особняка, в переулке рядом с известным всей стране домом на Лубянке. Эти плахи я упер и выложил ими дорожку позади соб-

ственного коттеджа, где они и лежали по сей день, хотя прошло уже изрядное количество лет.

На улице уже стоял невообразимый грохот, метались молнии, а дождь, казалось, сносил все на свете, так что пришлось нам занавесить проем палаткой. Стало немного тише. Ураган не стих, но перестало, по крайней мере, заносить брызги пополам с вездесущим песком. Раскатав туристические коврики и спальники и погасив налобные фонари, мы утомонились, чего не сказать про раздухарившуюся грозу. Казалось, что она стала сильнее, и я невольно передернулся, представив, что было бы с нами, останься мы на улице.

Спал я как у Христа за пазухой. Это у меня с войны – не могу спать на открытом месте. Даже дома любимое место на кровати в углу под покатой крышей. На рыбалке место выбираю в какой-нибудь ямке под деревом или в машине, иначе не усну, а здесь целый блиндаж. После контузии у меня крышу набекрень сдвинуло. Совсем не сорвало, хотя в психушке оказаться мог влегкую, но фобии развились конкретные, и одна из них – это спать в каком-нибудь укрытии. Иррациональный страх появляется и от отсутствия военно-полевой медицины, отчего я всегда таскаю с собой огромное количество лекарств, хирургических инструментов, анестезии и врачебной наркоты.

Проснулся рано, выспался отлично. Организм просился на волю. Нашупал налобник, нацепил на маковку и включил. Луч метнулся по блиндажу, скользнул по Виталику. С на-

лобниками главное – резко не поворачиваться. Виталик не спал, лупал глазами. Обычно в поездках он ночами вообще не спит или спит крайне мало, это если на рыбалке. Да и так на стоянках или в пути спит очень беспокойно. Так что если куда едем, за ночь на пару проезжаем значительно больше одной тысячи километров.

13 июля 1941 года. Начало

Первая странность обнаружилась почти сразу. Гроза никуда не делась, просто была она до странности необычная. Блиндаж ощутимо потряхивало. Вернее, не так, казалось, что гроза ушла не как обычно в одну сторону, а расползлась на несколько направлений. Отдаленные раскаты слышались с разных сторон, хотя и здорово приглушенные. Мелькнул луч второго фонаря. Завозился и поднялся Виталик, видно, тоже ведомый организмом. Ну да, что естественно, то не безобразно, надо выбираться. Сунулся к выходу, а из-под полога, что у нас палатка изображает, песок сыпется.

«Ничего себе ураганчик!» – мелькнула заполошная мыслишка. Хорошо, ведомый хомяческой привычкой не оставлять без присмотра ничего из вещей, я лопату в блиндаж закинул. Откопались быстро. Наши с Виталькой организмы настойчиво просились наружу, да и песка этого было чуть, хотя и пришлось его отгребать на себя, отодвинув от входа часть вещей. В блиндаж ворвался свежий воздух. Запах, какой-то странно знакомый. Горит, что ли, что-то? Только лесного по-

жара нам не хватало.

Выбирался я первым. Светает, вернее, сереет еще. Куча песка, что мы вчера выкинули, откапывая блиндаж, явно меньше стала. Пару сосенок, что мы рядом положили, в траншее скинуло. Запах. Да что же он мне напоминает? Что-то забыто знакомое. Спологи еще в разных местах, сбивают с мысли. Нет, не проснулся еще. Выбрался на волю и сразу принялся изображать мощный поток. Уф, хорошо-то как.

Странная гроза. Грохотала всю ночь, и сейчас где-то долбит, и неслабо так, молнии километрах в сорока в трех местах сверкают, и гром соответствующий. А здесь только маленький дождик, что ли, прошел? Как же она так проскочила? Возглас Виталика привлек мое внимание. Оглянувшись, я не поверил своим глазам. Карьера не было! Ну вот совсем не было, и все тут. Так же, как было, только наоборот – любимое Виталькино выражение. Вместо карьера был лес, вернее, нормально подросший такой перелесок, полностью закрывающий бывшую проплешину.

«Ошизеть не встать, верните карьер взад! Я к нему привык уже». Блин, еще башней съехать не хватало для полного счастья. И тут меня пробило, я вспомнил. Запах! Так пахнет сгоревший тротил после взрыва. Самка собаки! Как же я мог это забыть? Эфиоп вашу мать! Виталик все еще не врубается, а я полез в блиндаж за оружием. Мать иху, пукалки, если это то, о чем я думаю. Хватанул кобуру и помпу и полез обратно. Обычно невозмутимый белорус вид имел обалделый

и от этого слегка придурковатый. Сунул без слов ему помпу, сам нацепив подмышечную кобуру, коротко бросил: «К машине».

К ухудшине. Ни машины, ни сосен-малолеток, ни поляны не было и в помине. Лес, такой же, как и на месте бывшего карьера, чахлая проселочная дорога и чуть дальше – озеро, на котором Виталька ловил рыбу. Без слов вернулись к блиндажу, нефиг отсвечивать. Он-то не исчез? Не, вроде все нормально.

Падшая женщина! Нормально? В голове было совсем пусто. Что чувствовал Виталик, не знаю, а мне хотелось обратно. Мне хотелось домой. В теплое нутро комфортабельного джипа и домой. В свой с любовью построенный особняк. К своим двум девчонкам, тщательно отобранным из целого ряда претенденток. Мне совсем не хотелось на войну, мне одной хватило за гланды.

Сел прямо на песок, привалился спиной к невысокой куче, откинул голову и закрыл глаза, как будто какой-то стержень вынули. Не хотелось ни говорить, ни думать, ни шевелиться. Сколько так прошло времени – не знаю, но не думаю, что много. Потом появились мысли, но почему-то все матерные. Я даже не представлял, что у меня такой словарный запас. Открыл глаза. Лес и блиндаж никуда не делись.

Рассвело, ушли серые тени, вернулся отдаленный грохот, появились краски. Запах гари и тротила чуть притупился, или, скорее, я стал к нему привыкать. Я много читал фанта-

стики. Все эти попаданцы, что меняли ход войны, были ребята хваткие и энциклопедически образованные. Они сразу попадали к высшему руководству страны и меняли ход истории. Я не хочу воевать! Я уже навоевался по самое не балуйся. Мое появление у наших закончится стенкой ближайшего коровника или, что вероятнее всего, пулей в затылок от какого-нибудь замотанного войной особиста. Или меня запихнут в первую попавшуюся часть и заткнут этой частью внезапный, как это водится, прорыв, где нас наматывают на гусеницы очередной моторизированной колонны немцев. Если то, куда мы с Виталькой попали, вообще к немцам относится.

Имел я все это в виду. Надо собрать мозги в кучу и вообще понять, в каком измерении мы находимся, а в первую очередь найти Витальку. Виталик обнаружился совсем рядом. Привалившись спиной к сосне, он смолил сигарету, и, судя по всему, далеко не первую. Подойдя к нему, я плюхнулся рядом. Особо говорить было не о чем, явным лидером в нашей компании был я, но сегодня вообще надо было определить порядок действий. Предложил не суетиться, что, в общем, было логично. В первую очередь раскидать запасы, позавтракать и вскрыть двери блиндажа. Терзали меня смутные подозрения. Уж слишком капитально было это сооружение построено и тщательно законсервировано. Осталось проверить догадку.

Не торопясь дожевали вчерашний ужин. С посудой мы обычно не заморачиваемся. Виталька себе крышку от котел-

ка забирает, а я жую из котелка, пренебрегая посудой по извечной холостяцкой привычке, чтобы не мыть лишнего. Распределив вдоль стенок вещи, я предложил двери все же просто отодрать. Во-первых, чтобы не шуметь сверх меры, а во-вторых, сами двери могли бы и пригодиться. К тому же они были просто прихвачены шестью гвоздями к косяку, как оказалось при более пристальном рассмотрении.

Немного повозившись, Виталик все же смог открыть дверь. Да. Все как я и предполагал. Неслабая такая по размерам комната была уставлена в основном крепко заколоченными ящиками. Раскурочивать все ящики смысла не было. Я и так прекрасно знал, что в них находится, поэтому предложил Виталику заняться второй дверью. Через непродолжительное время вторая дверь сдалась. Мешки, ящики, ведерные стеклянные бутылки, несколько керосиновых ламп, канистры. Это был небольшой склад на случай войны. Я читал о таких складах. В этих местах проходила старая граница и была линия УРов – укрепленных районов. Мы как раз были недалеко от них. Справа от нас был Себежский УР, слева и впереди – Полоцкий, а позади нас и чуть левее располагался городишко Невель. Вот как раз из этих трех мест грохот-то и доносился, мы были почти посередине. Это если стоять условно спиной к Великим Лукам, а лицом к Россонам.

Вчера я пытался найти дорогу на эти самые Россоны. Это такой небольшой, но очень опрятный городок в Витебской области, где у Виталика жили родственники. Обычно, не за-

морачиваясь, мы проезжали через Невель и дальше, по очень приличной трассе, прямо до Витебска. Вторая трасса проходила через Себеж и упиралась в Верхнедвинск. Я, если честно, проезжал там всего один раз, проездом в Миоры, где у меня жила знакомая девчонка. Дорога мне не понравилась. Мало того что с нашей стороны в районе того же Себежа она была донельзя раздолбана, так еще и после Себежа начиналась самая настоящая брусчатая дорога.

Вот прямо так, асфальт неожиданно закончился, и началась брусчатка, изредка стыдливо прикрытая проплешинами асфальта. Такая же брусчатка есть в Москве, прямо напротив зоопарка, но там она метров двести пятьдесят, а здесь километров двадцать, до самой границы. Абсолютно пустой, ни наших погранцов, ни белорусских я там не увидел. Нет, в «белке» с дорогами все путем. Это у нас чем дальше от центра, тем задница дикобраза больше и отчетливей, а в «белке» даже на самой второстепенной дороге выбоину на полотне хрен отыщешь. Даже в этих сра... странных Миорах, практически в белорусском анусе мира, и то с дорогами все пучком. Там, где не пучком, говорят, «батька» имеет дорожников и днем и ночью во все мыслимые и немыслимые места и в самых замысловатых позах.

Получается так, что сейчас мы вдали от цивилизации, среди озер, болот и леса. Если верить вчерашней карте, оставшейся в машине вместе с навигатором, вот этот проселок должен был вывести нас прямо на дорогу, которая соединя-

ла Россоны с Невелем. Оставалось нам проехать до нее всего ничего, может, километров семь, правда, дорога эта заканчивалась в лесу, но я вчера на-деялся на удачу и на своего сильно переделанного американского монстра. Привлекал меня этот район в первую очередь тем, что здесь было просто немереное количество озер, и мы с Виталиком периодически выбирались сюда. Пока он квасил со старшим братом и многочисленными друзьями детства, я болтался по окрестностям, снимая местных девчонок или рыбака на маленьких озерах и речках, ибо к алкоголю был абсолютно равнодушен. К тому же после контузии у меня по пьяни наглухо переключивает башню, и это мое состояние элементарно небезопасно для окружающих.

Заслав Виталика разбирать продукты, я выбрался на улицу. Я даже теоретически не представлял, кто и где сейчас воюет. Нет, кое-что из истории у меня сохранилось, но это была та история. Она была далека, как пустыня Сахара, как Северный Ледовитый океан, как гребучие Соединенные Штаты. У меня не было никакого желания лезть в эту мясорубку.

Сегодня 13 июля. С трех сторон на всех твердых дорогах идут, судя по звукам, сильнейшие бои. Высунуться туда – это однозначно накрыться медным тазом. Сейчас мы фактически на переднем крае, разделенном лесами, болотами и озерами. Надо ждать, пока передний край не оттянется дальше на восток. У нас сейчас две основные опасности – наступающие немецкие войска, которые ломаются по основным до-

рогам, и, соответственно, отступающие разрозненные части наших, которые пробираются проселками и лесами. То, что это однозначно не мое время, я был уверен на все сто, да куда там, на тысячу процентов. Только что над головой с запада на Невель пролетели самолеты с характерными крестами.

В общем, надо землянку маскировать, а то и песок раскидан, и деревца поваленные. С проселка нас, конечно, не видно, но мало ли кого в лес занесет. Ну и пулемет надо искать, пора уже. Вернулся в землянку. Виталик особенно не утруждался, так, глянул на бесконечные мешки и коробки, достал пару банок тушняка и, открыв одну ножом, дегустировал находку. Вторую открывать смысла не было, и одной хватило бы за глаза, тем более что мы недавно поели. Так что озадачил я его новой идеей. Пора было вскрывать ящики.

Склад меня не разочаровал. Помимо неизбежных трехлинейек, в ящиках были два десятка ДП, три десятка ППД и четыре десятка СВТ, что само по себе означало весьма любопытную штуку. Я как-то читал о таких складах. Так вот, два десятка ДП – это двадцать ручных пулеметов Дегтярева, в общем, ничего необычного. Здоровенная дура на сошках и с блином сверху на сорок семь патронов. Где-то я читал, что это один из лучших ручных пулеметов этого времени. Три десятка ППД – пистолеты-пулеметы Дегтярева с диском снизу, а в просторечии – автоматы на семьдесят с лишним патронов. Тоже вроде ничего необычного, если не знать некоторых особенностей, и, наконец, четыре десятка СВТ – са-

мозарядные винтовки Токарева. Вот здесь-то и была засада.

Дело в том, что ППД были выпущены в тридцать восьмом году, а СВТ массово пошли в войска в тридцать девятом или в сороковом, не помню уже точно. Что само по себе означало, что этот склад к укрепрайонам никакого отношения не имеет, так как склады укрепрайонов закладывались много раньше, тогда, когда эти укрепрайоны строились, и нового оружия в них быть просто не могло. Что опять-таки означает, что у этого склада есть хозяин, и хозяин этот – НКВД. Приплыли. Почему НКВД? А с чего бы это армейцам закладывать склад оружия и снаряжения рядом со старой границей, если у них есть свои склады на новой границе? Так что все просчитывается по составу оружия. Автоматы были в основном у командиров и диверсионных групп. И СВТ, винтовка непростая, пехотный Ваня от нее отмахивался как черт от ладана. Вооружены ею были только самые продвинутые бойцы, моряки, пограничники и энкавэдэшники. В войсках эти винтовки только начали появляться, и только у бойцов с хоть каким-то образованием, то есть у разведчиков и сержантов. Эта неплохая для своего времени винтовка требовала бережного к ней отношения и частой чистки. Финны после финской войны, а позднее и немцы ее любили и активно использовали. Дело в том, что автоматические винтовки в то время массово выпускали только наша страна и «пиндосы», американцы, в смысле, и больше никто в мире.

В общем, чем больше я ковырялся в ящиках, тем больше

настроение мое ухудшалось. Были здесь и «Наганы», сколько — не знаю, считать не стал, отложил только пять штук и отдал Витальке вместе с патронами. Наконец нашел то, что искал: гранаты. По себе помню, гранат мало не бывает. Так что ящик отмел сразу. Пока все. Надо очищать оружие от смазки и маскироваться, все остальное потом.

Себе я взял СВТ и два «Нагана». Не потому, что не люблю автоматы, — я такие автоматы не люблю. К тому же я почти снайпер. Из десяти патронов СВТ я однозначно девять положу в цель, причем в любых условиях и из любого положения, это к бабке не ходи. Проверено на СВД! Впрочем, один ДП тоже начали готовить к бою и два ППД. А вот с гранатами я сначала пролетел. Нет, гранаты-то были, но я этими пользоваться не умел, это были РГД, тридцать третьего года. РГД-33 — это ручная граната Дьяконова. Граната хорошая, но очень уж специфическая. И запал у нее непривычно взводится, и взрывается она через ж... хм. Оригинально очень. И хранится она в разобранном виде. Отдельно корпус, рукоятка и детонатор. Причем если гранату собрать, то разобрать ее уже нельзя, а еще у нее как-то запал по-особенному взводится. Хрен я сейчас разберусь, да и, если честно, желания нет ковыряться. Мне бы что попроще и привычнее. Нет. На безбабье и с рыбой будешь общаться как с дамой, но я надеюсь, что это у нас не сегодня.

«Эфки» нашел почти сразу, они по двадцать штук в ящике, тоже зацепил ящик. Мне они привычнее, да и распихи-

вать удобнее. Прикольная граната. Как придумали французы в начале двадцатого века, так уже больше ста лет во всем мире и используется. Хоть какая-то польза от «лягушатников». Гранаты, шампанское да коньяк – это все, что они умудрились придумать за все время своего существования.

Сначала по-быстрому почистил СВТ и пару «Наганов», а то как голый. Потом принялся за гранаты. Нет, помпа есть, но в ней только четыре патрона, а про травматы я даже не говорю. Виталик пока развлекался с ППД. Тоже увлекательный конструктор, его пока зарядишь, семь потов сойдет, но только не у Виталика. Я вообще ему поражаюсь, в Виталькиных руках работает любая техника. Надо будет потом его РГД-33 озадачить. В общем, осваивали потихоньку. Такое оружие я в руках не держал, читал только про него и в музеях видел, но его более поздние аналоги даже длительное время использовал. Поэтому для меня что «Светка» СВД, что «Светка» СВТ. Та же «Светка», только старше возрастом, или младше. Смотря с какой стороны на это посмотреть.

Ну вроде справились. Набили магазины и диски, зарядили шесть «Наганов», ввинтили запалы на десятке гранат. Потом, прихватив оба автомата, полезли наверх. Маскировку блиндажа описывать, в общем, нечего. Засыпали траншею, оставив узкий лаз, размели ветками песок да воткнули обратно деревца. За всеми хлопотами перевалило далеко за полдень. Теперь имело смысл поискать на складе ништяки. Если это действительно склад НКВД, значит, в нем нет

только жареного мороженого. Надо копать. Нужны котелок и крупы, свечи, мыло, спички, сахар, соль, медикаменты. То, что они есть, я не сомневался. Только где? Надо найти форму и посмотреть, какая она. Глянуть, есть ли зимняя одежда и сколько, и главное, мне нужна карта. По всему этому разнообразию я смогу подсчитать, на какую группу рассчитывался этот склад. Но все равно мне нужна карта, и еще мне нужна была разгрузка, но это потом, сварганим из чего-нибудь. Из той же формы запасной, если время будет. На склад был запущен Виталик с конкретным заданием. То, что Виталик найдет все необходимое, я не сомневался, а вдвоем там только задницами толкаться и фонари зря жечь.

Загрузил я Виталика с одной целью. Надо было его занять конкретным делом, так как я вообще не мог представить, до чего додумается этот немного флегматичный белорус, потерявший в нашем времени полтора десятка только близких родственников. Это у меня, кроме двух девчонок и десятка приятелей, никого нет, а родственные связи белорусов выковываются годами, я неоднократно с этим сталкивался. Мне иногда казалось, что Виталику чисто физически необходимо побывать дома, притом что с бывшей женой он развелся девять лет назад, а ребенок у него был приемный. Иногда мой помощник просто срывался и звонил мне ночью из автобуса, откуда-нибудь из Смоленской области или уже из Витебска, просто ставя меня перед фактом: «Я еду домой». Нет, на самой работе это никак не сказывалось, приехать он мог уже на

следующий день – и сразу на объект. Да и вообще, в основном это было в «окнах» между работой. Сначала он вот так уезжал в одно лицо, а затем с ним начал ездить я, выбираясь на пару-тройку и больше дней и на рыбалку, и, если сказать честно, по бабам, потому что такого количества реально красивых девчонок больше, наверное, не было нигде. Я, по крайней мере, за всю свою кобелиную жизнь не встречал.

А еще мне надо было решить, что мне делать. Повторю. Что МНЕ делать. Прихватив автомат, я выбрался на улицу. Нет, я не собирался гулять по лесу. Мы в прифронтовой полосе. Несколько лет не самой мирной моей жизни приучили меня даже не к осторожности, а к звериному чувству опасности, и с сегодняшнего утра мой переключатель встал в положение «война». Так что я просто прилег у входа и стал неспешно обозревать окрестности.

Я не хотел воевать. Вот не хотел, и все тут. Вариантов, собственно, было немного. Можно затихариться в глухой деревне и вести сторожкую жизнь примака у красивой молодки или вдовушки, пока охреневшие от безнаказанности местные полицаи не сдадут меня в гестапо за бутылку самогона. Можно сидеть, как хомяк, на этом складе, проедая запасы, вшивея и зверея от одиночества, а можно попробовать прорваться куда-нибудь за границу. Мне вот Бразилия очень нравится или Куба. Вот только одна беда. Нет, не война – она через пару недель откатится на восток, а именно то, что сейчас воюет ровно полмира. Без языка, документов, транспор-

та, связей, денег, знания обстановки и местности, ну дальше можно не продолжать. Возможны варианты от концлагеря до безымянной могилы в лесу, это в лучшем случае. Нет, в принципе я пройду и Виталика с собой протащу, но притащу я его на ту же войну. Только будет эта война где-нибудь во Франции, Греции или Югославии, или в той же Африке. Так что мне было о чем подумать. Это еще нам повезло, что занесло нас в глухой лес, окруженный болотами и озерами, вдалеке от населенных пунктов и основных трасс, по которым стальным катком катятся немецкие танковые дивизии.

Была еще одна вещь, о которой имело смысл крепко подумать, вернее, как можно скорее решить эту проблему. Наши вещи. Я не знаю, что будет, если к немцам попадет, к примеру, наша бензопила, кстати говоря, husqvarna, или моя pompa, на минуточку, моcсберг, или все три моих травмата, или простейшие кенвудовские рации, или наши сотовые телефоны, или китайские налобные фонари. А состав пластика, из которого они сделаны? А элементы питания? Одни светодиодные лампы чего стоят! Дальше продолжать? Я не знаю, насколько уменьшится время лечения раненых и возвращенных в строй, если к ним попадут лекарства из моей аптечки. Здесь не знают, что такое одноразовый шприц и антибиотики! И это только мое решение и моя ответственность.

Чем больше я обо всем этом думал, тем меньше мне нравилась ситуация в целом. Я не хочу воевать. Очень. До зубового скрежета и до ледяного ужаса в печенке. Просто я знаю,

как выглядят оторванные у молоденького мальчишки ноги. Слышал, как кричит раненый, просящий промедол. Видел лицо хирурга, вышедшего из операционной и устало привалившегося к стене. Мы с моей группой собирали молоденьких ребят, раздолбанных взрывами в мелкие обгорелые куски. Я очень многое в своей жизни видел и очень не хочу воевать теперь еще и здесь. А придется. Нет, это не показной героизм, и ничем героическим здесь не пахнет. Это отчаяние загнанной в угол крысы. Я очень четко это осознаю, и мне от этого не легче. Пробило меня нехило. То, что я воевать буду, это мной не обсуждалось, только воевать буду по-своему, так, как умею. Мне в прошлый раз хватило идиотских приказов разжиревших генералов и подмахивающих им штабных полковников. Воевать-то я буду, но... недолго и здорово по-своему.

Виталик задание перевыполнил. У меня не было сомнений, что он все найдет. Практичный белорус всегда перед любой работой включал голову, и сейчас он нашел список склада. Или ведомость, или хрен знает, как называется то, что он нашел, но теперь он точно знал, что, где и сколько этого лежит в блиндаже. Мать вашу! Я и не думал, что у нас так всего много. Одних винтовок Мосина у меня было четыреста штук. Читая список, я медленно выпадал в осадок. Вот это попал так попал. Теперь я понимаю немцев. На том, что они захапали за первые месяцы войны, можно было жить припеваючи лет десять, если не больше. А еще меня начали

терзать смутные подозрения. Это был небольшой склад партизанского или разведывательно-диверсионного отряда, ибо здесь были рация, и взрывчатка, и форма. Ну конечно же! Кто бы сомневался? НКВД. Были здесь и подробные карты, и много, целая пачка, упакованная в плотную бумагу и перевязанная шпагатом. Только помочь они мне пока не могли. Очень забавные и ценные карты, целых шесть комплектов. Эстония, Латвия, Литва, Западная Белоруссия, часть Польши. Не было только района расположения блиндажа, а по месту я помню только несколько деревень в округе и дорогу в сторону Великих Лук.

Впрочем, теперь меня не пугало появление представителей всесильного НКВД. Просто этот блиндаж мы с Виталиком нашли в двадцать первом веке. Если хорошенько поискать в этом лесу, я думаю, можно найти строителей этого блиндажа, где-то здесь недалеко, в овраге, на двухметровой глубине. Вот такая вот лирика, а раз этот блиндаж дожил до нашего времени, значит, где-то в документах этот блиндаж завис в воздухе или люди, знающие о нем, кормят собою червей. Можно, конечно, предположить, что кто-то из высшего начальства оставил этот блиндаж как долговременную закладку и со временем здесь появятся посетители, но нам это вообще ничего не дает. Появятся и появятся, нам от этого ни горячо, ни холодно. Не ожидать же?

Присев у входа, я принялся озадачивать Виталика. Разложив пасьянс ситуации, я немного притормозил с выводами,

так как надо было дать ему время подумать. В общем, ничего нового он не надумал, придавленный реальностью жизни. Так что перешел к выводам и предложениям. Вначале я думал выкопать еще один схрон, в который имело смысл сложить все наши вещи, но почти сразу отменил это предположение. Нет, выкопать яму и свалить все туда – не проблема. Вот только через пяток месяцев все это придет в сильную негодность, за исключением, наверное, одноразовых шприцов. Так что выход, собственно, был только один. Надо вытряхивать оружие из ящиков, вскрывать полы и делать схрон в схроне.

Ну а пока повседневные мелочи – еда, вода, туалет. Это только кажется, что просто выкопать яму. А грунт куда девать? Нужны мешки, они есть на складе, но их же найти надо или вытряхнуть что-то ненужное. А мне все нужно, я как хомяк в амбаре, мне все нужно и всего жалко. У меня план вырисовывается. Мне нужен отряд. Мне его кормить, одевать и вооружать и на смерть посылать, потому что без потерь войны не бывает. А еще мне нужен немец, и лучше всего говорящий по-русски, живой, необязательно здоровый, еще лучше одноногий. Впрочем, ногу я ему прострелю или сломаю сам, как только он у меня появится. Я не садист, просто мне надо, чтобы я ему был нужнее, чем он мне, и мне нужно выжить в первые недели и убивать немцев. Я лучше всех в округе знаю, как это делать. Просто можно вспомнить, что здесь будет через год. Да что там через год? Уже через пару

месяцев. Тот же концлагерь Саласпилс недалеко от Риги, в котором я как-то был по молодости лет. Концентрационный лагерь. Детский лагерь смерти, если кто еще не понял. Так что у меня много дел.

Следующие четыре дня прошли на земляных работах. Работали мы, как негры на плантации, отрываясь только на еду, сон и отправление естественных надобностей, на которые ходили вдвоем, как на боевую операцию. Я не перестраховщик, но получить из кустов очередь из автомата, сидя в позе орла, можно в любом времени, а здесь, при определенном везении, еще и штык в спину. То, что окруженцы примут меня за немца, я ни разу не сомневался. В нашем случае лучше перебдеть, чем по дурусти нарваться.

Окруженцев, кстати, мы видели всего два раза. Первый – когда ходили под вечер за водой, случайно, краем глаза, отметив промелькнувшие на повороте проселка тени. Оставив Виталика в кустах у воды, я неслышно скользнул за ними. Тени материализовались в двоих крепких пехотинцев, один из которых был с немецким автоматом, а второй с мошинским карабином. Были они дозором небольшой разрозненной группы из девяти человек и шли в сторону деревни. Выделялась среди них только пара летчиков, остальные были пехотинцами. Привлекать их внимание я не стал – мне они были не нужны. Группа была неорганизованная и просто пыталась пробраться к своим. Второй – услышав негромкие голоса у озера и подтянувшись поближе, обнаружил неболь-

шую, в три десятка голов, организованную часть, видимо, недавно вылезших из очередного болота пехотинцев. Командовал ими раненный в голову и правую руку старший лейтенант. Навязываться я им не стал, отметив только то, что располагаются они на ночевку и среди них есть какой-то местный Сусанин, знающий окрестности как свои пять пальцев. Поэтому, не привлекая внимания, по-тихому оттянулся к блиндажу.

17 июля 1941 года

Сегодня 17 июля, теоретически, потому что я не знаю, какое сейчас здесь число. Два дня назад здорово грохотало около Невеля, потом затихло. В районе Себежа тоже притихло. Канонада в районе Полоцка то утихает, то разгорается с новой силой все четыре дня. Бои оттягиваются левее нас к Невелю. Похоже, гарнизон Полоцкого укрепленного района прорывается из Полоцка в направлении Великих Лук. Наше счастье, что прямо перед нами огромное болото и несколько озер, иначе окруженные войска шли бы прямо на нас. По этой же причине окруженцев практически нет, через это болото летают только самолеты.

Восемнадцатое июля, вечер. Земляные работы наконец закончены, яма готова. Лишняя земля вынута и выкинута в озеро, кстати, здесь не земля, а песок. Мы вообще на вершине песчаного холма. На дне ямы стоит первый ящик и ждет содержимое. Я убрал в схрон практически все, кроме ров-

но половины лекарств и инструментов из своей очень немаленькой аптечки, числящейся автомобильной только по названию, одного налобного фонаря, подвесной кобуры из-под травмата, в которую уместился один из «Наганов», своего и Виталькиного камуфляжа и обуви. Все остальное остается здесь.

Теперь мне нужны Виталькины золотые руки. Нам необходимы две разгрузки, нам нужно подогнать местную форму и переделать оружие. Кроме того, надо приготовить еще один отдельный схрон, в который я уберу часть оружия, боеприпасов и продовольствия. Просто никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Спутники бывают разные, и, если меня сюда занесет с кем-нибудь незнакомым, проще вскрыть небольшой схрон, чем из-за пары винтовок палить весь блиндаж. Вот такие вот планы.

Следующие четыре дня мы их осуществляли. Виталик исколот иглой все пальцы, и к исходу третьего дня мы экипировались в новую форму. Я стал капитаном НКВД, а Виталик старшим лейтенантом, это по гимнастеркам, весь остальной камуфляж я оставил свой, предполагая простое: связываться с двумя командирами НКВД не станет даже самый отмороженный комиссар, не говоря уже о старших командирах выходящих из окружения войск, а на немцев я, если честно, клал с прибором. Живым мне им все равно сдаваться нельзя, а буду я при этом в форме НКВД или в балетной пачке, разницы никакой нет.

Время поджигало, и второй схрон мы строить не стали, а просто прикопали недалеко от блиндажа ящик с винтажами, ящик с патронами, пулемет Дегтярева, пяток «Наганов», гранаты и продукты. Еще на складе Виталик обнаружил снайперскую «Мосинку», и я попросил его оторвать с одного ручника сошки и, если можно, присобачить на снайперку. То, что касалось техники или самоделки, для Виталика никогда не было сложностью, так что свои сошки на снайперку я получил. Как Виталик это сделал, так и осталось для меня загадкой.

Сегодня 22 июля, уже месяц как идет война, а для нас она начнется завтра или послезавтра. Загрузились мы как верблюды. Два ППД, СВТ и снайперка, по два «Нагана», по две фляги, ножи, по десятку гранат и патроны с продуктами и медициной. Виталик еще пару пачек махорки отмел, а то оставшиеся сигареты мы тоже в схрон отправили. Главное, конечно, моя медицина из неприкосновенного запаса и медицина местная, мы все-таки на войне, а я в отношении медицины параноик.

В отличие от долбанутых на всю голову автомобилистов, считающих, что рекомендации Минздрава спасут их на дороге, я таскаю с собой огромное количество нужной и ненужной мне медицины, периодически ее обновляя. Ибо нефиг. Никогда не знаешь, что тебе пригодится в архангельских или вологодских болотах, в которые меня заносит с завидной периодичностью. Теперь, конечно, уже заносило, но моя при-

вычка теперь здорово меня выручила, и то, что мы тащим с собой, – это очень далеко не все, что я автоматически при- тащил из машины.

23 июля 1941 года

План мой Виталик принял без дополнений. Я в принципе знал, где мне взять отряд. Знал, что бойцы этого отряда пойдут со мной в огонь и в воду. Будут умирать за меня, и молиться на меня, и, самое главное, никогда не предадут и не сдадутся в плен. Виталик со мной согласился, и любой согласится, только чуть позже, хотя нет, ТАМ согласится вообще любой. Где? Да в Верхнедвинском гетто. Да, я циник, и ничего человеческого во мне, наверное, уже не осталось, но я человек двадцать первого века, и Виталик понимает, о чем я говорю. Я когда-то читал, что в Литве за годы войны было уничтожено восемьдесят процентов евреев. Выжили лишь те, кто успел эвакуироваться на восток, и те, кого перед войной отправили на север как классово чуждый элемент. Вот они выжили, а остальные нет.

Сам я ни в каком месте не еврей, и Виталик тоже, но для нас это ничего не меняет. Я собираюсь уйти отсюда подальше, в Латвию и Литву, и строить небольшие опорные базы там. Уйду отсюда подальше, а уж там буду решать, куда двигаться дальше. Причина проста, я помню, что немцы будут творить в Белоруссии, и попасть под зачистку карателей мне совсем не улыбается, и, хотя Виталик знает эти места, ухо-

дить отсюда надо как можно скорее. Двинуться я решил на Себеж. Через Россоны и Полоцк было ближе, но там наверняка шел поток немцев, подкидывающих подкрепления на Великие Луки, а на Себеже давно было тихо. Видимо, немцы прорвались дальше, на Псков.

Рано утром двадцать третьего июля мы закопали блиндаж и тщательно все замаскировали. Потом я вспомнил, как мой дед перед дорогой совсем ненадолго садился. Поддавшись воспоминаниям, так и сказал Виталику: «посидим перед дорожкой». Плюхнулись на пятые точки и чуть посидели. За эти несколько мгновений обычно люди вспоминают, не оставили ли они перед дальней дорогой что-то важное. Мы оставляли в этом блиндаже всю свою прежнюю жизнь, но она уже была для нас неважна. Жизнь начиналась у нас новая. Ни чем не похожая на прежнюю, она могла закончиться уже за первым поворотом или у ближайшей деревни.

Всего десять дней назад мы ехали по этой дороге, сидя в комфортабельном джипе, теперь же неспешно шли по ней пешком. Был уже почти полдень, и впереди был целый день пути. Солнце жарило, как в пустыне Сахара. Отвык я от такой температуры и вообще от такой жизни. Хорошо, что в форме себя поддерживал, да и Витальку с собой везде таскал. И в тренажерный зал, и в бассейн, и к своему приятелю в военную часть. Мне просто одному скучно, и я быстро все бросаю, а так не успел расслабиться. Хотя, конечно, надо озаботиться каким-то транспортом, пешком не находишься,

на мне столько навешано, что к концу пути я сам сдохну.

Уже через двадцать минут я понял, что зря потащил ППД и «Мосинку». Но куда теперь деваться? Не выкидывать же? Это не наш метод. У меня отношение к оружию трепетное, отбери у меня стволы — я ножами обвешаюсь, как елка игрушками. Впрочем, я и так ими всегда обвешан. Только теперь к своему стандартному комплекту я добавил штык от СВТ и пехотную лопатку из машины, которые несколько дней точил и правил. Так что теперь этими приборами бесшумного, но неминуемого убийства при некоторой сноровке можно побриться.

Километров через семь впереди показалась деревня. Я не стал заморачиваться с разведкой, длительным наблюдением и ползанием по огородам. Немцам здесь делать нечего — до шоссе далеко, а окруженцы должны были уже давно пройти, и я поперся по деревне внаглую и не ошибся. Деревенька, в общем, небольшая, но обойти ее сложно. Она зажата двумя большими озерами, а вокруг сплошные болота. Шли по деревне неспешно, народу никого, только в одном огороде мелькнула шустрая старушка. Понятно, что за нами наблюдала вся деревня, главное, чтобы не в прицел пулемета. Потихоньку дошли до противоположной околицы, вышли из деревни и свернули в лес. И тут я решил схитрить и понаблюдать, да и отдохнуть надо было. Расчет оказался верным. Минут через сорок из деревни выехал мужик на телеге и шустро попылил в нашу сторону.

– Транспорт – это хорошо, жаль, не броневик, – вслух прокомментировал я.

– И не самолет, – поддакнул Виталька. Видимо, хождение пешком с грузом у него тоже не самое любимое занятие. Надо сказать, что, втянувшись в лес, мы первым делом пробежались метров сто пятьдесят по опушке и только после расположились наблюдать. Я в бинокль, а Виталька чуть в сторонке слушал лес, потом махнулись. Теперь ждали своего языка и «такси». Не просто же так я сидел сорок минут, до следующей деревни километров пятнадцать. В такую даль пешком переться утопчешься.

«Таксист» наш здорово удивился, увидев перед носом ствол автомата. Нас рядом с деревней он явно не ожидал увидеть. Загнали телегу в лес, и я быстренько начал трясти «таксиста». Увидев форму НКВД, он только что не обделался от страха, но стойко молчал, и это мне сильно не понравилось. Поэтому, не заморачиваясь, я заехал ему в печень, связал руки сзади и разрезал штаны вместе с подштанниками. После чего демонстративно срубил штыком от СВТ небольшую березку и объяснил, для чего. «Таксист» запел соловьем. По большому счету петь он мог все, что угодно, проверить его не было ни возможности, ни времени, я только подправлял песню в нужное русло. Мне главное было его сломать, а там, может, что-то полезное среди общего вранья услышу.

По обстановке дальше, в смысле по деревням, «таксист» не врал, я же помню, что проезжал, а вот дальше нес какой-то

бред про дивизию окруженцев, оседлавшую шоссе, чего быть не могло в принципе. Немцы не идиоты и долбили бы эту дивизию самолетами до посинения. В общем, «таксист» был мне больше не нужен. Он очень странно врал, боялся нашей формы и продолжал врать, и нужно было его зарезать, ибо «такси» мы дальше поведем сами. Но мне потом в эту деревню возвращаться, да и вреда мне он пока не нанесет, так что меня сменил Виталик, а «таксисту» я предложил заткнуться, пока не началось.

Расстались мы почти довольные друг другом. «Таксист», со связанными сзади руками, разрезанными штанами и стреноженными ногами, мог доскакать до деревни только через пару часов, как минимум, а мы не торопясь поехали на телеге.

Добрались до следующей деревни, небольшой и абсолютно пустынной, проехали ее и к ночи дотряслись до третьей. «Такси», в смысле телегу, оставили прямо на дороге, а лошадь освободили, обрезав постромки и отправив животину пастись. Вот в этой деревне, достаточно большой и совсем недалеко от шоссе, почти наверняка были немцы. Притормозили на околице и, расположившись прямо у крайнего огорода, наскоро пожевали, запивая тушенку водой из фляги. Блин, как она уже надоела. Десять дней одна тушенка. Правда, тушенка в этом времени классная. Величайшее изобретение человечества. Главное – здорово напрягало отсутствие лука с чесноком, которые мы с Виталькой сожрали за четы-

ре дня. Приучил меня Виталик, на свою голову, теперь витамины исчезают с космической скоростью, а найти нас на стройке, принюхиваясь, можно было по запаху.

В деревню я пробрался после заката. Шел налегке, только «Наганы», ножи и гранаты. Не скажу что легко, но до центра деревни дошел. Немцев было немного, видно, какая-то проходящая часть. Семь машин и пара мотоциклов с колясками, часовых двое. Хорошо, что деревенские рано спать ложатся, да и немцы наверняка всех разогнали. Пока фрицы в деревне, ни один нормальный человек девку из подпола не выпустит. А без девок какие посиделки с полежалками?

Вернулся к Виталику, он ждал меня на околице, загрузился, и протоптанной тропой пошли по деревне. Нагло? Да, нагло, но маршевая часть, глубокая ночь, отсутствие света и луны. Знал бы немецкий язык, горланя, по центральной улице бы поперся, а так на мягких лапах, я первый, Виталик за мной в трех шагах, прижимаясь к заборам и палисадникам. Вывел Виталика за околицу, разгрузились и вернулись обратно, к грузовикам, а вернее, к мотоциклам.

Первого часового я зарезал. Неэстетично. А что делать? Не надо спать на посту. Устав писали умные люди. Ну да ладно, в другой жизни перечитает. Забрал документы, прошелся по карманам. О! Сигареты! Порадую Виталика, а то он мучается с махоркой. Подсунул под труп лимонку. Ну так, чисто поржать. А вот второй часовой не спал, зараза, и его отвлек Виталик. Повернувшегося ко мне спиной немца я отоварил

со всей дури, рукояткой «Нагана» в висок. Готов, можно не править. Опять документы, пилотка, часы с руки, вторая лимонка.

Таких приколов вы еще не знаете. Ну ничего, ученье – свет, а недоучек – на кладбище. Винтари с часовых брать не стал, не последние еще, разживусь, и так нагружены по самое не могу. Третью лимонку пристроил под заднее колесо одной из машин. Кстати, машины. По-быстренькому, страхуя друг друга, прошвырнулись по грузовикам. Ага, какие-то ящики, значит, не пехота, поэтому и часовых так мало, еще одну гранату между ящиками, пусть сюрприз будет. Семь грузовиков, два мотоцикла – от пятнадцати до двадцати с копейками рож. Нет. Всех не вырежу, да и, если честно, после часовых меня внутри колбасит чего-то. За годы мирной и благополучной жизни отвык я от такого экстрима.

Теперь мотоциклы. Оба с пулеметами. Вот уроды, даже не сняли и с собой в хату не утащили. Совсем оборзели твари. В коляске одного лежит большой мешок. Из второго прихватил ящик, я надеюсь, с патронами, перегрузил в первый, он стоит удобнее, разворачивать не надо. Впряглись с Виталиком в этот мотоцикл и покатали его на выход. У второго мотоцикла обрезал все шланги. Я бы еще и колеса проколол, но сильно шумно шипеть будут.

Ходить пешком я не буду. У меня тонкая организация души, мне пешком ходить противопоказано, и так сегодня лишнего ходил, да еще под грузом. Добрались до оружия,

загрузили все в коляску и, по-прежнему пешедралом, пока-
тили добычу по дороге. Толкали мы мотоцикл где-то метров
восемьсот и, умотавшись окончательно, остановились. Ин-
тересно, когда у немцев будет смена караула? Вот ровно до
этого времени можно отдыхать. Расположились прямо на до-
роге. Одарил Виталика сигаретами, оказалось, он в бардаке
грузовика нашел сразу две пачки, порадовал водила.

Командиру второго батальона

94-го полка 284-й охранной дивизии

майору Гельмуту фон Кляйсту

Репорт

*Докладываю Вам, что в 4 часа 00 минут 24 июля 1941
года диверсионная группа советских войск совершила напа-
дение на транспортную колонну 115-й пехотной дивизии. В
результате боя погиб командир транспортной роты обер-
лейтенант Райххельм, обер-ефрейтор и одиннадцать рядо-
вых чинов. Еще пятеро рядовых получили различные ране-
ния. Также в результате нападения уничтожены два грузо-
вика с боеприпасами и мотоцикл. Один грузовик поврежден,
еще один мотоцикл неизвестными похищен. Силами вверен-
ной мне роты было произведено прочесывание леса, одна-
ко поиск неизвестной группы противника успехов не имел.
В дальнейшем были организованы мероприятия по поиску
нападавших в трех ближайших населенных пунктах и их
окрестностях. Указанные мероприятия продолжаются в
настоящее время.*

Командир четвертой роты второго батальона 94-го полка 284-й охранный дивизии обер-лейтенант Лемке

Граната взорвалась в четыре утра. Так показали трофейные часы, я даже прикорнуть успел, накатив пятьдесят капель коньяка для успокоения нервов. «Курвуазье»! Франция! Память из прошлой жизни! Недаром я его два года с собой таскал. Ну да, а что ему в схроне делать? Я его только во фляжку со склада перелил.

Виталик бдил. В деревне пошла потеха. Какой-то чудака даже влупил очередь, судя по звуку, из автомата. Вторая граната, веселья добавилось. Вот теперь вам часа на три развлекаловки, пока первый грузовик с места не стронете.

Сереет, детали пейзажа уже видны. Хорошо, свежо, самое мое любимое время летом. В мешке – женская шуба. Мне резко захотелось вернуться и найти владельца мешка. С трудом отогнал жгучее желание. Я надеюсь, это он нашел одного из часовых. Засунул обратно в мешок и пристроил в коляске, отдам кому-нибудь. Ящик оказался с гранатами. Колотушки, М-24, по-моему, если мне память не изменяет. Ладно, пусть будут.

Озадачил Виталика проверить горючку и завести мотоцикл. Сам обзираю окрестности, отойдя метров на пятнадцать в сторону деревни, отсюда лучше видно. В общем-то, ничего не видно, только вот опять из винтаря кто-то выстрелил. Устроил я праздник местным жителям, но мотоцикл

нам нужен. Пешком мы до Латвии только к концу лета дойдем, особенно если я вот таким вот образом в каждой деревне развлекаться буду.

Мотоцикл завелся и ровно затарахтел, я подбежал к Виталику и закинул автомат в коляску. Нахлобучил пилотку часового, второй пилотки нет, поэтому Виталику сказал намотать бандану. Сам сел за руль, Виталик сзади. Ну, покатали. Отъехали, впрочем, недалеко, проехали всего километров восемь. Как только вдалеке показалась следующая деревня, я остановился и заглушил мотоцикл. Надо было привести себя в порядок и переложить вещи.

Первым делом вытряхнул из багажника мотоцикла весь хлам. Там, под запасным колесом на коляске, нехилый такой ящик. Тряпки, впрочем, оставил, это, похоже, галеты, консервов шесть банок, фляга. Там же нашел кожаный ранец со всякими мелочами, двумя перевязочными пакетами и мотоциклетные очки. Убрал в ранец документы часовых, бритвенный прибор, одеколон, чистую тряпку и кинул ранец обратно. Очки отгреб себе, а Виталика начал маскировать, второй-то пилотки нет. Виталик будет у меня раненым в голову, для чего я намотал ему немаленький такой тюрбан из двух перевязочных пакетов, закрепив повязку под подбородком. Наше оружие, кроме Виталькиного автомата, я убрал в коляску, под брезентовый фартук. Пулемет на коляске был, даже лента заправлена, но нам за него сажать некого, да и некуда – коляска забита битком.

В общем, я надеюсь, выглядим мы не настолько несуразно, чтобы по нам сразу начали стрелять. Наш камуфляж издали похож на камуфляж разведчиков. Наверное. Другой одежды у нас все равно нет, а раздевать часовых было бы верхом наглости. Договорился с Виталей и об условных знаках. Языка-то мы не знаем, чуть что, сразу в бубен, а у меня руки на виду, так что начинает он. Если поднимаю левую руку – внимание, поднимаю правую – к бою, правой рукой стучу себя по левому плечу – гранаты, а дальше по обстановке.

Двинулись. Небольшая деревня забита войсками, часовые чуть ли не через дом, грузовики, броневики, мотоциклы. Гонию через деревню не останавливаясь, пыль за мной столбом. Вот и поздоровались, заодно и помоемся. Наконец деревня заканчивается, выездного поста нет. Ну и ладушки, живее будут, пока до фронта не доберутся. Ух, хорошо, я уже думал – мы сразу и приехали. Очень уж немцев в деревне много, и проснулись они рано. Сразу видно, на тот свет торопятся, на фронт, в смысле.

Еще километров через десять проселок вливается в шоссе. Налево Себеж, направо Пустошка, нам налево. Шоссе пока не слишком оживленно, проскакивают редкие машины. Остановился на перекрестке. Теперь мне нужен «спонсор», то есть машина или мотоцикл, который пойдет в нужную для меня сторону и к которому я прицеплюсь на небольшом отдалении. Я это называю спонсорский забег. Дома здорово помогало от диких гайцов, прячущихся по укромным уголкам

трассы. Может, и здесь поможет хоть немного.

Вон какой-то грузовик. В ту сторону вряд ли войска, скорее снабженцы или техничка чья-нибудь. Отпустил грузовик метров на двести, чтобы он меня пылью не закидывал, и качусь за ним. Встречка небольшая, в основном по несколько грузовиков. На обочинах много набитой техники, тряпки, обломки, трупов нет, видимо, прикопали уже.

Хорошо идем. Впереди опять деревня, но она слева, шоссе захватывает только ее край. Машина втягивается в деревню, я чуть притормозил. Не. Все вроде нормально. Двинулся дальше. Околица, все путем. А вот в самой деревне развилка, машина ушла направо, а мне, похоже, прямо. Выезжаю из деревни. Все, дальше лес. Дорога попетляла через лес, решил, пока утро, не останавливаться. Надо по холодку проскочить как можно дальше. Еще десяток километров, справа и слева болотце, потом опять лес и сразу после него, метров через триста, деревня. Самка собаки! Как же хреново без карты. Делать нечего, но войск нет – уже хорошо.

Эту деревню сильно пожевало войной. Похоже, колонну с воздуха разбомбили, и деревушке досталось. Половину домов по бревнам разобрали, и раздолбанные и перевернутые машины по обеим обочинам валяются. Не везде трупы собирали, запашок есть. Давно я его не нюхал. Я даже притормозил. Семнадцать человек неубранных насчитал, это только те, кого с дороги видно. Две трети где-то из них гражданские, и все на поле, похоже, долбили разбегающихся из ко-

лонны.

Остановился я зря, запах усилился. Как же здесь местные деревенские-то живут? Попали ребята, за них никто трупы не уберет. Немцам по барабану, максимум машины на запчасти растащат, а по жаре это долго вонять будет. Тронулся, скорость набирая. Надо сваливать, пропитается одежда запахом, потом только стираться. Проехали и эту деревню. Пора где-то останавливаться, но за ней было поле, и пришлось двигаться дальше. За полем начался перелесок, который переходил в лес, но опять съезда никакого не было.

Зараза! Мне что, на дороге спать, что ли? Опять двигаемся дальше. Время, время, мать его, мне надо уходить с дороги, а некуда. Навстречу показалась колонна. К грузовикам были прицеплены орудия, дорогу заволокло пылью, и скорость пришлось сбросить, но останавливаться я не собирался. Сколько уже прошло машин, я не считал, но много, очень много. Не только грузовики с орудиями, похоже, еще и с боеприпасами и пехотой, гусеничные бронетранспортеры и кухни. Полк? Дивизия? Блин, откуда я знаю их состав? Эта дорога прямая на Псков и Питер. Видимо, подкрепления идут туда.

Если честно, голова у меня была забита немного другим. До сих пор трупы на поле перед глазами стоят. Давно я такого не видел. Довелось мне один раз в жизни, по молодости лет, разнесенную колонну на дороге увидеть, а потом на такой же жаре собирать то, что от ребят осталось. Выворачивало ме-

ня после этого еще два дня, и неделю снилось. Гражданских там, правда, не было, только военоторговский «газон». Долго меня потом конфеты, насыпанные на трупы, во сне преследовали, а сами конфеты есть не могу до сих пор. С того дня как отрезало, а был сладкоежкой.

Наконец колонна прошла, прибавил скорость, пусть хоть немного пыль обдует, а то даже дышать нечем было. Лес заканчивался, пора сворачивать. Немцы уже проснулись, и по дороге сейчас пойдет сплошной поток, стал потихоньку притормаживать. Опять начался перелесок, а вот и съезд в поле. Сворачиваем и пылим по полевой дороге вдоль леса.

Само поле здорово раскурочено, воронки, подпалины, выгоревшие участки, разрозненные окопы, следы гусениц, чуть дальше, больше чем в километре, стоят четыре танка. Там вообще все перепахано, а у дороги, похоже, заслон сразу сбили, поэтому полевая дорога сохранилась. Надо будет ближе к вечеру там пошариться, может, осталось что ценное, та же карта в полевой сумке. Хотя вряд ли, раз запаха нет, значит, и трупов нет. Что само по себе означает, что трофейная команда работала. Они же и трупы прикопали, ну, или пленных пригоняли. Дорога-то в четырех местах была восстановлена, и воронки засыпаны, и битая техника на обочины скинута.

Встали мы удачно, в густом, но невысоком березовом перелеске. Грибов здесь, наверное, косой коси. Черт, какие грибы? Опять я о мирной жизни, никак мозги перестроить не могу. Ехал на мотоцикле и так же фиксировал: озеро

классное – рыбалка, перелесок – грибы, песок на озере промелькнет – пляж. Немцы, прибитые мной ночью, не вспоминаются вообще. Как отрезало, а вот такая ересь в голову лезет постоянно. Вот выверты сознания. Хотя, конечно, то, что с нами произошло, начинает осознаваться только сейчас. Просто потому, что перед глазами все чаще мелькают ужасы войны, а это не только трупы на дороге, но и то, что сейчас перед нашими глазами. Надо только голову повернуть – и смотри сколько влезет на наш подбитый танк, завалившийся одной гусеницей в неглубокую траншею. Это Т-26, по-моему, но я Т-26 от БТ не отличу. Так что не уверен. Одна гусеница у танка сбита, ствол пушки почти в землю упирается, люки открыты, но не сгорел. Он бензиновый, может, и повезло экипажу. Трупов, по крайней мере, рядом не валяется.

Здесь, в этом березняке, мы будем спать, а то сутки уже на ногах. Виталька – тот вообще не спал, а я около часа. Нервное напряжение отпускает, и разжимается пружина внутри, что была взведена с того момента, как мы ушли от блиндажа. Не хило мы отмотали за сутки. Главное – там, где мы нашумели, нас нет, и никто не видел нас здесь. Можно спокойно отдыхать весь день. Дорога рядом, но не настолько, чтобы отдыхающая на привале солдатня добралась до нас. Окруженцев тоже можно не опасаться, по этой же причине – дорога рядом и открытое поле. Подобраться по-тихому к нам невозможно – со стороны леса перелесок слишком густой. Плохо только, что воды рядом никакой нет, а шариться по

лесу в надежде найти родник у меня нет ни сил, ни желания. Так перетопчемся.

Загоняем бибику глубже в подлесок и маскируем срубленными березками. Все. Теперь отдыхать, раньше вечера я отсюда ни ногой. По-быстренькому раздеваемся и моемся. На это я пустил одну флягу воды из трех, больше нельзя, нам еще здесь весь день куковать. Пыль и песок даже на зубах. Смешно – я умыл пылью немцев в деревне, а они меня только что на дороге.

Первый спит Виталик, ему нужнее, у него это первая война и первый бой. То, что он ехал у меня за спиной, не значит ничего, все равно это бой, и внутри у него такая же пружина, как и у меня, только значительно мощнее. Виталья уснул, как только свалился на спальник, даже есть не стал, а у меня много забот. Надо все разложить и посмотреть внимательно, что нам досталось от немцев. Поесть, побриться и почистить оружие. Мне надо заниматься делом, а то усну на посту, а по такой жизни можно проснуться на небесах. Хотя, впрочем, нет, лично мне это не грозит, черти меня уже заждались, да и не усну я так.

Разбудил Виталика через три с половиной часа, когда уже начал вырубаться сам. Уже без четверти двенадцать, жарко, солнце здорово печет. Так что пришлось соорудить над Виталькой небольшой навес. Он даже не проснулся, хотя спал беспокойно, дергался и негромко разговаривал сам с собой. Одна из его особенностей, он иногда просыпается, когда раз-

говаривает во сне. В разведке с ним будет, мягко говоря, сложно, да и среди немцев не уснешь. Озадачил его конструкцией пулемета, заполз под коляску мотоцикла, наказал разбудить меня в три и тут же отрубился.

Проснулся сам. В пять. Отдохнул здорово. Виталик в своем репертуаре, будить меня не стал. Он всегда обо мне заботится, и война на него никак не повлияла. Поступает так, как он считает нужным. Все в ажуре. Пулемет вычищен, и заправлена новая лента, наша одежда отчищена от пыли, на втором туристическом коврике разложен импровизированный стол, открыты банки с консервами, лежат галеты и фляга с водой, даже стаканчик складной где-то нарыл.

Вот жук! Два хомяка в одной команде – это страшная сила. Пока обедали, налил ему полстакана из личных запасов, потом еще пол, надо снимать ему стресс. Себе не стал, мне еще бдить. Кстати, Виталька крайне редко ест один и вообще может не есть целый день, и с утра ест мало, только кофе, а кофе у нас банка только была, и она уже закончилась. Так что, когда подвернутся продвинутые фрицы, надо отжать. Необходимо заботиться о подчиненном. Все, уснул. Опять как выключили, устал он все же.

У меня был только один выход. Мы могли двигаться только вечером, ночью или ранним утром. Двигаться днем я не могу. Я не знаю языка, и первый же вопрос праздного фрица приведет к сшибке, после которой затравить меня будет делом техники и очень короткого времени. К сожалению, мы

не могли просто зайти в деревню и спросить дорогу. Нет, я не опасался, что меня выдадут, это может быть несколько позже. Я боялся оставить любой след, даже просто след остановки. В движении и в потоке мы незаметны. Как только мы остановились, мы выделились. Сейчас немцы не знают, что нам нужно на запад. Они нас там не ищут, а искать они начали часов в девять. Если нас и ищут, то по дороге к фронту или трясут ближайшие деревни. Пока они не прочесывают леса, потому что маршевые подразделения на это не рассчитаны, а тыловые и фельджандармы заточены на выявление разведки противника, вот таких вот лохов, как мы с Виталькой, проверку документов и нарушения внутри своих подразделений. Они не ищут партизан, они пока слова этого не знают, хотя здесь Белоруссия рядом. Окруженцев там осело много, и слово «партизан» немцы выучат быстро. Они вообще очень быстро учатся.

Можно было бы сбегать на дорогу и отловить кого-то там. Сейчас по ней идет поток частей, к фронту, и идти они будут до самого вечера, но простой солдат мне не нужен. Ну если только отдать его Виталику, чтобы он того зарезал, пусть учится. Но у простого солдафона из маршевого батальона карты не может быть в принципе. Надо искать местных связистов, а для этого необходимо найти хотя бы нитку связи.

Пока я чесал репу и напрягал мозги, а Виталька спал, карта приехала к нам сама. Вернее, прибежала. Сначала я услышал тарахтение мотоцикла, потом короткую очередь.

Толкнув Виталика, схватил бинокль и выглянул из подлеска. Впрочем, бинокль не понадобился, и так все прекрасно было видно. По полю мотоциклист гонял девчонку. Немцев было трое. Водитель пытался отжать девчонку к дороге, а два его приятеля, заходясь, ржали, передавая друг другу здоровенный пузырь, причем тот, что сидел за водилой, периодически одиночными постреливал в воздух из автомата.

Девчонка истерично металась по полю и громко визжала. Неожиданно тот, что сидел в коляске, свесившись, схватил девчонку за подол платья. Треснула тоненькая ткань, оголилось плечо, но девчонка вырвалась и припустила прямо к лесу. Я мог завалить уродов одной очередью, но у меня не было такого оружия, как у них, а выстрелы наверняка услышат на дороге, если там есть зрители.

Девочка почти добежала до перелеска, но по прямой во-дила надал, и тот, что сидел в коляске, схватил ее поперек и затянул на колени. Мотоцикл докатился до перелеска и заглох, с девчонки ободрали платье и бросили на землю. В общем, все было понятно – победители развлекались. Один держал девчонку за волосы и руки, второй пристраивался между разведенных ног, третий с удовольствием на все это смотрел, посасывая из оплетенной соломой бутылки, как потом оказалось, весьма неплохое вино.

Что может сделать хорошо подготовленный человек, вооруженный двумя ножами, объяснять никому не надо. Особенно когда его совсем не ждут. Того, что держал девчонку

за волосы, я завалил штыком в спину. Он был очень уж здоровым и, похоже, самым опасным. Второму с ходу пробил ногой в голову, как по футбольному мячу. Фриц так удобно раскорячился. Третий стоял слева и как раз запрокидывал голову, накатывая очередную порцию. Нож я оставил в трупе, поэтому со всей дури засадил ему по висюлькам кулаком. Немец фальцетом взвыл, сложился пополам и, рухнув на колени, свернулся на траве калачиком, зажмутив глаза и тоненько попискивая. Видимо, в экстазе. И сразу напомнил мне неродившегося младенца, которого на плакатах рисуют. Блин! Как же они называются? О! Эмбрион! Только эта скотина в пару десятков раз больше размерами.

Я еле успел сказать: «Живым», и Виталик вместо приема «приклад по черепу» исполнил прием «приклад в душу». Я планировал взять живым одного, а получилось двое. Здоровый, но неживой немец завалился прямо на девчонку, и визг немного приглушило. Требовалось срочно выключить звук, а то у меня образовалось много дел. Подсунув руки под правильного немца, я нащупал сонную артерию. Девчонка задергалась сильнее, но опыт победил, и она отрубилась. Что ж, пусть повалится. Я столкнул с нее пока единственный трупешник, а то задохнется ребенок. Немцев надо было срочно раздеть, причем догола. Чем мы по-шуструму и занялись, только сначала развернули и закатали мотоцикл в подлесок, насколько это было возможно. Очень удачно они нам форму привезли, и по размеру подходит. Витальке, правда,

будет великовата, ну да ладно, не ателье готового платья. Не понравится, сбегает на дорогу и выберет по размеру.

Сначала в четыре руки раздели и разули «зафутболенно-го». Заодно и связали в положении руки сзади. Справились достаточно быстро, потом накиннули его мундир на девчонку. Чисто чтобы под закатывающимся солнцем не обгорела. Говорят, вечерний загар самый стойкий, да и белизной своей смущает да выпуклостями, и, по ходу, не меня одного. Вон как «зафутболенный» глазами зыркает, обломали мы ему весь кайф. Ну да он в сознании и молчит, иногда даже жестами я бываю очень убедителен. Впрочем, «живой пример – покойный Иван Иванович» лежит рядом и не питюкает. Пусть только что-нибудь вякнет, ляжет рядом моментом. А рожу я ему капитально разнес! Приятно на него посмотреть. У меня сейчас такое настроение, что я ему все зубы вырежу штыком и совершенно без наркоза.

Так, теперь «эмбриона», тоже здоровенная скотина. Вот с этим уродом сложности, он разгибаться не хочет. Нейрон ему на воротник! Он вино мое уронил! А чем я фемину нашу буду отпаивать? Не. Есть немного, где-то с четверть. Ну ладно, живи пока. Повторим прием «сонная артерия». Можно было бы и по башке ему съездить. А если прибью под настроение? Он мне живой нужен, пока. Ненадолго. До вечера, не дольше. Опять в четыре руки раздеваем «европейского освободителя» и связываем, разумеется.

Теперь ништяки. Богатые фрицы! Два автомата, пулемет,

четыре пистолета, три ножа, две целых формы, не в крови, в смысле, очки. И главное – карта! Карта! Эфиоп вашу мать! Это вы удачно заехали. Я вас за такой подарок даже убью не больно. Зря я это пообещал. Погорячился. У меня на вас планы другие, и вам мои планы сильно не по-нравятся.

Пока девочка в отрубе, надо кое о чем договориться с Виталей. С этого момента имен у нас нет. Я теперь «Второй», а он «Третий» или, когда посторонние, но вроде наши, я капитан госбезопасности, а он старший лейтенант госбезопасности. Почему «Второй»? Чтобы никто не догадался, что «Первого» нет, мы же будем получать приказы из Центра или от командира. А «Первый» – это всегда секретарь обкома, горкома или райкома. Величина! Понимать надо конъюнктуру местного рынка. Слух-то все равно пойдет. Всем сразу захочется сдать мое несуществующее руководство и погреть на этом руки. Вот и пусть ищут до посинения, а я им еще помогу по месту. Мы с Виталиком такие затейники. Никому скучно не будет. Удачи им всем в их нелегком стукаческом деле.

Отсутствие у нас документов – достаточно серьезная проблема при встрече с различными окруженцами и оккупированными жителями, а рассекать в форме НКВД по тылам немцев – это не слишком простой способ самоубийства. Так что переодеваться нам все равно придется, благо форму мне по благу подогнали. Я бы и сейчас переоделся, но девчонку пугать не хочу. Объясняй ей потом полночи, что эти кадры – не мои приятели. Озадачил Виталика перегнать наш мото-

цикл с вещами. Что он через десять минут и сделал, просто свалив все разложенное в коляску, а мне пока нашу феми-ну приводить в чувство придется. Пора. У нее сейчас новая жизнь начнется или не начнется, это уж как кому повезет. Только нагнулся к ней, гляжу, а она уже сама глазами хлопает, только рот стал открываться заорать, форму мою раз-глядела, ну да, энкавэдэшную, теперь глаза распахиваются, я и не знал, что у человека так широко глаза открываются. Потом мотоцикл затарахтел, она аж съежилась. Вот напуга-ли ребенка, уроды. Я палец к губам приложил.

– Свои – говорю, – это «Третий». – Она головой затрясла. Поняла, значит. Тут Виталик подтянулся. Он уже одеться и обуться успел, а то в одном трусняке, босиком и с автоматом Виталик смотрелся довольно необычно. В другом случае я задолбал бы его своими подначками, но не в этот раз. С дру-гой стороны, молодец, подтянулся сразу и поучаствовал, а не за штаны схватился. Прикладом в грудь «зафутболен-ному» он так зарядил, что тот ни о каком сопротивлении и думать не мог, хотя поначалу ствол у него был под руками.

Загнали второй мотоцикл и поставили рядом. Хорошо они смотрятся! Красиво. Один мотоцикл новый совсем, это тот, который фельджандармы нам подогнали, второй пою-занный, но тоже ничего. Главное – пулеметов теперь два, ес-ли кто на поле вылезет, мы его в два смычка в пыль разнесем. Если это не танк будет. Эх, что-то я опять обрастаю вещами. Пора искать грузовик.

То, что я собираюсь сделать, выходит за рамки здравого смысла. Выходит за рамки понимания жизни и гуманизма, человеческих и дружеских отношений, но у меня нет главного. Времени. У меня катастрофически нет времени. У меня нет времени на обучение людей и на понимание, сможет ли завтра человек убивать или психологически не сможет этого сделать. Именно для этого мне нужны живые фрицы. Можно резать и труп. Вернее, сначала они будут резать труп. Вынут штык, разденут на пару, а потом будут его резать, но у меня нет другого выхода. Мне надо собирать отряд, и обкатывать систему обучения отряда я буду на единственном близком мне человеке и на этой пигалице. Иначе все бессмысленно.

Дело в том, что я не могу просто набрать приبلудных окруженцев, возглавить их и решать свои дела. Возникнет слишком много вопросов. Не могу примкнуть ни к какому отряду или окруженной части. В этом случае вопросов будет еще больше. Я предпочитаю собрать небольшой отряд преданных лично мне людей и, перемещаясь по нескольким областям, максимально гадить немцам. При этом я совершенно не собираюсь бросаться с голой пятой точкой на танки. Эта точка у меня одна, я к ней привык, и терять ее из-за идиотизма красных командиров и комиссаров у меня нет никакого желания.

Нет, конечно, можно сжечь танк и один на один. Но обычно танки в одиночку по полям не шарятся, а таскаются с целой свитой почитателей и поклонников, а те, в свою очередь,

очень не любят, когда их любимую железку обижают. Махаться со всей германской армией я совершенно не собираюсь. Так, потихоньку, полегоньку, по часовому, по мотоциклисту, приبلудной машинке и мимо пробегающему паровозу, отщипывать я согласен. А иначе пусть идут все лесом, тульский самовар им всем за ухо. Я могу прямо сейчас все и всех бросить и в одиночку пробраться отсюда. Куда? Это я решу потом. Один я пройду куда угодно. Что по немцам, что по нашим. По трупам, разумеется. В ту же Венесуэлу, Бразилию или Аргентину, через Болгарию, Турцию, а затем и Африку. Туда, где не воюют, где ласковое море, мягкий песок и полуголые красотки. Туда, где еще лет тридцать не будет войны. Доберусь и буду просто жить, ни о чем не думая и не терзая себя угрызениями совести. Это не наша с Виталиком война. Мы здесь случайно и в мясорубку не полезем.

Сейчас девчонка приходит в себя, глядя, как мы с Виталиком облачаемся в немецкую одежду и пакуем оружие и снаряжение теперь уже в два мотоцикла. Да, я решил на время оставить себе две бибики, до того времени, пока не найду грузовик. Просто мне жалко бросать пулемет, ну или пигалицу, но пулемет мне жалко больше. Еще и своего оружия куча, и ящик с гранатами. Если посадить девчонку в коляску мотоцикла, весь хабар придется выкидывать, а это не в моих правилах.

В первую очередь я разделся почти догола, абсолютно не стесняясь никого. Это тоже испытание для девчонки и обкат-

ка для меня. Вспыхнула и отвернулась, но я специально разделся у нашего мотоцикла и голый пошел к бывшим шмоткам «эмбриона», они мне больше по размеру подходят. Прямо перед носом у пигалицы. О! Процесс пошел! Она заметила, во что одета. Но это еще цветочки! Ты не знаешь, что я для тебя приготовил. Штык я специально из немца не вытащил, будет тебе первое испытание или Виталику. Как пойдет. Нет у меня для тебя одежды, вот просто нет, и все. Так же как есть, только наоборот. Только нательное белье и мундир «правильного» немца. Почему «правильного»? Да потому что холодный и молчаливый.

Нательное белье проигнорировал, хорошее, кстати, надо будет потом кого-нибудь загрузить постирать, пригодится. Форма подошла почти идеально, «эмбрион» поздоровее будет, но не сильно заметно, правда, рукава мундира все равно короткие. Ладно, закатаю, они все равно в колоннах через одного с закатанными рукавами. Виталик тоже переодевается. Мать вашу душу! Я только сейчас заметил, ну я и тормоз! Он у нас теперь фельдфебель или унтер-офицер, я в этих званиях не разбираюсь, но не рядовой! Единственный рядовой как раз я. Правильный тоже чин, только поменьше. Понятно теперь, почему «зафутболенный» первым был, все по чину, и еще мы теперь фельджандармы. У них бляхи такие, на цепочках. Вот это подарок так подарок, даже кожаные плащи, что на сиденье в коляске лежат, меня порадовали меньше. Вот свезло так свезло! Не фрицы, а пещера Алад-

дина! Всю жизнь мечтал стать немецким гаишником. Теперь надо только на их коллег сдуру не нарваться.

Вооружены фельджандармы были очень неплохо. У всех троих по «Парабеллуму» Р-08, а у «эмбриона» еще и ТТ. Надыбал где-то пистолетик вторым стволом. Даже в кобуре, и кобура висит на ремне так же, как у нас – справа сзади. Пусть будет, пригодится. Тетеха – штука хорошая, патроны надо будет только поискать. Отмету в заначку как запасной ствол, а себе два «Парабеллума» заберу. С двух рук я стрелять умею. Особенно если в упор.

О! Вот и «эмбрион» очнулся! И сразу попытался стать эмбрионом, а руки не пускают, и пасть стал открывать не по делу. Лопочет чего-то, голос повышает. Я как раз свои ботинки обул, ну да, переобуваться я не стал, мне удобство важнее, а к сапогам я не приучен. Щас, падшая женщина, будет тебе повышение голоса. Красивые у него висюльки! Прямо целые помидоры. Грамотно я ему зарядил! Больно тебе, наверное? Это еще не больно, больно, когда голым заднепроходным отверстием на муравейник, но муравейника у меня нет, а березок вокруг полно. Вот почему деревенский мужик сразу понял, а цивилизованный почти европеец нет? Наверное, потому что я немецкого не знаю? Ничего, я на пальцах объясню.

Сначала, понятно, профилактический пинок в печень. Обоим. Но ведь потом мог бы и помолчать? Вот «зафутболенный» понятливый, но он, похоже, по-русски понимает,

слишком прядет ушами, и рожа осмысленная. Он бы давно заорал, просто я начеку и надолго из внимания их не выпускаю, а то, что я его в секунду зарежу, как только он попытается воздуха набрать, он понял с полпинка. Да и в живых надеется остаться, наверняка думает, что я его допрашивать буду. Форму-то он тоже разглядел, а мне его допрашивать не о чем, я его совсем для другого в плен взял. Разве что только спросить, где его камрады базируются?

Пришлось делать кляпы. Кусок березы сантиметров в тридцать поперек пасти, перехваченный пропыленным бинтом Виталика. Такую оригинальную конструкцию они еще не встречали. Зато дешево и быстро. Ну да, немного неприятно, но это же не ножом по горлу. Во! А говорят, по-русски не понимают. Все отлично понимают, главное – правильно объяснять. Бейцы – это бейцы, но можно ведь и просто штыком слегка пощекотать. Ничего, что теперь кровь течет. Потечет-потечет и перестанет. Не волнуйся, кровью истечь не успеешь. Я не позволю мучиться европейцу. В край, жгут наложу на шею, а если будешь плохо себя вести, затяну не полностью. И великий воин сдыхать будет очень долго и очень мучительно, прямо мучительней некуда. Не. Это не я придумал, это китайцы, все претензии к ним.

Прошу Виталика дать мне стакан, наливаю вина и даю девчонке. Я специально не заговариваю с ней. Не пытаюсь узнать ее имя, возраст и прочее. Я веду себя так, как будто ее здесь нет. Мне не все равно, но спрашивать сейчас бес-

смысленно. Она еще не отошла от шока, если начну расспрашивать, может начаться истерика. Поэтому быстро, четко и только своими делами. Будет время, поговорим. Сначала она мотала головой, но я просто объяснил, что здесь командир я и она либо с нами, либо сама. Если сама, то сняла мундир и пошла отсюда, некогда с тобой возиться. Я понимаю, что это жестко, даже жестоко, но мне надо от нее полное послушание. Это потом я буду жалеть эту девочку и искать ее родственников, а сейчас надо понять, как выжить. Так что три стакана слабенького вина она осилила. Я тоже приложился, из горла, а Виталик добил. Точно «зафутболенный» язык понимает, прислушивается, гаденыш. Отведя Виталика в сторону, быстренько рисую картину, как вижу, не забывая про «зафутболенного». Поэтому берем немцев и раскладываем отдельно мордами вниз, чтобы были видны руки, потом беру бинокль, накидываю разгрузку, хватаю ППД и бегу по опушке к дороге.

Самая правдивая информация – это та, которую ты получил сам. Остановился метров за двести от шоссе и принялся высматривать обстановку. На дороге обычная движуха, машины небольшими колоннами и по одной, и огромная колонна пехоты, почему-то пешедралом и с телегами. Ни комитета по встрече, ни зрителей, ни напарников «правильных». Ну да их скоро будет трое, причем обязательно будет. Всего ничего с ними общаюсь, а уже жалею, что живыми взял, но взять «языка» – это у меня рефлекс, вбитый на уровне под-

сознания. Наблюдаю минут десять и скачу обратно. Ничего нового, кроме десятка велосипедистов с винтовками, шустрой стайкой проехавших мимо. Вообще заметил: винтовки – основное оружие. Автоматы только сейчас попались, зато единых пулеметов достаточно много. МG-34 – хорошая машинка и закреплена на коляске на жестком поворотном вертлюге.

На стоянке идиллия. Виталик разговорил девочку, сидят чуть в сторонке, воркуют. Даром, что ли, я ее поил? Виталик должен был ей еще треть стакана коньяка накатить, ибо командир приказал, и покормить слегка, открытые банки с консервами у нас остались, не пропадать же добру. Им еще «правильного» раздевать, пока не заоченел, и ей его мундир надевать, а на трезвую может и сломаться. Не зверь же я. Своих надо беречь. У нас же все как всегда, я – злобный командир, а Виталя – добрый подчиненный. Мы этим приемом и на стройке пользовались. Я поэтому и фрицев пинаю в одно лицо. Надо, чтобы Виталик был добрым, а пинающий связанного пленного добрым быть не может по определению. Местные девочки и мальчики так воспитаны.

Мне-то лично все равно. Если понадобится для дела, я «эмбриона» и «зафутболенного» забью ногами или прикладом автомата до смерти, а «правильного» убью еще раз, каким-нибудь заковыристым способом. Но только если надо для дела. Я не зверь – ничего личного. Ненависти к немцам у меня нет и в помине, но война к личным качествам отдель-

ных людей никакого отношения не имеет. Есть только четкое разграничение: ты и враг.

Точно «зафутболенный» язык понимает, вон как уши в трубочку вытянулись, и голову в сторону Виталика с девочкой повернул. А повернулся-то он как удобно. Пока я гулял, этот шустрый немец развернулся на один бок и принялся крутить кистями, пытаюсь освободиться от ремня. Ну сейчас ты у меня получишь! Проходя мимо, вклеил ему с ноги в бочину. Исключительно профилактически, чтобы не расслаблялся.

Никакого садизма или издевательств. Обычное психологическое давление и обязательное физическое. «Зафутболенного» аж подкинуло, совсем он пинка не ожидал. Когда необходимо, я умею ходить совершенно бесшумно. Там, где я провел некоторую часть своей жизни, это был один из элементов выживания. Яростно обернувшись «зафутболенному» я по-дружески улыбнулся. От таких улыбок люди в штаны накладывают, но ему некуда накладывать. Он, как и «эмбрион», голый. Это тоже элемент психологического воздействия. Голый человек очень неуютно себя чувствует.

Еще раз, ослабившись и дружески кивнув звереющему немцу, я тут же резко ударил еще раз, носком ботинка по нерву на руке. Такое уметь надо, этому в школе не учат. Это чтобы ты, гаденыш, место свое не забывал, а будешь неправильно смотреть, еще раз по башке получишь. Хорошая штука этот березовый кляп! Жаль только, не сосновый или ело-

вый, он неприятней, смола все же, да и кора немного отличается. Ничего, еще не вечер. Будешь себя плохо вести, я тебя, падаль, за то поле с убитыми беженцами прямо здесь освежую, у меня как раз настроение подходящее. Кстати, о вечере. Подойдя к своим, тихонько опустил рядом. Застал только концовку рассказа, но и ее мне хватило, хотя ничего необычного я не услышал. Правда, планы придется менять, психологическая накачка Виталику уже не нужна. Ну да ничего, фрицы не последние на дороге. А история? История обычная для этой войны.

Жила-была семья. Папа – советский служащий, где он там трудился, я не застал. Мама – учительница, бабушка да две девчонки-погодки семнадцати и шестнадцати лет, Вера и Катя соответственно. Обычная семья. Когда в конце июня во время авианалета в их дом попала бомба, сестренки выжили случайно. Их просто не было дома. Они были у подружки, семья которой собиралась эвакуироваться. Пришли домой, а вместо дома яма, даже хоронить некого, и из вещей осталось только то, что на них. Вместе с этой семьей они, убитые горем, поехали в эвакуацию, но уйти далеко не удалось. Сразу за Себежем машина сломалась, и они остались в приютившей их семье еле знакомых им крестьян.

Добренький крестьянин, миленький такой дядечка, поселил сестренку в сараюшке рядом с домом, нагрузив попутно всей работой по дому, включая полив огорода размером с два футбольных поля. Понятно, что поливом занималась

и вся семья, включая малолетних детей. Четыре дня назад немцам приглянулась старшая дочка хозяина дома, и он, паскуда, недолго думая отдал сестренку немцам. Два дня назад вот эти вот трое освободителей от большевизма забрали сестренку Веры, просто отловив девчонку на улице, а сегодня добренький крестьянин отправил Веру за грибами в ближайший лес, только почему-то не с утра, как обычно, а ближе к вечеру. Вот такая вот простенькая история, и это я еще без особых подробностей.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности! – обратился я к Виталику. – Расстрелять «эмбриона». Штыком! Второго не трогать. – Виталик как во сне подошел к «правильному», рывком вытащил из него штык, даже коленом уперся ему в поясницу, потом в три шага оказался рядом с «эмбрионом» и с силой воткнул ему штык между лопаток. Как на скотобойне. Видно, рассказ девочки его пронял до печенок. «Зафутболенный» тоже впечатлился по самое не могу, но мне на его переживания с высокой колокольни не рассмотреть. Мне еще о покойниках думать.

– Стрелять умеешь? – спрашиваю у девочки.

– Нет. – Длинные косы аж хлестнули по бокам и спине девочки. Ничего себе резкость. Я думал, у девчонки сил уже не осталось. Куда же алкоголь, что мы в нее впихнули, делся?

– А научиться хочешь?

– Да. – Не менее резкий кивок. Блин. Осторожней надо с вопросами. Отломится голова у девчонки. Как ее потом об-

ратно присобачивать? Суперклей здесь еще не придумали.

– «Третий»! Обеспечить «Наганом», научить пользоваться, вставить в барабан два патрона, мишень – «зафутболенный».

Виталик достал «Наган», откинул барабан, вытряхнул патроны и, вставив два, поставил барабан на место.

– Хотя ладно, – уже миролюбивей добавил я, – дай я сам. Глянь, что там у фрицев выпить есть, и давай поедим, что ли, вечером ехать, а когда поесть в следующий раз удастся, не знаю. – Выпить – это не мне, это Виталику, он только что первого человека убил, причем штыком, надо стресс ему снимать. После чего сел рядом с девочкой, отдал ей «Наган» и показал, как держать его двумя руками. Держа ее ладошки, крепко сжимающие револьвер, взвел курок, навел остолбеневшему от дикого ужаса «зафутболенному» в живот и сказал:

– Этот твою сестренку убил? Вот мы ему сейчас в живот, пусть помучается. – Договорить я не успел, выстрел раздался моментально. «Зафутболенного» выгнуло дугой, крик прорывался через березовую деревяшку, и получался дикий, утробный вой. Я мельком, краем глаза глянул на девочку и поразился. Прищуренные глаза, решительно сжатые губы. Раздался щелчок, и сразу второй выстрел. В голове «зафутболенного» появилась незапланированная дыра. Точно в переносицу. Охренеть. Пока я на нее смотрел, девочка взвела курок и сразу выстрелила. И попала. Вундеркинд. Берем.

Отдам свою снайперку, вот только куда-нибудь доберемся, и сам учить буду. Никому такого самородка не доверю. В жизни такого не видел. Чтобы в первый раз в жизни взять в руки ствол и со второго выстрела попасть прямо в дергающуюся башку живому человеку, да еще и по пьяни. И это девочка семнадцати лет от роду? Ее чуть подучить, надежней стрелка в тылу не будет. Если еще основы маскировки дать, глядишь, снайпера выращу. Ой-е! И не рефлексует она, как таракана раздавила.

– Молодец, – говорю, – теперь разбирай и заряжай. – А сам внутри замер. Песец. Толстый полярный лис, в смысле. Она видела, как откидывается барабан один раз, и тут же сама. Сама! Откинула барабан, вытряхнула стреляные гильзы и подняла на меня бездонные озера глаз. Я застыл, пораженный четкими движениями этого ребенка, но тут же справился с собой. Закрепляй. Ой, какая девочка! Действительно самородок.

– Чего смотришь? Патроны у «Третьего». Бери и заряжай. «Третий»! Дай два патрона. – Виталик подошел и положил на ладошку девочки два патрона.

– Заряжай и стреляй. – Не скажу что быстро, но зарядила и опять на меня смотрит.

– Стреляй, Вера, остальным в голову. Они не обидятся, а обидятся – нам плевать. – Щелчок, выстрел, щелчок, выстрел. Две дырки. Одна у «правильного». Вторая у «эмбриона». Обе в переносицу.

– Разряди, – говорю, – и тренируйся взводить и нажимать на курок каждой из рук. Теперь это твое тренировочное оружие. – Сам я в шоке. Много я в жизни видел, но такое в первый раз. Это я к чему? И «эмбрион», и «правильный» лежат в разных позах и на разных расстояниях. Ненамного, но тем не менее, а дырки у них почти одинаковые. Плюс дыра у «зафутболенного». Точно выше переносицы, разница максимум два миллиметра, специально подошел, посмотрел.

Сильна деваха! Ее бы моему тренеру показать. С таким глазомером чемпионами становятся, если в правильные руки попадают. Это она стрелять не умеет? Ее учить уже почти нечему, только уходу за оружием, определению расстояния до объекта и маскировке. «Наган» я ей тоже специально отдал, пусть руки тренирует. Курок у «Нагана» тяжеловат для девчонки, пока не взведет, не выстрелит. Вот и пусть тренируется, заодно лишние мысли в голову лезть не будут, а с оружием ей однозначно спокойнее. Вон как в «Наган» вцепилась.

Все же хомяческая привычка – штука незаменимая в жизни. Пока Виталик накрывал импровизированный стол, я забрал мешок из нашего мотоцикла и вытряхнул из него шубу. Шуба оказалась вполне приличным женским полушубком, даже с меховой оторочкой. Пока девчонка переодевалась, а Виталик опять накрывал на стол, я сел изучать карту и почти сразу обнаружил несоответствие. Верхнедвинска не было, был город Дрисса. Вот бы я влетел, если бы стал искать

Верхнедвинск.

Вот это след так след! Интересно, а куда Верхнедвинск подевался? Загадка природы. Да и ладно, для меня как-то разницы нет. Мест компактного проживания евреев здесь полно, и гетто где-нибудь обнаружим. Заодно и дорогу наметил. Ломиться через Себеж смысла не было, там на въездах наверняка стационарные посты стоят, а вот в объезд дорога есть, и очень неплохая дорога.

— Другое дело! — сказал я, когда Вера вышла из кустов, где переодевалась. Честно говоря, дубленка сидела на девчонке как на корове седло, но все лучше, чем китель пятьдесят шестого размера. Правда, в дубленке ей будет жарковато. А куда деваться? Знал бы, заказал фрицам пару платьев. Интересно! Она уже не выглядела испуганной. «Зафутболенного» завалила, не дрогнула, мимо голых трупов прошла, не поморщилась, а ведь часа не прошло, как орала как резаная, и Виталик уже вроде отошел. Посмотрю, конечно, как дальше будет, но с ним мне спокойней и надежней. Другое дело, куда мне девать девчонку? Не с собой же тащить. Надо с Виталиком посоветоваться, а то я сам голову сломаю. В принципе я собирался набрать и девчонок, но не с них же начинать. Хотя от этой девочки отказаться сложно, и красива, как модель, и стреляет правильно, и нервами не бренчит, а что она там у нас дальше будет делать, стрелять, раны перевязывать, готовить или на шухере стоять, я придумаю по ходу дела.

— Садись к столу.

Присели за импровизированный стол. Виталик так и молчит все это время. Ничего, пусть перегорит, не выворачивает его, и ладно. Коньяка он с девочкой накатил, сейчас усвоится, в процессе еще грамм сто пятьдесят добавит, и баиньки.

– Давай думать, что с тобой делать. У тебя родственники или друзья есть? Те, у кого ты можешь жить?

Девочка молча и медленно, как будто заторможенно, отрицательно покачала головой. Похоже, адреналиновый отходняк начался или алкоголь дошел.

– Мы можем тебя взять с собой, либо в наш отряд, либо до того момента, пока не найдем тебе людей, которые тебя приютят. Но если ты у нас останешься, условия у тебя будут как у всех, а жить в лесу и постоянно на ногах очень тяжело. Подумай! Тебе все это надо? Война будет долгой и очень жестокой, если ты останешься, тебе надо будет очень многому научиться. Если ты слышала наши имена, забудь, если тебя кто-то о нас спросит, ты можешь сказать, что я капитан госбезопасности, а он старший лейтенант. Но вообще, я «Второй», а он «Третий», «Первого» ты никогда не увидишь, но знать о тебе он будет. Это основное правило. Пока твое имя «Седьмой».

– А почему «Седьмая»? – удивленно и так же заторможенно спросила Вера.

– Не «Седьмая», а «Седьмой». Потому что я тебе это сказал. Если я буду объяснять тебе все свои приказы, это будет не воинское подразделение, а собрание колхоза, но сейчас

я тебе объясню. Во-первых, так короче, в боевой обстановке проще общаться короткими фразами, а если в отряде будет две Веры? Во-вторых, твое имя будут знать только «Первый», я и «Третий», и никто не сможет выдать имя бойца или его родственников. Во время привалов можешь задавать любые вопросы, мы ответим, но во все остальное время разговоры только по делу. — С коньяком для Веры я погорячился. Коньяк явно был лишним, на адреналине и вине она продержалась бы гораздо дольше, а так Веру срубило уже в середине ужина. Намаялась девчонка, не самый легкий у нее был сегодня день. Не рассчитал я немного, в следующий раз умнее буду. С другой стороны, неплохо, хоть поспит ребенок несколько часов.

Раздевали «правильного» мы с Виталиком. Здоровый он все же был, прямо огромный, не сильно высокий, но размера шестидесятого. Это он удачно ко мне спиной повернулся. Судя по его движениям, мужик был тренированный и резкий. Заодно и трупы подальше в перелесок оттащили, не ночевать же рядом с ними. Третий комплект формы мне был не слишком нужен, тем более такого размера, но кулацкая привычка пересилила. Да и сапоги добротные, может, сменяем на что, и вообще фрицы были упакованные и продуктами, и пойлом, только французского коньяка было шесть бутылок, и оружием. Вот только лента к пулемету была одна, и патронов к унтеровским МП-40 только по тройке магазинов и по три пустых в подсумках. Были и мотоциклетные

очки. Все же эти немцы не вояки, а обор-зевшие гаишники, хотя, конечно, эти гаишники на войне, и лохов у них не держат. Хорошо еще, что патроны от «Маузера 98к», основной немецкой винтовки, которой вооружена вся пехота, к пулемету подходят, так что патронами разживусь, ну а патроны к автоматам были в багажнике мотоцикла, так что в четыре руки набили магазины.

Остаться здесь я решил до утра. Переться вечером через деревню, забитую немцами, не слишком разумно, тем более что и ночевать в таком случае придется неизвестно где. Так что просто упаковали все в одну коляску, оставив себе по немецкому автомату и по пистолету. Долго думал, как при-собачить на руль мотоцикла гранаты, руки-то заняты и, если что, тянуться до гранат далеко, а на Веру надежды нет. По-быстрому не сделаем, а на соплях – еще соскочит грана-та под колеса. Будем все иметь бледный вид. Пришлось рас-пихать гранаты по нагрудным карманам кителя. Плюнул я на эти плащи, хотя штука очень удобная, от пыли точно защища-ет, но тогда до гранат не добраться. В нагрудные кар-маны запихали. Как раз вошли, по две штуки на лицо полу-чилось. Деваться-то некуда, документы нам не предъявлять, а без гранат проще самим застрелиться. Единственное, что смог Виталик на руль приладить, – это кобуру с «Наганом». Там между вилкой руля и баком места много. Я рулем по-крутил во все стороны, вроде нормально, нигде не цепляет-ся. Пока светло, мы раскидали и почистили оба автомата и

пистолеты, надо же понимать, что в руках держишь, а то я их в целом виде только в кино видел, а в нецелом — у знакомых черных копателей. Сам автомат оказался на удивление тяжелым, но легче, чем наш, и держать удобнее. Патронов, правда, в два раза меньше, и при стрельбе держать приходится только за цевье автомата, ну да ладно, нам в атаку не ходить. В нашем деле главное — смыться вовремя.

Вот сейчас меня гложет одна мысль: не хватятся ли наших покойничков к ночи? А если хватятся, где искать будут? Допросить, конечно, можно было бы, а заодно и спросить, где они сестренку Веры закопали, но я думаю, что нигде, просто на поле где-нибудь выкинули или в такой вот перелесок. Мало их сейчас по полям и перелескам валяется? Да немерено. Мы же для них не люди. Так. Трава и то ценнее. Вот и у меня к ним сейчас такое же трепетное отношение, если не хуже, а допрашивать эту падаль — это только Веру теребить. Сейчас пропала сестренка и пропала, девочка с этим уже смирилась.

В общем, срываться с места не стал, проблемы буду решать по мере возникновения. Со стороны поля ко мне не подойдут, а ночью немца в лес не загонишь. С этими мыслями и спать легли, вернее, Витальку уложил. Сам решил немного побдить, тем более что спать совсем не хотелось. Веру мы так и не будили, устроили только на коврике поудобнее да кителем ноги накрыли. Комары, мать их, так никуда и не делись, июль все-таки, но у меня с комарами все путем. Меня они почему-то совсем не жрут. Может, заразиться боятся? В

полвторого меня сменил Виталик, и до четырех я нормально покемарил.

*Командиру роты
полевой жандармерии
284-й охранной дивизии
обер-лейтенанту Эриху Пауку
Рапорт*

Докладываю Вам, что вечером 24 июля 1941 года в районе деревни Александрово пропал мотоциклетный патруль в составе обер-фельд-фебеля Ганса Ханна, обер-ефрейтора Эриха Шлоттера и рядового Пауля Дрешиера. Ввиду наступившей темноты поиски пропавших военнослужащих не производились. В 16.30 25 июля 1941 года в результате прочесывания лесного массива в районе села Александрово искомые были обнаружены убитыми. Униформа, оружие и мотоцикл военнослужащих похищены. Поиск неизвестных, уничтоживших мотоциклетный патруль, продолжается.

Командир первого взвода роты полевой жандармерии 284-й охранной дивизии лейтенант Вальтер Пантель

25 июля 1941 года

В пять были уже на колесах и не торопясь, уступом, чтобы не засыпать пылью Виталика, катили по дороге. Веру я усадил с Виталиком, вооружив двумя «Наганами», одним заряженным и тем, что без патронов, чтобы набивала руку. Так и катились часа два. Прошли Верину деревню, потом лес и

еще три деревни, забитые войсками по самое не могу. Хорошо, что я вчера на эмоциях к Вериному знакомому крестьянину не заскочил, как планировал. Угробил бы и себя, и Виталика, и ребенка, ну и десяток фрицев, а это не равноценный размен.

В третьей деревне был нужный нам поворот налево, в который мы и свернули. Дальше проще, второстепенная дорога. Немцы уже проснулись, но цепляться к двум незнакомым фельдшармрам не рвались. Дорога здорово раздолбана. Здесь и следы гусениц, и воронки от бомб и снарядов. А, вон оно что! В сторонке бункер УРа, прикрывающий развилку дорог, и дымится еще. Вернее, не дымится, а так, какой-то дымок, как марево, подрагивает. Видно, напоследок огнеметами прошлись. Впрочем, разглядывать возможности нет, здесь бы в воронку не свалиться. Этот бункер не любили все кому не лень, а самолеты, похоже, летали как на работу. Перекрестку тоже досталось по полной программе, но его уже слегка восстановили, засыпав наиболее крупные ямы.

Памятка по охране советских военнопленных

Командам охраны даются следующие основные указания.

1) Беспощадная кара при малейших признаках протеста и неповиновения. Для подавления сопротивления беспощадно применять оружие. В военнопленных, совершивших побег, стрелять без предупреждения с твердым намерением попасть в цель.

2) Любое общение с военнопленными, равно как и во вре-

мя марша на работу и с работы, кроме отдачи служебных команд, запрещено. Строго запрещается курить на марше на работу и с работы, а также во время работы. Предотвращать любое общение военнопленных с гражданскими лицами и в случае необходимости применять оружие, в том числе и против гражданских лиц.

3) На рабочем месте также требуется постоянный неусыпный надзор немецкой охраны. Каждый охранник должен держаться на такой дистанции от военнопленных, чтобы в любое время иметь возможность применить оружие. Никогда не поворачиваться спиной к военнопленному.

Вообще-то я знал, что я наглый сын самки собаки, но не до такой же степени. Но все по порядку. Нам уже было пора на дневку. Свою норму по расстоянию мы выполнили и даже перевыполнили. Надо уже отдыхать, и помыться бы не мешало. Я только в кителе, а спарился уже и задолбался рулем крутить, особенно на разбитом участке дороги. А как там Вера? Она в дубленке и под брезентовым фартуком коляски. Голову мы ей, как и вчера Виталику, замотали бинтами, чтобы косы не торчали, и она как в парилке. Как только держится девчонка?

На удивление, этот участок дороги был пустынен. Изредка только проносились встречные машины, обдавая нас клубами пыли. Здесь дорога восстановлена, причем засыпали ямы недавно, но уйти с дороги было просто некуда, слева было поле, а справа приличных размеров озеро. Пленных я увидел

не сразу, вернее, не сразу признал. Человек сорок работали на дороге, и охраняли их вшивые шесть фрицев. Мы сначала их проскочили. Каюсь, тормознул. Как-то дико было осознавать, что такую толпу охраняют только шестеро. Двое, правда, на мотоцикле с коляской при пулемете. Причем все шестеро собрались у мотоцикла. Проехали мы метров сто пятьдесят, после чего я остановился. Разговаривать было не о чем. Если есть возможность убить шестерых немцев и освободить толпу пленных, то надо это делать, а не репу чесать. Мне пленные по большому счету на ухо не вперлись, но если они потом хотя бы десяток немцев грохнут, все польза.

– «Седьмой», стреляешь после нас. «Третий». Останавливаемся, глушим мотики, не торопясь слезаем. Помни, мы для них мелкое, но начальство. Они, нас увидев, прихорашиваться начнут. Я начинаю слева, ты справа, учти, автомат закидывает вверх. Так что лучше бей короткими очередями. Коротко, патрона три-четыре, ты умеешь. – Приготовив автоматы, развернулись и медленно покатили обратно.

Так и получилось. Я свалил четверых, с пулеметчиком во главе. Виталька двоих, они как раз от мотоцикла в сторону пленных направились, контролировать работу, типа. Неплохо я Витальку стрелять в свое время научил. Двоих завалил и не поморщился. Надо сказать, что пленные сообразили сразу, восемь человек с ходу рванули к нам. Сразу видно, инициативная группа. Среди них выделялся здоровенный, явно выше меня ростом, дядька. Мало того что выше меня, так

он в плечах раза в полтора больше. Меня он одним ударом завалит, если попадет, правда, это далеко не всем удастся, но это к делу не относится. Пришлось тихим незлобным матом направлять энергию в нужное русло.

– Командиры, сержанты и коммунисты, ко мне! Кто старший?

Вперед на полшага выступил невысокий коренастый парень в грязной нательной рубаше и с перебинтованной таким же грязным бинтом головой.

– Организовать продолжение работы, а то начнут разбегаться, всех запалят! Выделить мне пять бойцов. Остальные – быстро хватаете немцев и тащите на озеро. Там раздеваете и застирываете кровь на их форме, и сами искупайтесь.

«Третий»! Выдай китель, пусть тоже простирнут. Что стоим? Немцев ждем? Вашу мать!

Процесс пошел. «Коренастый» шустро убежал к остальным, и оттуда, так же бегом, прискакали пятеро. Четверых я тут же отправил на озеро отмываться, отстирываться и одеваться в немецкую форму. Добавил только, чтобы все, кроме сигарет, из карманов собрали и мне принесли. На пятого напялил каску, один из плащей и посадил в коляску за пулемет.

– «Третий»! Дойди до стройки, проясни обстановку. Пусть работу изображают. Потом со старшим ко мне.

– «Седьмой»! – Вот Вера у нас в прострации. Слишком быстро у нас все происходит, не успевает девчонка. – «Седьмой»! Душу твою невоспитанную! Сходи на озеро, скажи,

чтобы те, кому подходит форма, побрились. Пусть надевают мокрую и вооружаются, и пришли ко мне самого здорового. Подожди, бритву возьми, и сама сполоснись и бинт сними.

Бритвенные приборы я специально вчера отдельно отложил, вместе с мыльно-рыльными принадлежностями. Классные бритвы, мне одна такая от деда досталась, а он с той войны привез. По пути смел все в один вещмешок, кинув в него пять банок тушняка из наших запасов, круг колбасы и почти полный каравай домашнего хлеба. Охранники тоже себе в еде не отказывали – хлеб свежий. Вера своим несуразным видом напрочь сразила нашего псевдопулеметчика. Он чуть из коляски не выпал. Я бы тоже удивился, если бы впервые увидел Елену Прекрасную, одетую как огородное пугало, с чалмой на голове и с двумя «Наганами» в руках. Вера, если ее отмыть и переодеть, реально красивая девчонка.

– Стой. «Наганы» мне отдай. – Догнал немного отошедшую Веру. – Разговаривать будешь со здоровым дядькой. И громко, чтобы все слышали, скажешь: «Товарищ капитан госбезопасности приказал подойти, как помоешься и переоденешься». Поняла? Выполнять.

Вовремя мы. Как только все разбежались, прошла пара грузовиков. Первый притормозить вроде хотел, но, увидев фельджандармов, с хрустом переключил передачу и покатил дальше.

– Фух! Думал, попали на ровном месте, – сказал я, обернувшись к побледневшему пулеметчику. – Руки прямо сами

тянутся к гранатам, – добавил, дружелюбно улыбаясь.

Глаза бывшего пленного стали принимать осмысленное выражение, хотя сидел он так, как будто с низкого старта собрался рвануть куда глаза глядят.

– Чего ты напрягся-то? Немцев не видел? А какого мужского полового органа я тебя за пулемет посадил?

Вот засранцы! Это я уже про Виталика с «Коренастым». Идут чуть не под ручку, как пионеры на зорьке, шепчутся дружелюбно, улыбаются. Хорошо, на дороге никого нет. Понятно, что водила глаза вылупил – охранник с пленными разговаривает, а они его не убили еще. Сейчас получают свои заслуженные аплодисменты.

– Товарищ старший лейтенант госбезопасности! Вы с головой совсем не дружите? У нас война или прогулка в парке Шевченко? Мать, мать, мать, мать! – И еще около минуты великого и могучего русского языка.

«Коренастый» впечатлился по самое не могу. Старлей госбезопасности по армейским меркам – майор, а его, как рядового, по маме, по папе и по остальным родственникам в придачу.

– «Третий»! Водила, глядя на вас, чуть из машины не выпал. А доложит сейчас? Делать что будем? По лесам ныкать-ся? – Виталик, умница, просек фишку сразу.

– Извините, товарищ капитан госбезопасности, – говорит, – не подумал.

– А сейчас, падшая женщина, подумал? – Продолжаю на-

гнетать обстановку. – Я – рядовой, ты – унтер, а передо мной навытяжку стоишь! Разверни мотоцикл, чтобы дорогу в противоположную сторону держать. Представьтесь, – уже обращаясь к «Коренастому».

– Лейтенант Карпов! Командир минометного взвода пятого полка двадцать второй дивизии внутренних войск НКВД СССР.

– Капитан госбезопасности Новиков. Теперь быстро, лейтенант, давай на озеро и гони мне всех, на кого форма налезла, и сам побрейся. Через десять минут минимум трое должны стоять здесь. Чистые, бритые, с оружием и желанием воевать. Еще я там девочку послал, чтобы помылась, проконтролируй, чтобы не пялились и не обидели. Бегом!

Через десяток минут трое в форме стояли передо мной.

– Бойцы! Кто из вас может снять часового ножом? – обратился к ним. Вызвался только один. – «Третий»! Остальных на пулеметы. Покажешь, как пользоваться.

Боец! – обратился я к своему псевдопулеметчику. – Возьми форму и попробуйте вон на того здорового надеть, скажешь, я передал, китель там. Куда поперся в каске и плаще? Бегом!

Вот так и построил всех. Специально, между прочим, если они сейчас думать начнут, много несоответствий могут выявить или документы у меня спросить. Мы же с Виталиком в немецкой форме.

– «Третий»! Кителя у всех расстегнуть на пуговицу или

две, рукава закатать, а то они как на параде, и так, чтобы отметин пулевых спереди не видно было. Проконтролируй.

Каюсь, с дырками в груди – это двое моих крестников, больно далеко стояли и вразброс, и так исхитриться пришлось. Двоим-то в голову прилетело, а этих не доставал, как получилось, так получилось. Виталькины оба в спину, ему было проще. Пока прихорашивались, остальные четверо подошли. Во главе со здоровым, китель «правильного» ему подошел, но на горле все равно еле застегнулся, и рукава короткие. Смотреть на этого дылду с красным от натуги лицом было забавно.

– Как дети, блин, – обратился к нему и, подойдя, сам расстегнул на нем пару пуговиц. – Рукава закатайте, представьтесь.

Дядька солидным басом представился:

– Старшина Мамошин! Вторая резервная застава Таургентского пограничного отряда. – Старшина, значит. Хорошо. Мне этот мужик нравился все больше и больше.

– Кто из вновь прибывших может ножом снять часового?

О как! Все четверо. Они из одного подразделения или мне так повезло?

– Ставлю задачу! Нам необходимы две машины, поэтому я торможу одиночные грузовики и режу водителей. Мне нужен боец, который с улыбкой зарежет пассажира или под предлогом «прикурить». Пулеметчики, если в кузове пехота, живым никто уйти не должен. Стрелять только по кузову, по

колесам и мотору стрелять запрещаю. Старшина. Вы лучше знаете людей, нужны водители, чем больше, тем лучше. Направьте двух бойцов к работающим пленным. Задача: делать вид, что наблюдают за работой, не подходить, не давать закурить, не разговаривать. Можно вполголоса объяснить обстановку.

«Третий»! Ты и двое бойцов в резерве, старшине выдай ППД и пару гранат.

Пока старшина раздавал целеуказания, а Виталик показывал третьему бойцу, как пользоваться пулеметом, я развернул карту и глянул обстановку. Чуть дальше была развилка. Дорога прямо выходила на главное шоссе и дальше на Миоры и Дриссу. Направо, огибая озеро, через полтора десятка километров выходила к Себежу. Налево километров через пять упиралась в небольшую деревню и мизерное озерцо у самого леса. То, что надо. Виталик к тому времени вооружил старшину. Хорош! ППД на груди у него выглядел детской игрушкой. Этому дяде «Печенег» бы в руки, а не это убожество.

– Старшина, вас откуда привели? Где лагерь? Здесь, в этой деревне, были? В течение дня смена караульных приезжает? Обед им привозят? – Вопросы я задавал быстро, показывая старшине все по карте. Вовремя мне фельджандармы попались. Маленькое озерцо на краю леса с дороги не просматривалось, а деревня вообще была километрах в трех от него на берегу другого немаленького озера.

– Нет, товарищ капитан госбезопасности, не были. Нас возят на машине из Себежа. Смены караула нет, но в середине дня охранникам на мотоцикле обед привозят. Нас кормят только вечером в лагере. – Голос у старшины был почтительно-уважительным, видно, с Верой накоротке переговорил.

– По какой дороге охране обед привозят? – спросил я. Еще окажется, что из этой деревни.

– Вон оттуда, товарищ капитан, – показал старшина в том направлении, куда мы ехали.

– Там перекресток, дальше откуда? Вас возят по какой дороге? – Времени у меня не было. Половины еще не знаю.

– Отсюда на перекрестке направо, – ответил старшина. Фу-у. Уже лучше. От перекрестка направо до первой деревни километров двенадцать. В это время на дороге появилась машина, с той стороны, откуда мы приехали, и я тут же командовал:

– К бою. Старшина со мной. Заходим с двух сторон, автомат на плечо повесьте и за спину уберите. Руки должны быть свободными. Нож на поясе передвиньте на живот. – Сам палку гайшную поднял. Прикольная палка. Тоненькая ручка сантиметров сорок с красным кругом на конце. Я ее в багажнике мотоцикла нашел. Водитель меня издали заметил. Смотрю, машина пустая, рессоры не просевшие. При тормозил он, даже из машины выскочил, а зря. Я ему с ходу кулаком в солнышко, водила пополам сложился, потом по заправку, чтобы шкурку не портить, форму, в смысле. Один

он, пассажира нет, очень кстати. – Старшина! Что стоим? Водитель где? Оружие из кабины приберите.

Старшина, похоже, не ожидал такой скорости исполнения. Я и сам не ожидал, если честно. В смысле, не ожидал, что водила выскочит, а так что один водила, что трое, откровенно все равно, нападения-то он не ждет.

– «Третий»! Документы заberi и в кабине глянь. У водилы наверняка продукты есть и ранец.

Бойцы, немца раздеть, потом зарезать, только не перепутайте, чтобы форму потом не стирать. Водителю – бриться и переодеваться. Бегом! Бегом!

Забегали, нашли, тоже мне, палочку-выручалочку. Пусть носятся. Разделение труда, тудыть его в качель!

– «Третий»! Кузов проверь, может, есть что полезное. Горючее посмотри.

А вот и вторая машина с другой стороны, и, похоже, не пустая, но пришлось пропустить, хотя водила был один, но за ней еще одна нарисовалась, тоже груженная по самое не могу. Как бы они не в паре, еще окажутся с пехотой, будем все иметь бледный вид. Следующая машина, тоже с той стороны, одна и загружена не так, в кабине двое, не торопясь катят. Торможу, захожу со стороны водителя, встаю на подножку и молча сую водиле под нос ствол «Нагана». Немая сцена. Сам не ожидал, что так получится. Но старшина молодец! Сразу все понял, что я шуметь не хочу и в кабине офицер. Он этого офицера из кабины, как щенка, выдернул, тот пикнуть не

успел, а водила больше и не успеет. Хорошая штука «Наган», крепкая, лучше кастета тем, что еще и стреляет. Командовать не пришлось. Я только с подножки спрыгнул, а водилу с офицером уже к озеру потащили. Сам к кузову направился. Глянуть, что там. А там! Ну Клондайк не Клондайк, но в нашем случае прямо сказочный подарок. Особенно когда у тебя столько голодных и обессиленных людей. Полмашины продуктов – это вам не цацки-печки. Не совсем, конечно, полмашины, поменьше, но много, там еще что-то, не разберу от борта. Это, видимо, интендант местный, его до вечера точно не хватятся, а вот дальше могут быть проблемы.

– Старшина! Командуйте погрузку, шанцевый инструмент взять с собой, если есть где кровь, закопать и заровнять.

Загрузились быстро. Что значит правильная организация труда и личный авторитет. Старшина красавец, нашел-таки двух водителей и сам за руль мотоцикла сел.

– Лейтенант. Двигаемся вот сюда, вот к этому пруду. Все остальное там. Грузитесь.

Я убрал карту, по которой показывал лейтенанту маршрут нашего движения, и оседлал свой мотоцикл. Ну, вроде двинулись. Я первый, за мной Виталик с Верой, потом старшина с пулеметчиком, за ним два грузовика. На перекрестке, на мое удивление, никого не было, а я мысленно уже к бою готовился. Не основной перекресток, но все же. Совсем немцы мышей не ловят. Минут через пятнадцать были на месте, даже съезд в поле был к озерцу. До деревни по доро-

ге километра четыре, судя по карте. Докатились до озера и, развернув технику, остановились. Для лейтенанта у меня сюрприз, отдам я ему Виталькину форму, пусть порадуются и человеком себя почувствует.

– Лейтенант, старшина, подойдите ко мне! Бойцы, все мыться и приводить себя в порядок!

Лейтенант, выделите мне трех бойцов в немецкой форме, двое из них должны быть водители. Поедем обед ловить. – Вижу, лейтенант не врубается. – Обед немцам привезут? А вас нет, на трупы наткнутся, тревогу поднимут, облаву устроят и перебьют всех. А нам это надо? Вот то-то же, а так до вечера никто не всполошится. «Третий», выдай лейтенанту свою форму, ППД и все диски с патронами. Оружие мы себе еще добудем, немцы на дороге пока не перевелись. – Вижу, лейтенант, что-то сказать порывается. – Все потом, лейтенант, времени совсем нет. Мыться, бриться, стираться, переодеваться. Людей покормить. Еще. Девочку тебе пока оставляю, проследи, чтобы присмотрели, и вообще позаботься, покорми. День у нее вчера был очень хреновый. Старшина, поставь двоих в форме в боевое охранение у пулемета. Смотри только, чтобы нас на обратном пути не подстрелили. Отправь в деревню пяток надежных бойцов, а лучше сходи сам. Продукты, одежда, не дадут – купи. Деньги тебе «Третий» отдаст. У меня девочка не одета. Надо полный комплект мужской одежды на нее, никаких платьев и кофт, и обувь обязательно. Сам посмотри, что на нее найдешь. Не

продадут, раздень любого пацана, а то она голая под шубой, хоть укради, хоть пугало ограбь, мне все равно, где ты возьмешь. Немцы все здоровые попадают, никак одеть ее не могу. Постарайся тихо, мне сейчас война не нужна, до вечера хотя бы. «Третий», отдай старшине все немецкие деньги, других все равно нет, там еще часы наручные и кольцо серебряное у офицера было, и бинокль пока отдай.

Пока я с лейтенантом и старшиной разговоры разговаривал, Вера у нас стала «Дочкой», так ее солдаты обозвали, а по мне, «Дочка» и «Дочка», лишь бы ее на воспоминания не наталкивало. Но нет, вроде все нормально. Вообще-то странно она себя ведет, заторможенно, как будто от вчерашнего шока еще не отошла. Надо будет чуть позже Виталика к ней приставить, пусть понянчится. И ему, и ей польза от личного общения, а мне не париться их из шока выводить.

– Старшина. Бинокль с возвратом, у меня один. В деревню возьми немецкие сапоги получше, может, сменяешь, сам разберешься на что, только ничего не отбирай, иначе местные нас сдадут и будут правы, – и, уже обращаясь к лейтенанту: – Где бойцы, что со мной едут? Эти? Так, бойцы, один со мной, двое к старшему лейтенанту, винтовки сменить на автоматы.

Ну вроде все, поехали. Мать вашу! Как же одному проще, проехали бы мимо, сейчас спали спокойно, а вместо этого ношусь, как бешеная белка. С другой стороны, девять фрицев в минус ушли, что само по себе очень неплохо.

На перекрестке вставать не стал, проехал чуть дальше, до края леса. Озадачил Виталика едой на всех, но слегка, по паре бутербродов. Пронумеровал бойцов. Трое у нас? Вот и станут «Четвертым», «Пятым» и «Шестым», буду я еще в именах путаться. «Четвертый», кстати, из группы лейтенанта. Они все поведением отличаются и движениями, это если уметь смотреть. «Четвертому» «Наган» отдал напрокат. Объяснил порядок действий. Самое главное, чтобы не лезли поперек бабки. Через полчаса машина показалась, груженная, и не думал останавливать, так водитель сам притормаживать стал. Вот урод. Пришлось подходить, он, похоже, заблудился.

Ну и на ухо мне столько формы рядовых? Опять карабин в кабине. С другой стороны, от машины с продуктами не отказываются. Неплохая, кстати, бибика – «Опель Блиц», да еще трехтонный и новый. Муха не сидела. Где-то недалеко, видимо, армейские склады. Тогда пустая машина, наверное, ехала на склад, интендант с продуктовым набором и этот заблудший с продуктами. Да ладно бы просто с продуктами, три тонны тушенки – это драгоценность невероятная, особенно через год. Вот не откажусь я. Грузовик мой, это никому не отдам, сам съем. Так всем и сказал, вызвав немаленький смех, а я не пошутил ни разу. Мне здесь еще жить. Жрать мы зимой что будем?

Мотоцикл оказался еще через час. Точно наши клиенты. В коляске что-то лежит, накрытое брезентом, и пулемета

нет, а вот у обоих немцев автоматы. Но великая сила фельд-жандармерии и правильно примененный «Наган» действуют безотказно.

— Ну вы, товарищ капитан госбезопасности, и ловко, — восхитился «Четвертый». — Я глазом моргнуть не успел, а оба лежат! «Нагана» же в руках не было.

— Они по этой дороге каждый день катаются. Раньше никто здесь не стоял, а сегодня мы, да при двух пулеметах. Подпустят они меня близко с «Наганом». Щаз! Я с чем подходил? С сигаретами. Они мне вообще не подчиняются, могут и не остановиться. Это же охранное подразделение. У них подозрительность в крови, но обстановка мирная. Водила в движке копается, трое вообще на них внимания не обращают и между собой что-то трендят, да еще двое из них к ним спиной повернулись. Автомат я специально на руль повесил. Один, без оружия, опасности не представляю. Они ко мне подкатили, пылью обдали, взгляды на меня, у меня левая рука вдоль бедра, в правой руке сигарета. Я к ним боком стою, правую руку они с сигаретой видят, а левая пустая. Теперь смотри фокус.

Ну да, этого не ждут. Я по шву на форменных штанах разрез сделал, а на бедре переделанную кобуру от травмата закрепил. Вчера вечером еще, пока Виталик автомат изучал. На соплях, правда, но держится. Потом края разреза двумя стежками прихватил. Не очень удобно, но в некоторых случаях может жизнь спасти. Я вчера этот фокус придумал.

Мне все равно машина была нужна. На ней удобней, хозяйством-то обрастаю, а на мотоцикле много не увезешь. Мне главное было, чтобы второй руки с автомата убрал, а то ствол мне прямо в живот смотрел. Потому и подходил к заднему, обходя его сзади слева, переднему я почти не виден. Ему, чтобы меня увидеть, крутиться надо. Я бы с линии огня все равно ушел, но зачем нам лишний шум? Этим двоим я специально в голову стрелял, потому и подходил так близко. Мне форма эсэсовская нужна, и желательно без дырок, а так бы влупили из двух автоматов в упор, и все дела.

— Что стоим, как на именинах? В лес их, и раздеть не забудьте, документы «Третьему» отдать. — Так и покатили, на трех мотоциклах и машине, немало удивив лейтенанта и бойцов. Я, правда, первым ехал, остальные чуть приотстали. Боюсь я, что дозор нас неласково встретит, но обошлось как-то. Хотя, будь я на месте дозорных, обделался бы сразу, в такой грузовик сорок солдат влегкую входит, а сама машина просевшая от тяжести. Если бы пустил грузовик впереди себя, могли бы получить в упор очередь из пулемета во весь диск. На месте дозорных я так бы и поступил.

Как только подъехали, приказал машину и мотоциклы сразу развернуть. Все же хоть один пулемет в нужную сторону смотреть будет, а то мне как-то не по себе. Двигаться вдвоем по территории противника я наглостью не считаю, а вот с таким сборным стадом это реально беспредельно нагло. Разбегаться пора, но сначала необходимо осуществить одну

свою задумку.

– «Третий»! Посмотри, что нам немцы пожевать привезли, и накрывай на всех, что с нами были. Война войной, а обед по распорядку, тем более нас немцы обедом обеспечили.

Пока мы обедали, лейтенант маялся со своими бойцами. Старшина с десятком помощников еще не вернулся, но должен был вот-вот быть. Вроде все нормально, ни стрельбы, ни суеты, ни шума на дороге, наблюдатели в дозоре бдят и окрестности осматривают. Вера так и парилась в своей дубленке, но белье немецкое простирнула все. Оно уже и высохло почти. После обеда озадачил Виталика и Веру ревизией нового грузовика, а водителям приказал переливать горючку из пустой машины в две остальные. После чего поздравил лейтенанта.

– В общем, так, лейтенант. Ты меня сначала послушай, потом скажешь, что думаешь. Я тебя не спрашиваю, как ты со своей группой попал в плен, как в плен попал старшина, мне тоже не интересно. И не делай удивленное лицо, я не вчера родился. У вас четверых моторика движений одинаковая. Старшина двигается совсем иначе. Можешь мне вообще ничего не говорить. Я с тобой спорить не собираюсь и тебе ничего о себе не расскажу. Все как есть – встретились и разбежались.

У нас в запасе несколько часов, надо решить, что ты будешь делать. В том смысле, сейчас расходимся или вечера

ждем. Со мной ты пойти не можешь. У нас свое задание, и ты мне только мешать будешь. Если ты идешь к фронту, я тебе помогу, но у меня будет к тебе просьба, не приказ, а именно просьба, ты можешь отказаться. Теперь иди, поговори со своими бойцами, но только со своими бойцами и старшиной. Не со всеми. Как решите, подойдете ко мне, а я посплю пока, а то с ног валюсь. Двое суток на ногах. — Я собирался импровизировать на грани фола, но если есть командир, который представляется лейтенантом-минометчиком, а при этом двигается, как разведчик с немалым опытом, и с ним еще трое таких же бойцов, имеет смысл использовать его втемную. Тем более что информация, которую я ему дам, проверяется влегкую, и заинтересовать она может только тем, что получена она лейтенантом тогда, когда ее еще ни у кого нет. Просчитал я это мгновенно. Притом что никакой технической конкретики я ему не доверю. Если он немец, что вряд ли, просто, скорее всего, оказался в ненужном месте, в ненужное время и, главное, без оружия, или попадет к немцам, ничего конкретного они не получают и будут ловить меня, как воздух, и наобум.

Пока озадаченный лейтенант занимался своими немудреными лейтенантскими размышлениями, я откатил к грузовику наши мотоциклы, разделся и сполоснулся в пруду. После чего надел свою капитанскую форму и произвел некоторые нехитрые манипуляции с поясом. Может, пригодится в разговоре. С Веры чуть не насильно снял дубленку и прика-

зал надеть немецкое белье. Так что выглядеть она стала как прекрасное привидение.

Красивая все же девчонка, я прямо загляделся, но не время, года через четыре можно будет попробовать поближе познакомиться. Шутка. Я женат, целых два раза и одновременно. Вот так вот повезло в жизни. Пока занимались хозяйством, вернулся старшина с нормально так загруженными бойцами. Пару мешков картошки они притащили точно и одежду Вере. Ко мне старшина подходить не стал, отдал вещи Вере, и она отправилась одеваться.

Форму немецкую, кстати, бойцы стирают, это мне Виталик сообщил, я же вроде для всех сплю. Ладно, пора вроде просыпаться. Все равно не сон, солнце печет так, что хочется залезть в пруд и там уснуть. Погода супер, сейчас бы на пляж с приятными девочками и холодным пивом, а лучше с коктейлем, что-то типа «Куба либре» или «Голубые Гавайи» со светлым ромом, но это у меня явно не сегодня. А вот и Вера в своих обновках. Ну, старшина! Отдельное спасибо ему выпишу из своих стратегических запасов. Вера у нас теперь реальный пацан. Это я шучу, конечно, шикарные волосы никуда не делись, но выглядит как мальчишка. Все, одной заботой меньше.

Раз все в сборе, позвал старшину и в торжественной обстановке, при Вере, в смысле, выдал ему две бутылки французского коньяка из вчерашних трофеев и «Вальтер», что недавно снял с одного из эсэсовцев. Честное слово, не жалко.

Ребенок у меня помыт, покормлен, одет и обут, даже ремешок на штанах есть. «Наганы» только так в руках и таскает, но этот вопрос не к старшине. Так и сказал, немало при этом смутив саму Веру, вон как краской вся залилась. Плюс ко всему, Вера все время с людьми, которые ее заботой и участием окружают, а это лучше всего душу лечит. Выдал старшине две кобуры и попросил Вере на пояс приладить, так, чтобы под обе руки было. Заметил я, что Вера левой рукой лучше владеет, вернее, чаще.

Старшина

«Дочка» эта, красивая, светлая, ладненькая вся такая, как две капли воды похожа на мою племянку Оксану, глаза чистые, доверчивые, волосы только другие. Оксанка-то черненькая в папу, а «Дочка» русая, и не белобрысая, как некоторые, а красавица просто, косы длинные до пояса. Она на озеро пришла в шубе своей и тихо так мне, еле слышно: «Дяденька, товарищ капитан госбезопасности сказал, как помоешься, к нему прийти», и бритву мне протягивает.

Бритва та немецкая, как и китель, что для меня принесли, а в кителе дырка под лопаткой и от штыка СВТ, похоже. Вот кто бы попробовал меня штыком ткнуть. Силен капитан! Как он охранников наших, и не побоялся среди бела дня, и быстро так. Три короткие очереди – и четверо лежат, ногами дергают. Да еще двое на дороге – старшего лейтенанта крестники. Этим в спину прилетело, они и со-

образить ничего не успели. Хлоп – и нет нашей охраны. А потом девочка мыться пошла, в воду до колен зашла, и все, а под шубой-то и нет ничего. Отвернулись мы, помылась она и голову помыла. Я, дурак старый, взял и спросил, отчего это, а она только головой замотала и заплакала.

Время уже поджигает, пора с лейтенантом разговоры разговаривать, гляжу, за ним еще шестеро тянутся. Тормознул я их на полпути, вернее, у нашего грузовика обратно развернул и лейтенанту предложил за ними пойти, если не устраивает. Гляжу, надулся, как мышь на крупу, желваками так и играет.

– Проходи, лейтенант, садись, есть с нами будешь? Рассказывай, что надумал? – Отошел уже лейтенант, человеком себя почувствовал. Привычная форма и оружие в руках быстро его в норму привели, да и поел впервые за сколько-то дней по-человечески.

– Что мы могли надумать, товарищ капитан? Мы к фронту пойдем. – Ну это нормально. Отвечает решительно, не юлит и не мямлит.

– Я вот почему завернул твоих бойцов, лейтенант, мне с вами двоими поговорить надо. Несколько дней назад у нас целая группа была, да погибли все, трое нас осталось, а у меня сведения есть, которые нашим передать необходимо. Послать мне некого, «Третий» – специалист очень ценный, не могу я его одного никуда отпустить, да и не дойдет он один. Есть еще «Первый», он у немцев в штабе служит и здесь дол-

жен остаться. Мы – единственные, кто о нем знает. Так что люди мне нужны, связь с Москвой. Товарищ старшина, приказывать вам не имею права, но хотел бы, чтобы вы с нами остались и водитель, что с машинами ковырялся, Никифоров, очень он умелый. Подумайте сами, с Никифоровым поговорите. Нужны вы мне очень. Пойдем, лейтенант, пошепчемся. – Отойдя с лейтенантом в сторонку, к пруду, продолжил: – У меня задание, лейтенант, в этом районе такое, что проще о сосну убиться, не так больно будет, а сделать надо. Я сделаю, но сведения нам попали такие, что не передать их нельзя, а мне, как ты понимаешь, не разорваться. Немцы задумали полное уничтожение граждан нашей страны на оккупированной территории. Всех. Женщин, детей, стариков, пленных будут сгонять в лагеря смерти. Есть секретный приказ Гитлера. Называется план «Ост». О нем знают пока единицы. Так что нужно, лейтенант, чтобы ты обязательно дошел до наших. Вот теперь, лейтенант, иди за своими бойцами, я и тебе приказывать не могу, так что это не приказ, решение за тобой. Но если решишь, многих спасти можешь. С собой сейчас приведешь только тех, за кого можешь поручиться, как за самого себя.

Сильно загрузил я лейтенанта, он блее мела стал, но, гляжу, справился. К бойцам чуть не вприпрыжку побежал. Ну а у меня забота другая, мне собираться пора и нужных людей себе поискать. Старшина с Никифоровым у нашего стола сидят, меня увидели, зашевелились.

– Сидите, – говорю, – ответ мне не давайте, лейтенант подойдет, послушаете, потом решите. Пока давайте поедим, а то когда мне еще поестъ придется, одному богу известно.

Покосились они на меня оба, непривычна фраза о боге от командира НКВД, а я ее специально вставил. Мне надо, чтобы они обо мне как о человеке думали, а не как об убийце кровавом.

– «Третий», налей по тридцать капель. Не пьянства ради, а дабы не отвыкнуть. – «Налей» – это не мне, а старшине с Никифоровым. Мне не дай бог, а то война для меня закончится, не начавшись. Пристрелят пьяного идиота первые же фрицы, а все, кто здесь у озера находятся, попадут обратно в плен, да и то если их немцы на месте не перебьют. И вся война. Я однажды по пьяни даже Виталику мимоходом три зуба выбил. В самом начале нашего знакомства, поэтому пью я крайне редко и совсем чуть-чуть.

Мы уже дожевывали, как лейтенант со своими бойцами подошел.

– Подожди, лейтенант, – говорю. – «Третий», «Дочка», займитесь немецкой формой и мотоциклами. Подойдете, когда прикажу. Выполнять.

Присаживайся, лейтенант, бойцы, ко мне за спину не заходить, садиться передо мной. – Не скажу, чтобы удивились эти шестеро. – Старшина, пуговицы мне на гимнастерке расстегни.

Форма энкавэдэшная забавная, у нее две пуговицы на гор-

ле и на груди четыре, а дальше пуговиц нет, под пояс затягивается. Так вот, у меня сверху гимнастерки пояса нет. На меня то старшина, то лейтенант все время косятся неодобрительно. Вроде старший по званию, а одет не по форме.

– Что видишь, старшина? Громко вслух всем скажи. – Говорю негромко, но приказную нотку в голос добавил.

– Две гранаты Ф-1, чеки разогнуты, связаны бечевой, – отвечает напрягшийся старшина.

– Мне живым к немцам попадать нельзя, я и вам пока не сильно доверяю, кроме старшины и Никифорова. Объясню почему: у Никифорова профессия на руках написана, в руки так масло вьелось, что ничем не отмыть. Старшина заметный очень, таких здоровяков в погранотряде наверняка больше нет. Его многие в округе если не знают, так слышали или видели мельком. За остальных ты отвечаешь, лейтенант, ты их привел, теперь это твоя ответственность. В плен к немцам вы больше попасть права не имеете.

Несколько дней назад нам в руки попали секретные немецкие документы. В документах есть в том числе и информация о стратегических планах немецкого командования. При захвате документов погибла вся наша группа, а главное – радист с рацией. Теперь повторю для всех, что сказал тебе. Немцы задумали полное уничтожение граждан нашей страны на оккупированной территории. Всех! Женщин, детей, стариков, пленных будут сгонять в лагеря смерти. Запланировано полное уничтожение Москвы и Ленин-

града со всеми жителями. Вместо Москвы хотят сделать озеро. План «Ост» предусматривает уничтожение всего населения нашей страны независимо от возраста, положения или национальности граждан. Но сначала немцы будут массово уничтожать евреев. На всей оккупированной территории будут создаваться специальные лагеря – гетто, где будут проводиться массовые расстрелы. Убивать будут всех, от стариков до новорожденных детей и беременных женщин.

Через несколько дней немцы недалеко от Риги, в местечке Саласпилс, откроют лагерь смерти для детей. У детей будут брать кровь для раненых из расположенного в Риге госпиталя. После чего дети будут умирать от истощения и потери крови. Планируется уничтожение от двух с половиной до шести тысяч детей в год, в возрасте до десяти лет. Там же на детях, гражданских и военнопленных будут ставиться медицинские опыты. Люди будут заражаться смертельными болезнями. На них будут испытывать боевые отравляющие вещества, газы и яды.

Мне необходимо, чтобы при переходе к нашим ты передал в НКВД, чтобы прислали связь отряду «Второго». У меня есть сведения особой государственной важности. То, что я сказал вам, я сказал только вам, информация должна дойти до наших. Это только общие сведения. Основную информацию я могу передать только пришедшим от вас связным. Мне необходима связь.

Кроме информации, понесете два жилета, называются

разгрузочные жилеты. В них удобно носить запасные диски к автомату, гранаты, обоймы к винтовкам. Это секретная разработка финнов, но немцы тоже заинтересовались, от них и пришло. Жилет равномерно распределяет груз, который несет боец, то есть патроны, гранаты и перевязочные пакеты находятся постоянно под рукой. Боец меньше устает. Кроме всего, вещи, лежащие в карманах жилета, могут отклонить пулю и спасти жизнь бойца. Надевается на форму. Делали мы их сами по чертежам. – Сказать, что я их загрузил, – это не сказать ничего. Никифоров аж посерел, но ему лет тридцать, у него свои дети наверняка есть, а вот на реакцию остальных мне посмотреть необходимо. Мне надо, чтобы из этой группы хоть один дошел живым, тогда о нас будут знать. Придет первая информация. Ни о каких связных и речи нет – никто никого наобум отправлять не будет, но информация осядет.

Я хочу передать наши вещи и то, что мы с Виталиком написали за те дни, пока готовились к выходу, но не выходя на связь сам и не подставляя Виталика. Я не верю ни местному подполью, ни НКВД, ни кому бы то ни было. Попадать в подвалы советского гестапо у меня нет никакого желания. В то же время мои знания, информация и материалы не должны пропасть бесследно. Может, это хоть немного поможет моей стране и людям, которые в ней живут. Как это сделать, я пока не знаю, но пробовать буду.

Но нет, вроде все нормально, пробило всех. Старшина ку-

лаки сжал, аж костяшки побелели, а кулаки у него чуть поменьше боксерских перчаток. И группа профессиональных убийц, как я окрестил про себя группу лейтенанта, ведет себя именно так, как я и предполагал. Информация, которую я на них вывалил, не дает никакой конкретики, но в то же время о ней сейчас знают единицы. Ко всему прочему, я надеюсь, что принадлежность к этой информации в будущем позволит старшине и его группе, которая останется со мной, выжить.

– Кроме старшины и Никифорова, мне нужны любые люди, которые знают немецкий, польский, литовский, латышский, эстонский языки. Если есть – врач, санинструктор, радист, механик-водитель, снайпер, сапер. Нужны местные или те, кто давно здесь служит и знает местных жителей, а те, соответственно, знают его. Для того чтобы сведения не попали к врагу, для связи со мной останется старшина. Со старшиной должны остаться еще двое из вашей группы. Ты, лейтенант, договоришься со старшиной о месте связи и условных сигналах, но лучше будет, если на связь придешь ты или кто-то из тех, кто уйдет с тобой. Думайте сами. О ваших договоренностях я знать не буду. Это делается мной для того, чтобы доверия со стороны командования к старшине было как можно больше.

Кроме меня, на связь со старшиной могут выйти только «Третий» и «Дочка». Только они могут знать, где находится закладка с информацией. Только их ты, лейтенант, и твои

бойцы знаете в лицо. В случае если мы с «Третьим» погибнем, «Дочка» передаст мое сообщение старшине. Сейчас она пока ничего не знает, но она сирота и останется с нами. Вероятнее всего, мы будем располагаться где-то недалеко, если сумеем удержаться.

Немцы будут массово уничтожать евреев. Все бойцы моего отряда будут евреи. Никого другого я в отряд брать не буду. Это я сделаю для того, чтобы ко мне было больше доверия с нашей стороны, и для того, чтобы никто из бойцов моего отряда не смог сдаться в плен. Группа старшины будет группой для связи с тобой. Выход на меня, повторяю, только через него. Ни с кем больше я контактировать не буду. Это единственное и обязательное правило. Позывной старшины так и оставим «Старшина», остальные бойцы получают позывные внутри группы. Это делается для того, чтобы никто даже внутри группы или отряда не знал наших имен. И последнее. Если от вас не будет известий три месяца, «Старшина» пойдет за линию фронта сам или я буду искать другой выход.

Теперь дальше. Сейчас у тебя сорок семь человек. Предложи большей части людей, распределив продукты, выдвигаться самостоятельно. После того, как отберешь тех людей, которых я тебе назвал. Можешь отдать большую часть продуктов и немецкие винтовки, отгрузим еще сто банок тушенки из расчета три банки на руки. Тебе дополнительно еще сто банок, мне все равно в грузовике место свободное нужно. Оставшихся с тобой бойцов переодевай в немецкую форму

и вооружай автоматами. Заберешь одну машину и мотоцикл с коляской и пулеметом.

Твоя группа должна быть не больше двадцати человек. Оба ППД отдам тебе, не жалко, ящик немецких гранат у меня лишний, но тебе не хватит. Сделаю я тебе подарок, но пешком до этого подарка тебе далековато, вот смотри по карте. Если брать по шоссе, четвертый поворот направо, через десять километров после второй деревни тоже направо и почти до упора. Дорога будет тупиковая, после поворота проходишь деревню, затем вторую, третья совсем маленькая, после четвертой деревни дорога пойдет по лесу. Километра через три, в лесу справа, будет небольшое озеро. На берегу озера лежат два здоровых камня, становишься спиной к левому камню и отмеряешь сто пятьдесят два шага. Мы там прикопали ящик с винтарями, РПД, пяток «Наганов», боеприпасы, гранаты, продукты и немного медикаментов. Продукты из расчета на двадцать человек на неделю.

Извини, больше нет, и так тебе свою заначку отдаю. Карту не дам, у меня одна, нарисуй копию. После второго поворота в первых двух деревнях были немцы, но, похоже, только ночевали. Во второй деревне мы с «Третьим» вчера немного нахулиганили. Зарезали двух часовых и угнали мотоцикл – надоело пешком ходить. На основной дороге, вот в этой деревне, троих фельджандармов вчера вечером – не люблю, когда маленьких девочек обижают. Но все без шума, ножами.

На мотоцикл сажай в форме СС, и чтобы у борта машины тоже сидели эсэсовцы. К ним обычно очень не любят цепляться. Рассаживай бойцов так, чтобы на виду были в одной форме, может, проскочишь. Лучше всего будет, если прицепишься к какой-нибудь колонне на марше. Маршевые колонны редко тормозят. Для тебя есть только одна опасность – фельджандармы. Это патрули на мотоциклах в такой же форме, как у нас.

Остающимся можешь сказать, что едете забирать секретные документы Полоцкого укрепрайона. Тех, кто пойдет пешком, уже к завтрашнему вечеру переловят и перебьют, а кого-то обязательно возьмут живым. Так что пусть немцы тебя в другой стороне ищут. И не надо на меня так смотреть. Что ты на меня вылупился? Всех не спасем.

Вы все через пяток месяцев должны были погибнуть от голода и холода в концентрационных лагерях. Зимой ни у кого шансов нет, а вы все в летнем обмундировании. Или ты думаешь, немцы тебя одевать будут? Ты сам только что из лагеря. Долго ты на такой кормежке протянешь? На вторую машину горючки не хватит, а пойдете пешком все, всех и перебьют. Немцы хорошо организованы. Пару рот прочесывания с разных направлений выдвинут и всех за сутки переловят. Для меня главное, чтобы ты дошел до наших войск, а я еще здесь немного пошумлю, чтобы они тебя по дороге на Полоцк ловили.

В пути обязательно собирай документы и личные жетоны

убитых тобой немцев. Не брезгуй деньгами и личными вещами. Обязательно забирай письма, даже не дописанные, приказы, если попадутся – награды, значки и вообще любые мелочи. Все, что может представлять интерес для командования, НКВД и разведки. Какой-никакой, а результат, пригодится, когда к нашим выйдешь. Не тебе, так разведке, которая потом к немцам пойдет. Можешь так следователю, который тебя будет допрашивать, объяснить. Те документы, что мы за двое суток собрали, тебе отдадим, может, зачтутся тебе, а себе мы еще соберем.

Никифоров. Если пойдешь с нами, выбери из знакомцев еще двоих. Нужны хозяйственные, деревенские, рукастые мужики. Если смогут обращаться с топором – здорово, но лучше, конечно, саперы, и водитель еще один не помешает.

Старшина. Дай команду снять брезент с грузовика, с которого бензин слили, прикроем тех, кто в кузове поедет, да и помягче, все не на банках и ящиках сидеть. Отгружай тушенку. Лопаты в каждый грузовик закинь. Пригодятся. На все про все у нас два часа. Надо набить землей гимнастерки и нательные рубахи и уложить получившиеся мешки вдоль бортов грузовика лейтенанта. Пули точно удержат, на мешки сзади поставьте второй пулемет.

Лейтенант. Когда дойдешь до оружия, машину отгони от туда подальше, если сможешь, хотя бы на пятьсот метров, а мотоцикл утопи. Иди в сторону Москвы. Несколько дней назад немцы взяли Новгород и идут на Ленинград. Ни в ко-

ем случае не двигайся дальше на машине. Ближе к фронту контроль над дорогами усиливается, нарвешься почти сразу, а ты живой дойти должен. Все, за работу.

Никифоров

Я пойду. Со стариной я куда угодно пойду, а сейчас уже и поеду, и саперов возьму. Есть у меня двое знакомцев на примете, рукастее некуда, и водитель есть. Хороший водитель, надежный. Как только капитан этот появился, все сразу поменялось. Утром еще скотиной бессловесной были, за миску баланды глотки друг другу рвали. Саша не дожил, четыре дня назад на немца бросился, так его собаками за-травили и в канаву сбросили, как падаль какую. А война — она и здесь война. Тем более я здесь нужен, пока еще до фрон-та дойдем, а здесь вон этот фронт, никуда ходить не надо. Сел и поехал. Немцев убитых я увидел и сам в лес их тас-кал. Ничего, и сам убью, никуда они не денутся, но главное я уже видел. Того немца, что Сашу убил, собственными ру-ками раздевал и плюнул на него. Я за это с капитаном куда угодно пойду, хоть в огонь босиком. С ним можно.

25 июля 1941 года. Вечер. Пока еще «Четвертый»

Я остался. Это был шанс. Манюсенский, эфемерный, при-зрачный, но шанс, и сложностей не возникало. Все рвались на фронт, к нашим. Я бы тоже туда рвался, но знаю, что со мной будет там, за линией фронта, где сражаются и умира-ют тысячи простых солдат. Сначала будут люди, которые от-

берут у меня оружие и вежливо, чуть ли не с поклонами и подобострастными улыбками, сменяя друг друга в бесконечном калейдоскопе инстанций, привезут в неприметный двухэтажный особняк на одной из тихих московских улиц. Потом будут лестницы, коридоры и строгие, с красными ковровыми дорожками и дубовыми дверями кабинеты, и, наконец, этот кабинет, с большим столом, затянутым зеленым сукном.

Вежливый человек с благородной проседью в коротких волосах внимательно выслушает мои сбивчивые и невнятные объяснения, поглядывая на меня пристальным взглядом стальных глаз. Задаст пару незначительных вопросов, протянет руку и возьмет трубку телефона. Затем в кабинет войдут другие люди и отведут меня на два этажа ниже, где в тиши и смертельном ужасе бетонного подвала сержант или лейтенант НКВД будет задавать мне бесконечные и несправедливые вопросы, требуя подписать собственный приговор. И я все равно подпишу его, и все это закончится в другом коридоре этого бесконечного подвала.

Выезжали мы через два часа. Перед самым отъездом я передал лейтенанту гранату, замотанную по «рубашку», чтобы не прижимать рычаг запала брезентом. В этом импровизированном пакете лежало мое письмо и краткая аннотация к лекарствам из моей аптечки. Лейтенанту я посоветовал пакет не вскрывать, а в случае возможного захвата немцами гранату взорвать. Предупредив, что в случае попадания письма к немцам пытаться его будут так, что он пожалеет о собствен-

ном рождении.

Всего, кроме «Старшины» и Никифорова, набрали шесть человек. Среди них был тот самый человек лейтенанта, которого я при засаде на дороге окрестил «Четвертым». Посадил я его в кабину грузовика с Верой и Никифоровым. Я ни на секунду не сомневался, что лейтенант поставит своего соглядата, что, впрочем, мне было на руку. Судя по некоторым мелким деталям, его долго и неплохо учили. Вторым человеком лейтенанта был пограничник. Высокий, не меньше метра восьмидесяти, жилистый и белобрысый парень, которого я, не заморачиваясь, с ходу окрестил «Погранцом», выдав ему свой автомат. Было еще двое саперов, неуловимо похожих друг на друга, за что я, абсолютно неверующий, горячо поблагодарил бога, и еще один водила, немолодой, степенный дядька. Шестым был санинструктор, молодой, с побитым оспой лицом, мелкий и суетливый. Слишком суетливый не по делу.

Я был за рулем мотоцикла, на пулемете «Старшина», а за спиной у меня сидел Виталик. Мы трое были в форме фельджандармов, Никифоров так и не снимал форму рядового вермахта, а на «Четвертого» натянули офицерский мундир. Остальных загрузили в кузов и накрыли брезентом, на них не было ни формы, ни оружия. К снайперской винтовке я запретил им даже прикасаться, замотав ее в брезент и Верину дубленку, а оба ППД отдал группе лейтенанта. После перекрестка лейтенант пойдет направо, а я – на прежнее ме-

сто засады, где буду ждать грузовик из лагеря. Чуть больше чем за двое суток мы с Виталиком убили семнадцать немцев. В общем, неплохой результат, хотя и сегодня еще не вечер. Остановившись на месте засады, я подозвал «Четвертого»:

– Ты по званию кто? И по батюшке? Представьтесь, а то «Четвертый» слишком длинно.

– Старший сержант Михайлов, – отвечает. Меня от этого на смех пробило, сержант, значит. Нью-ню.

– Ты такой же старший сержант, как я испанский летчик. Будешь «Серж», так короче, я «Второй», и на «ты» привыкай. Если вдруг опасность, проще сказать: «Серж», бойся, справа», чем «товарищ старший сержант, уберите, пожалуйста, задницу, а то вам ее сейчас отстрелят на фиг». Остальные – «Погранец» и «Старшина». Санитара и саперов с водами потом переименуем, посмотрю сначала на них. Мои – «Третий» и «Дочка».

Засаду я устроил на том же месте, только в этот раз сделал несколько иначе. Никифорова на грузовике выдвинул на двадцать метров ближе к перекрестку. Сам с Виталиком и «Старшиной» остался у мотоцикла. «Сержа» и «Погранца», вооруженных автоматами, расположил на противоположной стороне в лесу, метрах в тридцати впереди, чтобы контролировали кузов остановленного нами грузовика и секли поляну на случай появления с той стороны незапланированных немцев. Остальных спрятал в лесу на той стороне дороги прямо напротив нашего грузовика, чтобы не попали под раздачу и

не нарвались на случайную пулю. Такое количество свободного народа мне было нужно, чтобы мы максимально быстро обобрали трупы и транспорт. Себе я взял СВТ, надо было аккуратненько снять водителя грузовика.

Грузовик появился без двадцати девять, вот только мотоциклов было два, и оба с пулеметами. Впрочем, помогло это немцам мало, очередность стрельбы была мною расписана подробно. Огонь мы открыли практически в упор, метров с сорока. Все пять немцев, на мотоциклах их сидело по двое, были убиты мгновенно. Нападения они не ждали. Один мотоцикл завалился в кювет, второй заглох на дороге. Машина, на которой я сначала убил водителя, а потом пробил правое переднее колесо, тоже одним колесом ушла в противоположный от нас кювет, но не перевернулась, так как скорость была небольшая.

Прошло все быстро, хотя нашумели мы изрядно. Через перекресток за это время проскочила только одна груженная машина, но, видимо, водила был один, и, по словам Никифорова, он только прибавил газу. Так что уже минут через двадцать мы тронулись в том же составе в сторону основной дороги. Ограбили немцев, ободрали машину с мотоциклами, облили все бензином и подожгли. Шуметь так шуметь. В лагере сообразят не скоро. За это время и мы, и лейтенант километров на пятьдесят отсюда уедем. Да и не знает никто, что мы на машинах. Пока информация о сбежавших пленных дойдет до какого-нибудь штаба или тыловой коменда-

туры, лейтенант в пешехода превратится. Если в пути не нарвется на тех же фельджандармов.

Наши же покойнички откуда-то вылезли. Значит, самое позднее сегодня вечером их должны начать искать со всеми собаками. То, что их найдут, я ни разу не сомневаюсь. Прощитывается легко. Выцепят причину: сестренку Веры они поймали в деревне и куда-то отвезли. Они одни развлекались или утащили девочку в комендатуру? Дойдут до крестьянина, подвешат за бейцы, тот укажет направление движения Веры, и через пару часов найдут трупешники. Они как раз к вечеру пованивать уже начнут – жарко. Вопрос только во времени. Их сегодня утром начали искать или вечером? Если вечером, то лейтенанту хорошо, а мне во всех случаях откровенно фиолетово – все равно шуметь буду в противоположной стороне.

Тогда, в ту единственную поездку в Миоры, еще в той моей жизни, я, ведомый любопытством, заехал в Верхнедвинск, а потом, дома, пробежался по инфе о районе, да и карту подробную надо было скачать. Так в интернете и наткнулся на подробности устроенной нацистами резни, охватившей весь этот немаленький район от Полоцка до латвийского Даугавпилса, где во время войны располагался крупный лагерь военнопленных. Центр этой зачистки находился в Верхнедвинском районе, где, как я уже говорил, немцы разместят крупнейшее в Беларуси гетто. Впрочем, этих гетто в Беларуси, Литве, Латвии и Эстонии будет очень много.

Людей будут убивать, и помочь я им ничем не смогу, но вот их палачей буду вырезать с максимальной жестокостью.

Вот уже несколько часов я мучительно думал, припоминая карту, где мне сделать опорную базу. Ехать туда надо сразу, пока немцы не начали ловить нашу группу. Промедление даже на сутки может окончиться фатально. Немцы здесь уже почти месяц, у них налажена связь и взаимодействие, а я не знаю вообще ничего и рассчитываю только на свою наглость и разрозненную инфу карт. Я не сильно обольщался по поводу своих возможностей. Вдвоем с Виталиком мы пройдем намеченный мной путь максимум за сутки, по пути вырезая одиночные патрули, захватывая нужный нам транспорт, обходя опорные пункты и уничтожая все, до чего можно дотянуться. А вот обремененные грузовиком и ослабленными голодом и тяжелой работой пленными можем это недалекое расстояние вообще не пройти, нарвавшись, к примеру, на усиленный бронетранспортером патруль фельд-жандармов, контролирующих перекресток. К тому же теперь я вынужден менять свои планы. Сейчас необходимо быстро дойти до относительно безопасного места и заныкаться хотя бы на сутки, чтобы люди хоть немного перевели дух.

Двигаться на Дриссу и Миоры смысла не было никакого. Дело в том, что через год немцы убьют там практически все местное население. Только в Миорах из восьмисот жителей немцы вырежут шестьсот евреев и вообще разнесут этот район так, что восстанавливать его будут лет двадцать. И хотя

от Полоцка до Браслава сплошные леса, соваться туда – верх глупости. В эти леса ломанутся все кому не лень. И убиваемые евреи, и местные активисты, и комсомольцы, и окруженцы, и, соответственно, каратели. К зиме голод выгонит людей на дороги и в редкие деревушки, где их будут ждать полицаи и немцы, а наводить карателей будут простые деревенские жители. Своя рубашка ближе к телу, а уж своя семья и свои детишки – тем более.

Только не надо мне рассказывать, что «весь советский народ как один встанет на борьбу с немецкими захватчиками». Я в это в детстве верил, а потом случайно нарвался на информацию о русских, понятно, что не только русских, но и белорусах, украинцах, татарах и прочих, даже евреи были, воевавших на стороне немцев, и реально охренел. Евреи, правда, не воевали, а руководили в гетто и были полицаями в том же гетто. Но какая разница? Голод не тетка, что в гетто, что в окрестных деревнях уже через год жрать будет нечего. Я же не просто так тушенке обрадовался.

Будь у меня побольше времени и место, где можно было бы пересидеть, я бы охоту на грузовики устроил, но, к сожалению, отсюда надо сваливать. Через несколько часов немцы накроют этот район не меньше чем батальоном загонщиков и к завтрашнему полудню переловят всех, кто пошел пешком. Это к бабке не ходи. Может, конечно, кому и повезет, но только самому шустрому и умному. Тому, кто найдет озеро с камышами, залезет в это озеро по ноздри и проживет в

нем дня два, сторожась каждого шороха. Судьба остальных незавидна. Их переловят и показательно убьют, выбив показания о нас.

Мне очень понравилось одно место в Латвии. Там были сплошные озера, мелкие и средние, они располагались хаотично в небольших лесах и куцах перелесках. Деревушек было мало, и были они мелкие, и главное – дальше была дорога, соединяющая два города и выходящая в дальнейшем на Псков. Еще там была железная дорога на Даугавпилс и дальше на Вильнюс, Каунас, Кенигсберг и Варшаву. Главное, там не было больших лесных массивов, а значит, эти места были непривлекательны для партизан и, соответственно, их загонщиков. Судя по карте, туда можно было проехать проселками, минуя Дриссу, в которой необходимо было пересечь два переезда и станцию, забитую немцами. Просто затемно мы туда не успевали. Впрочем, есть у меня одна задумка, как всегда, наглая до полнейшего беспредела. Заодно шумну в направлении Полоцка. Ну а сейчас мы выходили на основное шоссе. Направо был Себеж, а мы повернули налево, на Дриссу, Миоры и Полоцк. Расстояние до нужной мне деревни было небольшое, и до темноты мы должны были его пройти, а пока не торопясь, километров сорок в час, мы ехали по шоссе.

«Погранец»

Ну наглец! Это же надо так придумать! В лес надо ухо-

дить! В лес! Он не выдаст, я по нему с завязанными глазами пройду. Вот только как все это тащить? Это же целых три пулемета, и автоматы, и патроны, и еда. Вот только что ничего не было, и уже в руках не утащишь. А девочка эта! Как она на него смотрит! Она ему верит. Вот каждому его слову верит. И ведь получается у него, все, что делает, получается, и так легко. Может, и сейчас получится?

До намеченной мной деревни мы добрались уже почти в темноте. В деревне были немцы, на что я, собственно, и рассчитывал. Мы не торопясь проехали всю деревню и остановились у предпоследнего дома, сразу за поставленным у дома грузовиком. Когда я рассказывал о своей задумке, остановившись за километр перед деревней, глаза у моих собеседников были квадратные, а челюсти лежали на дороге. У всех, кроме Виталика, который знал меня как облупленного и что-то такое предполагал.

Дело в том, что я не собирался занываться на ночь в лесу. Комары, некомфортные условия, да и нарваться можно на ровном месте, если в лесу остались окруженцы, то ли дело в доме, на теплой хозяйской перине. Это я, конечно, глумлюсь. Просто на таких перинах сейчас отдыхают маршевые батальоны. Вон их сколько по дорогам шарится. Спать они ложатся в деревнях. Вот и надо с ними поближе познакомиться. Заодно и нашумим, как получится, а получится, так и кайф им обломаем, а то они как у себя дома, в своем фатерланде.

Как я заметил вчера, въездных постов в деревнях немцы не ставят – часовые стоят только у техники. Поэтому, выгрузившись, мы внаглую вместе с «Сержем», подсвечивая себе ноги фонариком – пришлось все-таки воспользоваться светодиодом, – подошли к часовому у крайней машины. Удивиться он не успел, я ослепил его светом, а «Серж», мгновенно зайдя сзади, ударил ошарашенного немца ножом под лопатку. Все же не ошибался я в его квалификации. Очень шустро у «Сержа» получилось, еще и рукой оседающий трупешник придержал, вытирая о мундир немца штык от немецкого «Маузера». Место часового занял Виталик, которому я отдал свою винтовку СВТ с примкнутым по такому случаю штыком, наточенным мною до бритвенной остроты. Свет в домах не горел, и я надеялся, что все уже угомонились, после традиционных возлияний. Солдаты разных армий мира на марше мало чем друг от друга отличаются.

Воздух в просторной горнице ближайшего дома, у которого стоял грузовик с часовым, несмотря на приоткрытое окно, был спертый, наполненный густым перегаром, запахами самогона, остатков еды, ваксы, нестираных носков. Всем тем, что извечно сопровождает солдата на привале. Внутри было несколько человек, лежащих в разных местах большой комнаты, куда, оттеснив меня, просочились «Серж» с «Погранцом». Через несколько минут все было кончено. Немцев было шестеро, проснуться они не успели, хотя хрипы были. Беззвучно убить спящего человека ножом – это искусство,

ребятам, похоже, пока недоступное. Я знаю, что нужно человека сначала разбудить, а потом зарезать, тогда шума практически не будет. Надо потом поделиться с ребятами хотя бы теорией. Хотя как беззвучно разбудить шестерых здоровых, уставших и накачанных деревенским самогоном мужиков, я даже не представляю.

Занавесили окна одеялами, зажгли керосиновую лампу и обнаружили еще одну дверь, не замеченную нами сразу, в другую половину дома. Эфиоп вашу мать. Впрочем, нашу-мать мы не успели, а за дверью оказалась хозяйская половина, где на хозяйской кровати и, похоже, с хозяйкой вольготно развалился, видимо, унтер. Надо все же выучить их звания. Хозяйку убивать не стали, унтер-офицеру повезло меньше. Кипящий праведным гневом «Серж» хотел зарезать и хозяйку, но я не позволил. Как будто от хозяйки здесь хоть что-то зависело или ее кто спрашивал. Она просто дополнительное приложение к кровати – пойдй попробуй откажи десяти здоровым, наглым, вооруженным мужикам. Расскажи о своих правах, о демократии и свободе.

Развалившись в кресле, у горящего камина, с бокалом мартини или сидя за компом в уютном кожаном кресле и стуча по клавишам под грозным или язвительным ником в полнейшей безопасности, удобно рассуждать, что эта молодая и здоровая женщина могла бы отравить своих насильников или сжечь дом с захватчиками. Современному человеку вообще сложно представить ситуацию, когда ты остаешься

один на один с не просто одной из самых мощных армий мира, только что раздавившей несколько стран Европы, а главное – с безжалостной организацией, в которой свои правила, и место твое в этой организации – за чертой жизни. Так что у этой рано постаревшей молодой женщины не было вообще никаких шансов на жизнь. Тем более что деревня, где ей не повезло родиться, находилась на одном из центральных шоссе, по которому катилась, порывивая бессчетным количеством машин, эта мощнейшая армия мира, останавливающая каждую ночь в бесплатных гостиницах с бессловесной и бесправной обслугой. А там поднеси штык к горлу ребенка и делай с хозяйкой все, что хочешь, хоть отделением, хоть взводом, да хоть всем батальоном сразу. Завтра будет другая хозяйка, потом еще и еще, пока батальон не придет на фронт. Правда, через очень короткое время батальон поедет порознь обратно. Кто в санитарных поездках, а кто в качестве стандартных извещений о смерти, удобив перед этим болото под Питером.

Я оказался прав. Двое детей спали на печке, а трое немцев – во дворе, накидав сено прямо на грядки в огороде. Козлы! Так что пришлось сходить на огород. Кстати, об этих вольготно развалившихся на свежем воздухе козлах рассказала нам хозяйка, а так могли бы и вляпаться. Привычно обобрали трупы и закинули все нахомяченное в свободную машину. Хозяйку пришлось связать и уложить на печку, наказав сидеть тихо, а трупы живописной кучей свалили прямо у ка-

литки, немало удивив таскавших их «Погранца» со «Старшиной», но у меня были свои соображения. Во-первых, чтобы потом не досталось хозяйке. Во-вторых, чтобы не смердело в и так испоганенном деревенском доме. И в-третьих, что самое для меня главное, чтобы удобнее было минировать, а то нарвутся на гранату хозяйкины малыши, в жизни не отмоюсь.

Надо было торопиться. Я не знал, когда будет смена часовых и кто их меняет, сам унтер, или смена происходит централизованно, с разводящим. Наш часовой, кстати, охранял сразу четыре машины, второй часовой был через три дома. Я засек его, когда проезжал мимо. Пришлось из наших сидельцев позвать водилу на вторую машину. «Старшина» с «Погранцом» и Виталиком, вооруженным светодиодным фонариком, продолжали чистить дом и машины, в кузовах которых было немало ништяков, а мы с «Сержем» встали на шухер у третьего от нас дома. Наших грабителей слышно не было, звуков никаких не доносилось.

Если честно, сначала я хотел просто вырезать солдат из крайнего дома и заминировать пару машин, но желание напакостить по полной программе пересилило. Второй часовой охранял легковую машину и большой грузовик с наращенными бортами. Мы с «Сержем» вполне в состоянии часового зарезать и немного нахулиганить. Поэтому вернулись обратно, наши бойцы уже заканчивали и ждали нас. Я шепотом изложил идею.

Второй водитель. Пока еще без имени

Вот что он еще придумал? Бежать надо. Бежать отсюда, пока не убили, а с другой стороны, что одна машина, что две. Я-то все равно за рулем, и у меня будет своя машина. А эти как по центральной улице у себя дома ходят и грузят что-то. Вот как такое может быть? Это же немцы! Немцы! Целый батальон! А машина хороша! Ой, хороша! Я тебя всю обцелую, сейчас только до привала доберемся! Что? Уже едем? Давай, родная! Не подведи!

Идея была настолько безумна, что вполне могла прокатить. Что мне и сказал Виталик. «Старшина», «Погранец» и «Серж» промолчали. Они еще не привыкли к моим выкруткам. Лиц видно не было, но спина от их беззвучных и однозначно матерных выражений у меня отчаянно чесалась. Мы с Виталиком сверили часы, через двадцать минут они должны завести моторы грузовиков и отъехать от деревни на километр, на всякий случай приготовив пулеметы, что лежат в нашем грузовике. Хотя погони я совершенно не опасался. Да хрен кому я позволю себя преследовать. У меня что, гранаты перевелись? Пару лимонок из темноты под ноги закатить – и не торопясь пешком можно уйти. «Старшина» должен ждать нас у мотоцикла метрах в трехстах от околицы. Ну а пока традиционные мелкие пакости, минирование трупов и одной машины. Закончил быстро, забрал у Виталика светодиод, и мы с «Сержем» по-тихому пошли развлекаться.

Опасались мы зря, часовой спал, комфортно расположившись на скамейке у калитки. Света звезд и луны вполне хватало, чтобы не наткнуться на него в темноте. Беспечные все же ребята. То, что вас здесь батальон, мне откровенно фиолетово, жаль, не грузовики с боеприпасами, но вам и так будет не скучно.

Часовой, «Наган», висок. О, автомат! А должна быть винтовка и весомый солдатский ранец, прислоненный к скамейке. Документы, бумажник, зажигалка, сигареты, часы, пояс с магазинами и две гранаты, которые засунул себе за пояс сзади. Чего он здесь пил? Нет, при свете звезд не разберу. Гурман, блин, вино какое-то. Кагор, судя по запаху. Это, по ходу, местный денщик, за провинность отправленный на пост. «Серж» в это время тихонько свистнул, и я отвлекся на него, а потом в пять шагов дошел до машины.

В грузовике, в котором «Серж» уже по-хозяйски откинул борт, был, судя по запаху, бензин. Это мы удачно зашли. Надо жечь. Бочки были здоровые, литров на двести, и стояли прямо у края. Чего «Серж» туда полез? Послышался плеск, потом журчание, бензином запахло острее. Мать его! Как он в такой темноте вообще хоть что-то видит? Вот «Серж» выбрался из кузова и прыгнул на землю. Чуть отстранив меня рукой, он сразу начал крутить пробку на крайней бочке. Шустряк-самоучка. Мне здесь делать нечего, он и в одно лицо справится. Поэтому, пока «Серж» открывал бочки, я метнулся к легковушке, но в ней был только еще один ранец, в

который я смел все, что было в машине, даже ключи какие-то автомобильные, водилы потом разберутся. Ну и по пути открыл бензобак на грузовике, хоть какая-то от меня польза.

Заработали движки на наших машинах. Что, уже прошло двадцать минут? Шустро. Только-только успели. Ну а теперь дискотека. Вспыхнул бензин. Теперь ноги в руки, до взрыва секунд тридцать. Мы были уже на окраине, когда рвануло сначала один раз, потом грохнуло сильнее. Во! Пошла потеха! Другое дело! Стало светло, ну не как днем, но все же. Только сейчас увидел, что «Серж», пригибаясь под тяжестью, тащит какой-то ящик. Еще один хомяк на мою голову! Пришлось отобрать, а то помрет во цвете лет.

– «Серж»! Выхухоль ты загребушая. Нахухоль ты его упер, такой тяжелый? С ящиком на горбу я еще не бегал. Мне не похухоль, с чем таскаться ночами. На, хоть автоматы забери и один ранец, а то у меня сейчас пупок развяжется. Как ты его пер-то? – не сдержал я эмоций. Второй ранец я сразу на спину себе закинул, его сразу и не снимешь. – Ноги надо делать шустрее с этого пляжа, пока поклонники не прочухались. Ты бы еще прицеп у грузовика оторвал! Утроба ненасытная. Грузовика с тушнякам ему мало!

В деревне продолжалась веселуха. Стали слышны отдаленные вопли. Видимо, проснувшиеся немцы скорбели по горящим личным ништякам. Понимаю. Обидно. А что делать? Война-с. Ну не мог я проехать мимо. Грузовик опять-таки не лишний, да и людям настроение поднял. Пока я так

мысленно радовался, что вовремя свалил, мы не торопясь трусили по дороге. Теперь «Серж» меня обгонял, еще бы, в ящике было килограммов тридцать.

– У, хомяк беспредельный! Если там кирпичи, я тебя сам прибью.

Начальнику штаба

284-й охранной дивизии

подполковнику Генриху Штайнеру

Рапорт

Докладываю Вам, что 25 июля 1941 года совершила побег группа военнопленных в количестве 47 человек, содержащихся в дулаге номер 107 и направленная для расчистки и ремонта подъездных путей. Группа предположительно скрылась в лесу. Преследование в связи с наступившей темнотой не проводилось.

Потери охраны дулага составляют 13 нижних чинов. Кроме того, уничтожена автомашина и три мотоцикла.

В результате поисковых мероприятий 26 июля обнаружены еще четыре тела предположительно военнослужащих Вермахта, личности которых устанавливаются. У всех убитых похищены оружие, документы, личные вещи и верхняя одежда. Одиннадцать военнослужащих уничтожены из автоматического оружия калибром 9 миллиметров, двое, предположительно, из револьвера системы «Наган», остальные холодным оружием. Характер ранений указыва-

ет на то, что все нападения были совершены с близкого расстояния.

26 июля был произведен поиск бежавших с привлечением служебно-разыскных собак и прочесывание ближайшего лесного массива. К поиску были привлечены две роты первого батальона 94-го охранного полка 284-й охранной дивизии. В результате прочесывания леса была обнаружена грузовая автомашина марки «Рено», а позднее найдены и уничтожены 16 бежавших военнопленных. Еще пятеро военнопленных были захвачены и допрошены. По результатам допроса было выяснено следующее. Военнопленных освободили двое неизвестных, одетых в форму фельджандармерии, двигающихся на двух мотоциклах и оказавшихся впоследствии капитаном и старшим лейтенантом войск НКВД. После побега группа военнопленных разделилась. Группа в количестве 22 военнопленных отправилась пешком в лес, остальные на двух грузовиках и двух мотоциклах выехали в направлении Миоры – Полоцк. Согласно показаниям пленных, целью двигающейся диверсионной группы противника является розыск секретных документов, находящихся в районе Полоцкого укрепленного района и оставленных при отступлении.

Кроме того, ночью 26 июля было совершено нападение на маршевский батальон 126-го пехотного полка 254-й моторизованной дивизии. В результате нападения погибли восемнадцать солдат Вермахта, шестеро солдат ранено. Взо-

рваны и сгорели три грузовые автомашины марки «Опель Блиц» и одна легковая автомашина. Одна автомашина марки «Опель Блиц» похищена со всем вещевым имуществом первого взвода второй роты маршевого батальона. Из восемнадцати убитых военнослужащих двенадцать было убито холодным оружием, что позволяет сделать вывод, что в диверсионной группе противника находятся лица, прошедшие специальную диверсионную подготовку.

Исходя из имеющихся данных, можно предположить, что данное нападение совершено лицами, напавшими на охрану дулага номер 107. Вероятнее всего, данная группа, усиленная сбежавшими пленными, действительно двигается в направлении Полоцкого укрепленного района. Причем двигается в темное время суток, на захваченной технике и по дорогам. Оружие и обмундирование погибших военнослужащих Вермахта используется ими для собственного вооружения и снаряжения. Поиск диверсионной группы противника продолжается.

Командир полевой комендатуры обер-лейтенант фельд-жандармерии Ганс Шлоттер

26 июля 1941 года. «Старшина»

От хлопцы! От молодцы! Вот как это? У немцев же и служба поставлена, и часовые, а они так, от бисовы дети! Как горит все! Зарево в полнеба! Бегут! Точно бегут! И тащат что-то! Да куда же! И так машину загрузили! Ну капитан! Молодец!

Вот и «Старшина», подпрыгивающий от нетерпения на месте. Посадил «Сержа» в коляску и с наслаждением свалил ему на колени ящик, автоматы и сверху отшлифовал ранцем, сгрузив его чуть ли ему не на голову, просто было больше некуда. Сам сел за спину к «Старшине». Ну надеюсь, что все эти мучения не даром. Доехали до машин и, обойдя их, прежним порядком двинулись по дороге, сначала сгрузив ящик с «Сержа» во вторую машину. Пока не торопясь катились, этот обормот залез в нахомяченный мною ранец и жрет уже что-то. Зараза энкавэдэшная! Носились, как три зарплаты вдвоем, а мечет хавку в одно лицо. Хоть бы поделился.

Ехали мы не быстро. Я боялся пропустить в темноте поворот. Метров через восемьсот должен быть поворот на проселочную дорогу. Именно поэтому я и выбрал эту деревню. Теперь, если меня кто засек или немцы отловят и разговoryят пленных, то искать меня будут дальше по дороге на Полоцк. Никому и в голову не придет, что я затихарился прямо под носом у загонщиков. Дальнейший путь я собирался проходить проселками. Есть там одна дорога, петляющая по полям, и идет она совсем не в направлении Полоцка. До рассвета был еще час, и уйти надо было как можно дальше, хотя все находятся на пределе человеческих сил.

Поворот мы чуть не пропустили. Был он совсем невзрачным и сразу за густым перелеском. Повернули и, здорово не торопясь, попилили по совсем уж неприличной дорожке. Одну за другой прошли две мелкие деревни, пустые и тихие,

и уже на рассвете сразу после небольшого перелеска я увидел полевую дорогу. Хлопнув «Старшину» по плечу, я остановил колонну, без слов указал «Старшине» на дорогу рукой, и мы на нее свернули. Еще через полтора километра дорога уходила налево, а здесь, у края леса, была небольшая поляна, на которую мы и загнали всю нашу технику.

Сойдя с мотоцикла, я отошел на пяток шагов, сел прямо на мокрую от свежей росы траву, откинулся на спину и закрыл глаза. После грохота движков, тряски мотоцикла, пыльной дороги, бессонной ночи, после стрельбы, убитых мною немцев, смертельной опасности и жуткой ответственности за доверившихся мне людей хотелось только одного: раствориться в этой траве хотя бы на десять минут. Роса приятно холодила мое умотанное вторым днем моей войны тело, в наступившей тишине слышались трели соловьев или еще каких-то лесных птах, пощелкивали натруженные, остывающие движки машин, да тихонько переговаривались около них спасенные нами с Виталиком люди. Я отключился, казалось, на несколько мгновений, как будто кто-то выключил звук. Почувствовал я их по запаху. Ну да, бензином от «Сержа» так и несет, а когда открыл глаза, увидел их всех, молча стоящих и с каким-то благоговением смотрящих на меня.

«Серж»

Моя жизнь обретает смысл. Сейчас я делаю то, что умею делать лучше всего. Я остался, чтобы оттянуть при-

говор, но с каждой минутой мне все интересней и интересней. Ну капитан! Ну везунчик! Даже я на такое не способен. Можно зарезать часового, украсть винтовку и гранаты и даже угнать машину. Но меньше чем за сутки перебить полвзвода немцев, угнать три машины, уничтожить еще две, машину с бензином, четыре мотоцикла и со сбродной командой совершенно неподготовленных к диверсиям людей, вооружив, накормив и посадив их на технику, двигаться по территории, занятой противником. Что это, если не безграничное везение?

– Ладно! Не смотрите на меня как на икону! Я от смущения описуюсь! – легкой пошлостью разрядил обстановку. – «Погранец»! «Старшина»! Дайте мне свои мужественные руки, а то ноги не держат старичка.

Заулыбались и выдернули меня вверх, как репку. Все же «Старшина» здоров, пушку «сорокапятку» таскать может влегкую. Жаль, выбьют этих здоровяков на этой войне, и вообще слишком много мужиков навсегда ляжет в густых лесах и на бескрайних полях моей Родины. Цвет нашей нации.

– Так! Кто у нас спал больше всех? Видимо, я. Ребятки, давайте еще немножко потрудимся – и спать. Выдергивайте брезент из машины и расстилайте в тени, не на земле же поживать.

«Старшина», ты на продуктах. «Погранец», возьми карту и «Третьего» и найдите родник. «Серж», с ними в охранение, возьми «Санитара» и все фляги, заодно и отмоешься,

а то нас немцы по запаху твоему найдут. «Дочка», радость моя! Помоги «Старшине», а я пока гляну, что мы с вами надыбали. – Родник оказался совсем рядом, я только взглядом успел окинуть то, что они в кузов навалили. Ой. Е! Научил я их мародерить. Даже два запасных колеса уперли и, похоже, вытряхнули все из кабин. Так водилы с Виталиком загружали. Чтобы водила прошел мимо халявного запасного колеса? Да я вас умоляю! Колеса да инструменты правильному водиле сами к рукам прирастают. А про Виталика я и не говорю. Все в дом. Моя школа! Короче, загрузили все, до чего дотянулись. Нет, одному не разобрать. Вытащили с Никифоровым только флягу, ранец, что я у офицерского холуя забрал, да пару автоматов.

Через полчаса я сидел во главе стола с кружкой в руке. Рядом со мной сидели голодные, замотанные люди, но все равно никто не притронулся к еде. Все ждали, что я скажу.

– Ну что, бойцы. Говорить много не люблю. За победу! – И протянул кружку, чокаясь. После раннего, но плотного завтрака распределил дежурства. В первую смену почти насильно уложил спать «Старшину», «Сержа», «Погранца», саперов, Виталика, водителей и Веру. Люди отрубались почти мгновенно – все смертельно устали. Сам я остался дежурить с «Санитаром». Мне надо было с ним поговорить, к тому же он не работал, а только катался.

«Санитар» показался мне мутным – глаза у него постоянно бегали, ладони были потными. Выдал я ему немецкий ка-

рабин и пару запасных обойм. Отойдя немного ближе к полю, сели в тень кустов, я достал припрятанную здесь флягу и протянул «Санитару». Рассусоливать долго не стал, через пятнадцать минут заплетающимся языком сказал, чтобы он посидел, а я посплю. Просто я боялся, что уснут «Старшина» с «Погранцом». Сомнений в «Старшине» у меня не было, а «Погранца» он знал лично. Уснул я ничком, всхрапнув для убедительности и уткнувшись в траву лицом.

«Санитар»

Вертел я всех вас на колодезном журавле, товарищи, особенно тебя, выскочка. Явился не запылился красный командир на лихом коне. Меня ты спросил? Надо мне с тобой по лесам скакать? Санитар им нужен. Я не санитар, а ветеринар. Какая, вашу мать, разница? Органы, что ли, другие? Или бинты с зеленкой? Имел я вас всех в виду. Мне до дома двести верст.

Через полторы минуты «Санитар» подобрал мой автомат и, прихватив вещмешок с продуктами, который Старшина заботливо приготовил по моей просьбе, направился обратно по дороге. Туда, откуда мы приехали. Простенькая проверка, но действенная. Знать о том, что на меня такое количество алкоголя действует бодряще, здесь мог только Виталик, а для того, чтобы уснуть, мне надо найти хоть какое-то укрытие. На открытом месте я не усну никогда. Приобретение прошедшей войны, которое я получил вместе с контузи-

ей и нехилой дыркой в спине. Все чувства мои были обострены до предела, но шаги отдалились от меня, а потом стали удаляться по дороге. Я поднял голову и увидел привставших пограничников.

«Санитара» я догнал по лесу. Шел он по дороге не торопясь, винтовку уже выбросил, а автомат повесил на плечо, стволом вниз, копаясь на ходу в сидоре, поэтому на меня, сидящего по-турецки прямо на дороге, он разве что только не наступил. Увидев меня, «Санитар» аж подпрыгнул при следующем шаге, испуганно дернувшись всем телом и уронив вещмешок, но потом как-то подобрался и, чуть пригнувшись, отступил на пару шагов.

– Знаешь, – негромко сказал я – если бы ты попросил, я бы тебя отпустил, даже продуктов и оружие дал. Просто бессмысленно заставлять воевать. В партизаны идут добровольно – риск слишком большой.

«Санитар» отступил еще на шаг и, как-то недобро прищурившись, поднял ствол автомата.

– Не успеешь! То, что у меня оружия нет, для тебя ничего не значит.

Но «Санитар» вдруг, некрасиво ощерившись, решительно нажал на курок. Сухо клацнул боек.

– Так оно не стреляет. Как ты думаешь, зачем я гильзы на месте засады подбирал? Все автоматы, что под руками лежат, так заряжены. Первые два патрона – стреляные гильзы. Сам заряжал. Даром, что ли, я вас за водой посылал? Нет,

ребята. Мне еще жить хочется. Все видели? – спросил я у пограничников, одновременно вставших на ноги из травы. Казалось, «Старшина» с «Погранцом» вылезли из-под земли, так неожиданно это получилось. Умеют эти ребята ходить совершенно бесшумно, в их профессии это основа выживания. «Санитар» судорожно оглянулся назад.

Давно, сразу после войны и госпиталя, еще в той моей жизни, меня учили кидать нож. Об этих людях, не дающих о своей деятельности никакой рекламы, я узнал через своих друзей. Несколько месяцев моей беззаботной и безбедной жизни превратились в сплошную непрекращающуюся пытку. Меня будили ночью и на рассвете, дергали на стройке и на рыбалке. Дома я кидал совершенно разные ножи десятки раз в день, из разных положений и разными руками. Мои инструкторы доставали меня даже в туалете и в ванной, резко открывая дверь. А однажды даже сняли меня с девчонки, выставив в открытом на третьем этаже окне непривычную для меня мишень и напугав эту строгую, прагматичную, высоко ценящую себя брюнетку до жуткой истерики.

Инструкторы, два невысоких, кряжистых мужика, и их неизвестные мне и многочисленные помощники отработали на все сто или даже тысячу процентов. Заплатил я за науку бешеные деньги, но никогда, ни разу, ни на секунду не пожалел об этом. Мне до сих пор жалко только одного. Того, что на войне у меня такого умения не было. Я умел кидать нож и до этого, и вообще умел очень многое, но не умел так.

Об этих ножах, сделанных по специальному заказу, только под мои руки, идеально сбалансированных, стоящих баснословные деньги и закрепленных у меня на запястьях, не знал никто, кроме Виталика. Теперь вот пограничники знают. «Санитар» уже никому и ничего не расскажет. Оттащили труп в лес и вернулись на стоянку, предсказуемо увидев «Сержа», сидящего за пулеметом. И почему я не удивлен?

– Вы спите, – сказал я «Старшине» и «Сержу». – Мы с «Погранцом» подежурим. Просто я так не усну. Через пару часов подниму «Третьего», саперов и «Дочку», пусть обед готовят. Заодно и машины замаскируют. Мы с водителями спим до вечера, нам еще работать. – В одиннадцатом часу я растолкал Виталика, выдал ему целеуказания, залез под машину и отрубился. Проснулся уже под вечер, рядом дрых «Погранец». У колеса стоял котелок с похлебкой и лежала фляга с водой. Достойное продолжение дня, думаю, семеро одного не ждали. Котелок был еще теплый, поэтому я разбудил «Погранца», и мы на пару отужинали.

Много есть поголодавшим людям нельзя, о чем я и сказал утром Виталику и Вере, оставшимся на хозяйстве. Они супец и сварганили. Тушенки у нас полно, вода под боком, пару травок на опушке выдернули – и суп готов, а всухомятку сразу и много нельзя. Нести будет всех, как фанеру над Парижем. В принципе туалет, в смысле лес, у нас рядом, но придется в таком случае задержаться на пару дней, пока люди в себя не придут, да и то не факт, что пары дней хватит.

Так что жиденького и понемногу.

Виталик ненавязчиво опекал Веру, загружая ее привычной для нее работой и потихоньку натаскивая на войну. Подо что мы ее будем затачивать, я еще не знаю, но девочка одинаково работает обеими руками, то есть руки у нее одинаково развиты, что само по себе невероятная редкость. Виталик с Верой и саперами спали, на фишке был «Старшина», все остальные разбирали и чистили оружие, разложенное недалеко от машин.

«Погранец»

Вот как у него так получается? Я проснулся, а котелок с супом прямо перед носом стоит, а капитан ложку протягивает, и вкусно так! И когда они приготовить успели? Ого, к вечеру уже? А вчера я по лесу уйти хотел. Вот и бежал бы сейчас по лесу, кусок хлеба себе искал. Капитан ловок! Он когда про «Санитара» сказал, я не поверил, но всякое бывает. Потом «Санитар» автомат забрал и продукты, а винтовку выбросил. Мы со «Старшиной» за ним, а капитан уже перед «Санитаром» сидит, и чудно так, враз и не встанешь. Говорок тихий такой, капитан вообще тихо говорит, негромко, но весомо.

«Санитар» попятился и щелк, осечка. Гнида! Вдруг он падает! Я и движения не увидел, а потом гляжу – ножик, небольшой такой и почти без ручки, из горла торчит, а «Санитар» на дороге дергается. Я такого и не видел никогда.

Потом автоматы эти глянул, и действительно в обоих автоматах, что на поляне под руками лежали, сверху патронов две стреляные гильзы. Вот когда он вставить их успел? А собрать когда? Значит, еще с засады на дороге готовился. Получается, что он так нас всех проверял, а не только «Санитара». И еще я теперь «Погранец»! Как он меня так назвал? Прямо влет, а мне нравится. И еду мне всю оставил. Сказал: «Ешь, тебе нужнее», а я и не заметил, как суп в котелке закончился.

Хозяйственный человек на войне всегда останется с прибылью. За вчерашний вечер мы обросли приличным хозяйством, но в первую очередь мне было интересно, что за ящик упер Серж. Ну да, чуйка – вещь великая. Самый настоящий тротил, тридцать два килограмма. Стандартный, кстати, ящик. Его и сейчас так упаковывают. Вот хомяк. Где он его в темноте нашел? Порадовался я и гранатам. Наша сборная команда мародеров надыбала, помимо немецких колотушек, четыре ящика «эфок». Кроме этого, из немецкого нестандарта были пять СВТ, одна из которых была с оптикой. Несуразно короткий пулемет ДП с металлическим почему-то прикладом. Три ППШ, пока не подсчитанное количество патронов, магазины и диски в комплекте. Видимо, немцы тоже намародерили, или им выдали, когда раскулачивали один из наших дивизионных складов. Я знаю, они всю войну наше оружие использовали.

СВТ были сорокового года и немного отличались от той,

которая у меня была. Занимаясь в детстве стрельбой, я достаточно много читал историю стрелкового оружия и о происхождении снайперского оружия как такового. Наш тренер был фанатиком стрелковки и вообще считал, что спортсмен должен быть образованным человеком, по крайней мере в своем деле. А постольку-поскольку автоматические винтовки в нашей стране появились перед финской войной, я достаточно много читал и про саму войну, поэтому кое-какие теоретические знания у меня сохранились до сих пор. На СВТ-40 было крепление под оптику, а на СВТ-38, которые были в блиндаже, такого крепления не было, поэтому и пришлось Виталику крепить сошки на «Мосинку». Соответственно, поэтому я и тащил две винтовки. Зато теперь у меня есть две снайперки, а сошки Виталик переставит в пять секунд. Это ему раз плюнуть.

Обозревая все это богатство, я морщился, как кот, обожравшийся сметаны. Немцы порадовали, помимо четырнадцати винтовок, семь из которых мы собрали с трупов, а семь лежало в грузовике, двумя пистолетами, ручником, минометом и двумя автоматами, один из которых я снял с упившегося офицерского холуя. Были еще санитарные сумки, ящики с минами, гранатами и патронами, ракетница с ракетами, наборы для чистки оружия, инструменты, надо потом озадачить Виталика, пусть посмотрит, шанцевый инструмент и много другого снаряжения. Были и продукты, и достаточно много.

Понятно теперь, почему именно у этой машины стоял часовой. Наверное, это взводное хозяйство. Блин, если у них так снабжается простой маршевый батальон, надо озадачиться грабежом проходящих колонн. Если утром я собирался, отдохнув, двигаться дальше, то сейчас, обозревая все это немаленькое хозяйство, понял, что придется задержаться еще на сутки, а то и на двое. С эсэсовцев мы сняли два автомата, два пулемета, четыре пистолета и карабин с водителя грузовика. Нехило прибарахлились. Это я еще продукты не считал, но этим пусть «Старшина» занимается или тот, кого он местным «хомяком» назначит.

Глядя на карту, я пытался сформулировать мыслишку, что недавно у меня возникла, а именно тогда, когда я смотрел на богатства, подаренные нам немцами. Дело в том, что для осуществления диверсионной работы необходимо, помимо бойцов, слаженное и хорошо обеспеченное тыловое подразделение. На двадцать бойцов мне надо от восьми до двенадцати тыловинов. А их надо кормить и одевать, и не месяц, а в течение нескольких лет. Машина с тушнякам, которую я удачно отмел на дороге, – это не продукты, а неприкосновенный запас. Значит, основные запасы надо сделать сейчас, в самое ближайшее время. Я собирался это делать позже, тогда, когда буду набирать местных. Но сейчас, имея в наличии десяток хорошо подготовленных людей, можно ускорить процесс формирования отряда и сбора материальных ценностей, а проще говоря, грабежа, пока не прошли

маршевые части. Вдобавок надо поискать склады, как немецкие, так и оставшиеся наши, которые немцы пока не вывезли вслед за ушедшими вперед войсками или не раздербанили их на местные нужды.

Подозвав «Старшину», «Четвертого», «Погранца» и Виталика, я разложил карту и рассказал о своих идеях, заодно объяснив, почему мы не можем остаться в этом районе. Отсюда надо уходить, причем как можно скорее. Район, который я показал, понравился всем, в первую очередь тем, что был он малолюден, и из него можно было добраться в том числе и до Себежа по очень неплохим проселочным дорогам.

Разбирали и паковали свое хозяйство мы до вечера. Саперов и водил я озадачил разбором всех запасных колес и сбором всех инструментов. Мне нужны были камеры, а не слишком нужные диски и резину надо было закопать или оттащить подальше в лес, оставив себе две лучшие запаски. Гранаты Ф-1 пришлось отбирать, так как их уже начали распахивать по карманам. Заодно провел еще и ликбез, то есть ликвидацию безграмотности по бытовому минированию, что прошло на ура. Минировать гранатами трупы здесь пока не додумались, и понравилось это всем без исключения. Показал, как заминировать лимонкой машину, чтобы она взорвалась только после начала движения, отметив, что гранату лучше располагать рядом с бензобаком и сказав, что видел такое на Халхин-Голе.

Не забыл и про растяжки, потратив на это минут двадцать,

правда, без практики, а только объясняя и рисуя прутиком по земле схемы минирования. Чего-чего, а растяжки мне приходилось и ставить, и снимать, и подрывать, и, чего греха таить, видеть последствия подрывов. Редко высказывающий эмоции «Серж», выползающий из-под грузовика, улыбнувшись, показал мне большой палец. Пока мы на привале, надо повышать боеспособность подразделения. Кроме всего прочего, приказал подобрать, постирать и надеть форму, собранную с ночных немцев. Тем более что она вся без дырок, а то «Серж» до сих пор в офицерском интендантском френче рассекает. У немцев так не принято, чтобы в одном подразделении были в разной форме. Сильно в глаза бросается.

Виталика озадачил дневником подразделения, вернее, в основном статистикой, собрав и вручив ему вчерашние солдатские книжки. Странно, но у этого работающего и почти деревенского мужика почерк был каллиграфический, поэтому я всегда, когда доходило до бумажной работы, сгружал ее на Виталика. Как ни крути, а шестнадцать немцев за вечер и ночь мы прибили. Весьма достойный результат. В общем, день прошел с пользой. Все отдохнули, немного восстановились, сделали огромное количество необходимой работы и немного поучились. Уже почти ночью, при последних лучах солнца, сидя за походным столом, который у нас расстеленный брезент заменяет, попросил слова.

– Сегодня у нас произошло неприятное событие. Во время утреннего дежурства дезертировал «Санитар». После то-

го как я его обнаружил, он попытался меня убить. Свидетели – «Погранец» и «Старшина». «Санитар» был мною расстрелян. Я считаю, что в том, что произошло, есть и моя вина. Я повторю сейчас то, что сказал «Санитару». Вы можете не идти со мной. В партизанский, а тем более в диверсионный отряд идут только добровольцы. Слишком большой риск и ответственность, поэтому любой из вас может отказаться. Никаких последствий не будет. Отказавшемуся бойцу я выдам оружие, боеприпасы и продукты. Просто выжить одному в оккупированных немцами районах практически нереально. Решение за вами, завтра выезжаем в семь. Подъем в шесть ноль-ноль.

«Старшина», дежурства распределяешь сам. Смена через два часа. Первый на посту я – я только проснулся и спать не хочу.

Я не собирался никуда ехать, вернее, не собирался ехать завтра. Затаилась у меня одна безумная, на грани самоубийства, мыслишка и вот уже пару часов не давала покоя. Будь мы только вдвоем с Виталиком, я отогнал бы ее и спал бы спокойно, но сейчас, имея в качестве ударной силы «Старшину», «Погранца» и, главное, «Сержа», а в крайнем случае еще и Виталика, я мог попробовать ее реализовать. Останавливало меня только одно. Мне придется частично раскрыться перед спутниками, а у подозрительного «Сержа» может возникнуть слишком много вопросов, на которые я не захочу отвечать. Но рано или поздно вопросы все равно воз-

никнут, и отвечать на них я все равно не буду, так что произойдет это сейчас или через месяц, существенной разницы нет.

Я собрался ограбить Освею. Желание возникло у меня такое, что аж зубы изнутри чесались. Нет, весь гарнизон мне не перебить, я не настолько самонадеян, но небольшой кусочек отщипнуть, вырезав два десятка полицаев, мы могли. Дело в том, что Освея располагалась на берегу огромного по местным меркам озера, на котором были рыбацкие лодки и то, что мне было крайне необходимо: рыбацкие сети. Мне, если я собираюсь кормить людей, надо было много сетей, и лодок, и вообще мне надо все, до чего я смогу дотянуться и захватить. Я же не просто так камеры автомобильные собираю. Мы идем в озерный район, я собираюсь в нем жить. Никому в голову не может прийти, что протоки можно пересекать на надутых автомобильных камерах. Это не лодка, камера весит всего ничего, и спрятать ее можно в любом кусте. На каждую протоку лодку не запасешь, а магазинов с китайскими пэвэ-хашными лодками здесь еще долго не будет. На паре-тройке камер, замаскировав, можно положить наблюдателя или снайпера. Это не тяжеленный плот, хотя потом такие плоты и помосты в разных ключевых точках мы поставим обязательно. Зима здесь длинная, а заняться будет нечем большинству обучаемого отряда.

Но сначала мне нужна разведка, а разведку придется облачать в наш камуфляж, а следом последуют вопросы. Вот

сизжу и думаю, как и рыбку, и косточку, и мимо промежуточного варианта проскочить без потери своей девичьей чести, но пока ничего не надумал. Время мое закончилось, меня должен был менять «Старшина», которого я тоже не забыл загрузить размышлениями, правда, другого плана. Я предложил составить список того, что нам необходимо, самый полный, который он может себе представить. Мне нужно было понять, что он думает и на что рассчитывает, а заодно получить хотя бы смутные предположения, о чем они договорились с лейтенантом.

Ни на какие два отряда в первый год я делиться не собирался. Это я всем по ушам проехался. Обучить местных в одно лицо я смогу только к концу первого года обучения, да и потом потери будут такие, что периодически я буду бегать по лесам в одиночку, дикими воплями распугивая овчарок карательных отрядов. Создать базу и набрать людей – это одна десятая дела, главное – обучить молодняк и в процессе не запалить базу, а там, куда я собрался, у меня под боком железка, и через пару лет рвать ее будут все кому не лень. Так что расположиться надо так, чтобы никому и в голову не пришло, что мы там сидим. Железная дорога мне нужна как необходимый транспорт, не самому же маршрут трамвая прокладывать. Я по ней куда угодно доеду, нахулиганю и вернусь с комфортом, говорил же, что пешком ходить не люблю. Поезда в этом времени ходят не в пример медленней, значит, забраться ночью на состав будет можно. Надо потом

только технологию отработать, чтобы людей не покалечить, у меня-то с позднего детства такой опыт есть.

Хорошо еще, что я ни с кем не связан и мне не надо никому передавать по радиии сообщения. Я реально не понимаю, как они жили, эти партизанские отряды. Вернее, как они выжили в первые два года? Как они не умерли с голода в первую зиму? Если у них была рация, то жизнь у них превращалась в сплошную беготню. Когда они боевой работой-то занимались?

Утром меня встретили, вместе с первыми лучами солнца и прохладой росы, девятеро напряженных, бросающих друг на друга взгляды бойцов. Подозвав всех к себе, сказал просто:

– Ребята! Мы теперь одна команда! Я вас учу тому, что знаю сам, а вы помогаете мне и себе выжить. С гранатой под танки бросаться не надо, вы мне очень дороги, а пару танков я, если понадобится, сам в болото загоню. Тоже мне, сложности, – добавил с улыбкой.

Заулыбались и они, даже невозмутимый «Серж» хмыкнул, видимо, представив себе картинку.

– Вот и ладушки! Всем мыться, бриться, питаться и не торопиться. Немцы ездят днем, а мы сегодня немцы. Выезжаем в восемь ноль-ноль. – Озвучивать свои идеи я пока не стал, чтобы не грузить народ. Для начала надо перевезти отряд на ту сторону Освеи, там по дороге есть поворот в лесной массив, и дальше мы, пройдя несколько деревень, выходим с

другой стороны Дриссы, минуя ее. Вот дойдем до леса, там и посмотрим. До Освеи эта дорога тоже не доходит, сворачивая налево, так что это еще и разведка окрестностей.

Выдвинулись тем же порядком, только теперь все были вооружены автоматами, а в последний грузовик, у заднего борта, обложив его гимнастерками, набитыми землей, я посадил «Погранца» с пулеметом, обозвав его Анкой-пулеметчицей и немало всех насмешив. Белобрысый «Погранец» действительно был неуловимо похож на Анку-пулеметчицу из древнего фильма про Чапаева. Но это для нас с Виталиком древнего, а для них этот фильм вышел несколько лет назад и был одним из любимых культовых боевиков. Как в свое время «Пираты двадцатого века», и, глядя на смеющихся людей, я только сейчас начинал осознавать, какая пропасть лежит между нами.

Ехали опять неспешно. Систему сигналов я оставил прежнюю, и теперь отряд был более организован. Прошли одну деревню, пустую и какую-то безлюдную, хотя утро уже началось, потом еще одну. Дорога оставила ее справа, захватив только самый край, потом резкий поворот налево, и опять дорога через поля. Леса не было, даже куцые перелески отсутствовали. Только в одном месте были кусты, раздолбанные и обгоревшие, там же была небольшая траншея и лоскуток сгоревшей земли перед ней. Останавливаться я не стал, прекрасно понимая, что если и было там что ценное, то местные давно прибрали все к рукам. Затем был небольшой ру-

чей, бегущий по этим бескрайним полям, с недавно восстановленным мостиком. Переползли и его, сильно сбавив скорость и высадив всех людей.

Где-то через километр была развилка. Направо Освея с видневшейся даже отсюда голубой гладью озера, налево – туда, куда нам надо. Прошли одну деревню, вторую, справа показался лес, но приличных съездов не было. Мы неспешно ехали вдоль леса, а съездов все не было и не было. Нет, тропинки-то были, но явно не рассчитанные на загруженные трехтонные грузовики. Мне же было необходимо не просто поставить машины, а замаскировать их, и так, чтобы меня не смогли обнаружить. Прошли язык небольшого перелеска, почти сливающегося с дорогой. Дальше дорога поворачивала направо, и сразу за очередным мостиком через ручей была деревня.

27 июля 1941 года. Сарья

Дорога только заходила в деревню и сразу на небольшом пяточке поворачивала направо, на выход из деревни. Справа было только несколько домов, а вся остальная, в общем-то, немаленькая деревня уходила налево. Зашли в нее и сразу попали на деревенский праздник. Здесь на пяточке стоял грузовик, такой же, как и у нас, «Опель Блиц», пара мотоциклов и болтались пяток полицейских или как там зовут эту падаль, в черной форме с белыми повязками на левом рукаве. По всей деревне слышались крики, стрельба, в основном

из винтовок, и женский вой. Как я успел сказать «Старшине» «не стрелять»? До сих пор не понимаю. «Старшина» глянул на меня с такой обидой.

– В ножи, – добавил я. Свой мотоцикл я притер прямо к полицейам, а грузовикам показал рукой на выход с пятачка. Никифоров понял все сразу, двигаясь не торопясь и перекрывая грузовиком выезд из деревни.

– Оу! Партизан! Юде? – с вопросительной интонацией обратился я к полицейам. – Ком? – Это, пожалуй, был весь мой словарный запас немецких слов, кроме «Гитлер капут» и «Ахтунг», ну и неизбежных возгласов фильмов для взрослых.

Всякие там: «О! А-а! Я! Я! Дас ис фантастиш!» здесь стопудово не прокатили бы, но полицейам хватило и этого, и они с подобострастием сгрудились вокруг меня.

– Сигаретен? – предложил я, протягивая початую пачку сигарет, которую, повернувшись, достал из кармана кителя Виталика, мигнув ему при этом. «Старшина» в это время вылез из коляски и, потягиваясь всем телом, обошел полицейских справа. Виталя, сделав шаг от мотоцикла, повернулся в сторону деревни, но при этом оказался слева от полицейских. Получилось у него очень естественно. Автомат у Виталика висел на боку стволом вниз, а вот кобуру «Нагана» он расстегнул, прикрываясь мной.

Мне надо было, чтобы полицаи протянули ко мне руки. Как только сигарету взял последний, долговязый, огнен-

но-рыжий полицей с крупными веснушками на лице, «Старшина» засадил ему нож в спину, а Виталик, ни секунды не сомневаясь, влупил левому рукояткой «Нагана» в висок. Опять перенял у меня очередную дурную привычку. Сколько раз говорил ему: «Не бери у меня гадости». Тот, что стоял передо мной, умер мгновенно – нож попал ему прямо в сердце. Он еще стоял на ставших вдруг ватными ногах, а оставшиеся двое уже замороженно пялились в ствол «Парабеллума», кобуру которого я расстегнул загодя.

– Тихо, уроды! Пасть откроете – сдохнете, а будете молчать – живыми оставлю. Кивни, если понял. – Ну да, «Старшина» успел раньше. Энерджайзер, блин. Остался у нас только один «язык», который белыми от страха глазами смотрел на вполне себе так обыкновенных немцев, выпрыгивающих из машин.

– Трупы в их грузовик, – это я саперам. – Никифоров, смени «Погранца» на пулемете, сюда его. – Черт, не дал я водителям и саперам номера. – «Старшина», «Серж»! Выяснить, сколько их, состав, вооружение. «Третий» – на пулемет у передней машины. Стрелять без команды. – Сам метнулся к кабине грузовика, еще один в грузовике спит – ноги из пассажирской двери кабины торчали. В смысле, спал. Резко открыв водительскую дверь, я пришпилил спящего водилу штыком к сиденью. Придержав дергающееся тело жестким захватом за горло и надавливая на штык, подождал, пока полицей перестанет дергаться, после чего вытащил штык и за-

хлопнул дверь. Пусть полежит здесь, не до него пока. Торопливо перебежал к крайним домам, заскочил в ближайший двор и зашел в распахнутую настежь дверь дома.

Вышел я на улицу через полтора десятка секунд или несколько часов. Я так и не понял, сколько прошло времени и как я оказался на крыльце. Ноги вынесли меня из горницы без моего участия.

Именно здесь, в этом простом деревенском доме, я перестал быть самим собой. До этого дома все было как на фильме про войну, и я убивал немцев, как в реалистичной компьютерной игре. Мне и до этого дня пришлось побывать на страшной войне и увидеть такое, что никогда не покажут по телевизору. Я действительно видел жуткие вещи современной войны. В той моей первой жизни, которую я так старательно пытался забыть. Здесь же мне пришлось осознать, что на жестокость надо отвечать еще большей жестокостью.

Рядом с моим плечом к закрывшейся двери дома простыми деревенскими вилами с обломанным черенком была прибита десятилетняя девочка. К моему ужасу, еще живая. Трясущимися руками я поднял «Наган» и выстрелил ей в голову. И больше ничего не мог для нее сделать, а то, что полицаи сделали с этой большой еврейской семьей, будет стоять у меня перед глазами всю мою жизнь. Луи засыхающей крови, внутренности, отрезанные детские головы. Много. Я даже не смог понять, сколько их. И зачем?

Во мне поднималась даже не ярость, а глухая, затопив-

шая меня всего, черная, как деготь, злоба. Мне очень хотелось кого-нибудь убить, и я даже знал кого. На деревянных негнущихся ногах вернулся к грузовикам. Информация была нерадостная, полицейев было всего тридцать четыре штуки, значит, осталось двадцать восемь и двое немцев. Вооружены они были одним ДП, тремя ППД и винтовками, у немцев были автоматы. В этом случае у нас был шанс, никто не всполошится от выстрелов незнакомого оружия, но мне было все равно. Мне было до такой степени все равно, что я готов был вырезать их в одиночку.

Виталик потом сказал мне, что я почти ни на что не реагировал. Был как будто в трансе и все время смотрел на пока еще живого полицейя, который, увидев, откуда я пришел, начал пятиться, пока не уперся спиной в кузов грузовика. Глаза у полицейя были белыми от дикого ужаса, самого его была крупная дрожь, а я, не мигая и глядя на него, сжимал и разжимал ладони. Впрочем, я быстро пришел в себя, по крайней мере, внешне. Я хотел вырезать двадцать полицейев в Освее? Вот они!

– «Дочка» – вторым номером к «Третьему», водила – вторым номером к Никифорову. Пулеметы развернуть на выезды из деревни. Саперам взять ППШ, двигаетесь прямо по улице, наводите нас на полицейев. «Старшина» с «Погранцом». «Серж» со мной. Резать не обязательно, можно стрелять, по возможности брать пленных. Урода связать. Идем по улице группой. Мы немцы, в дома заходим парами. – Са-

мих немцев мы обнаружили почти в конце деревни, около целой группы местных парней и девчонок, стоящих на коленях со связанными сзади руками, и лежащего ничком парня с перебинтованной ногой и в гимнастерке с зелеными петлицами. Все были здорово избиты, а девчонки еще и полураздеты, кто в разорванных платьях, кто вообще без них. Оба немца и десяток полицаев стояли почти шеренгой, спиной к нам, приготовив винтовки. Были мы вчетвером, я, «Серж» и саперы. «Погранец» со «Старшиной» развлекались на соседней улице, вернее, в переулке, добивая последних полицаев. Этим ухарям помощники были не нужны.

– Бьем, как развернутся, – вполголоса сказал я и громко во весь голос: – Halt.

Немцы просто повернули головы, но опустили стволы автоматов, а полицаи начали оборачиваться, отчего строй их сломался. Кто-то даже винтовку успел на плечо повесить. И тогда мы открыли огонь. Выпустив в четыре очереди весь магазин, я быстрым шагом прошел оставшиеся метры и с диким удовольствием добил штыком единственного раненого полицая, пробив его всего насквозь и пригвоздив к сухой земле, как муху булавкой. После чего ткнул в одного из подтянувшихся саперов пальцем.

– «Восьмой»! К нашим. Подгоняйте сюда их грузовик, с водилой приезжаешь ты и «Дочка» – И сразу во второго. – «Девятый»! К «Старшине». Вытаскивайте трупы на дорогу, подгоним машину и загрузим. Не забывать оружие.

«Восьмой»

– Я сегодня убил немца! Я! Убил! Немца! Не он меня, как половину нашего батальона здесь, на поле у Освеи, и не как лейтенанта нашего, которого танкеткой задавило и по гусеницам размазало. Потом нас согнали, как испуганных зайцев, и толпой к озеру погнали. И мыли мы эту танкетку, от лейтенанта нашего отмывали, все гусеницы и днище, а потом, когда боец один под танкеткой был, она вдруг раз – и провернулась на месте, и мы опять ее отмывать начали, а немцы смеялись, заходились просто.

Страшно было идти по улице. Одним. По совсем пустой улице. Ой, как страшно, господи! И на капитана смотреть было страшно. Он как из того дома пришел, переменился весь, черный стал, и голос изменился. Потом мы по улице шли, а капитан и тот второй, которого он «Сержем» называл, в дома заходить стали. Зайдут, люди там кричат, бабы прямо заходятся, потом замолкнут и снова кричать начинают, а эти двое выходят почти бегом – и в другой дом. Я потом увидел, как это. Один полицейский на улицу вышел и крикнул что-то. Капитан к нему подошел, рукой махнул, легонько, будто комара отогнал, мимо прошел, и дальше в дом побежал все быстрее и быстрее. Полицейский стоит и за горло держится, а сквозь пальцы кровь течет. Сильно так! Прямо ручьем. Вдруг смотрю, полицейский тот на колени упал, и только хрип слышен, потом на бок брык. Спина к нам. Ноги

по земле скребут, скребут, тише, тише. Вдруг ноги замерли, и полицаи замер, руки на землю уронив, а под головой кровь черная. Много, целая лужа, и растет, большие становится. Я еще подумал: как это? Пыль же и песок на дороге! Она же впитаться должна? А капитан уже из дома возвращается, и «Серж» с ним, и в следующий дом.

Мы уже до конца улицы почти дошли. Там площадка небольшая у трех домов и полицаи топчутся, и много, и двое немцев, и мы к ним идем, а у меня ноги уже не идут. Как к земле прирастают. Там же немцы! И тут капитан стрелять начал, и я вместе с ним, и увидел, как мои пули немцу в грудь попали, а полицаи падают, падают. А я только своего немца вижу. Вижу, как мои пули его к палисаднику отбросили и убили его сразу. Он даже не дергается. Сразу убили! Я его убил! Я! Вдруг у меня страх пропал, совсем, как не было, а капитан уже от полицаев возвращается и мне пальцем: — «Восьмой»! К нашим! И я к машине побежал, и с ней приехал, и сам своего немца обыскал, и документы окровавленные в кучу бросил, и больше не боялся. Я с капитаном вообще больше не боюсь. И теперь я «Восьмой», и хорошо. Не первый, не последний. Я «Восьмой». Так капитан сказал.

Меньше чем за сорок минут мы перебили всех полицаев. Просто пока они чувствуют себя вольготно, не опасаясь вообще никого, не ставя охранение и творя жестокости за гранью человеческого восприятия. Всего только за два часа они вырезали шестьдесят семь человек и еще полтора десятка не

успели расстрелять. Кто-то доложился им, что в одном доме скрывают раненого красноармейца. Вот только мы теперь, наверное, не узнаем кто. Ан нет, еще двое у нас есть. Один даже с пустой кобурой.

– Опять «Старшине» премию выпишу. – Как потом оказалось, не «Старшине», а «Погранцу». Правда, второго тащат под руки. – Ничего, сейчас я тебя вылечу, падаль! Ты у меня на руках бегать научишься, млядь. – Похоже, последнюю фразу я произнес вслух, подумал я, натолкнувшись на удивленный взгляд «Сержа».

С машиной приехала Вера, и я приказал ей с «Восьмым» обыскать трупы. Вид гражданской девчонки с двумя «Наганами» на поясе, обыскивающей окровавленные трупы, подействовал на сидящих на пыльной земле обессиленных и забитых людей, как ведро воды на голову в пустыне. В общем, за этим она и была мне нужна. Как раз подтянулись «Старшина» с «Девятым» и «Погранцом». Я сразу же отвел «Старшину» в сторонку и попросил поговорить с людьми, может, заберем кого с собой, но только тех, у кого нет родственников. Заодно дал команду забирать продукты и теплые вещи и то, что ему надо, по его списку в тех домах, где погибли люди. Только запретил набирать людей насильно и велел всем объяснять, что это диверсионный отряд НКВД. Просто затем, чтобы пошли слухи, да и хотя бы немного отведем от этой деревни гнев полицаев, а мы с «Сержем» пока разговорим пленных и вообще займемся неприятным, но

необходимым делом.

Сара

Мне повезло, наверное. Нет, все же очень повезло. Когда в деревню пришли полицаи, я была во дворе. Сначала я услышала выстрелы, крики, опять выстрелы. Я испугалась и пулей взлетела на сеновал, и это ненадолго спасло меня. Потом я услышала крик, и довольные голоса полицаев, и опять крик, переходящий в вой, потом опять крики и выстрелы, и длилось это, наверное, целую вечность. Потом кто-то неожиданно начал подниматься на сеновал, и я испуганно вскрикнула и тут же зажала себе рот руками, но полицая этого хватило. Он радостно заревел, схватил меня за волосы и скинул вниз, на небольшую копну свежего сена, а потом прыгнул и потащил меня на улицу, а я схватилась за то, что было под рукой, как за спасительную соломинку, и в отчаянии оттолкнула тащившего меня полицая. Вдруг все закончилось, полицай выпустил меня, всхлипнул, ноги у него подкосились, и он как-то сразу осел на землю. Из груди у него торчал серп, который неизвестно как оказался у меня под рукой, но почти сразу страшный удар по голове опрокинул меня навзничь. Мне заломили руки, связали их и били, били, по лицу, по телу, по голове, потащили на улицу, и опять били, и бросили в толпу стоящих на коленях людей, и все равно топтались по мне.

Неожиданно все закончилось. Меня мыли и перевязывали,

что-то говорили и гладили по волосам, а смысл слов ускользал от меня, убегал куда-то, и лица стоящих рядом со мной людей кружились все быстрее. Потом я очнулась, и оказалось, что лежу в горнице нашей соседки бабы Марфы и рядом с ней сидит большой, добрый дядька, который перевязывал меня и принес сюда на руках. А нашей большой, дружной, веселой семьи больше нет. Совсем, совсем никого нет. Нет моей сестренки и мамы, нет отца и младшего братика, а мне повезло, и я осталась жива. Дядька все говорил, и баба Марфа тоже, и они собирали меня, и пришла машина, и были еще люди и девочки. А мне повезло. Мне. Повезло.

Сначала вывезли за околицу полицаев, живых и более-менее целых раздели догола. Буду составлять коллекцию вражеской формы. Эта дорога в сторону Освеи. Эх, не судьба мне в ней побывать. Себе в помощь кроме «Сержа» я взял троих местных парней. По моему приказу местные начали таскать трупы по одному. Сначала к мостику, следующего на пятьдесят метров ближе к нам, следующего еще ближе. Ну а мы пока разговаривали разговоры с полициями. Сломались они быстро. Первый, это который раненный, минут через семь. Секунд тридцать он хорохорился, потом минут пять не переставая орал. Как только крик перешел в истерический визг и мольбы, я передал его «Сержу» и местным, чтобы они послушали и в случае полезной для нас информации сориентировали нас на месте.

После того как я закончил строгать первого полиция, мы

долго разговаривали со старшим. Я не спрашивал о нем ничего. Так и сказал, что мне неинтересно. Предложил ему самому заинтересовать меня, чтобы я убил его быстро. Как бывает небыстро, я показал сразу. Левое ухо, три пальца на левой ноге и кусок кожи на правом бицепсе у него отвалились в процессе предварительной беседы. Хорошо штык наточен. Сам ведь точил. Премию себе потом выпишу.

Надо сказать, что полицай меня заинтересовал, причем по полной программе. С такой информацией можно работать дальше. Сидел он спиной к деревне, и я махнул рукой в ту сторону, как будто приветствовал подходящего к нам человека, он оглянулся. Я стараюсь всегда выполнять свои обещания. Даже если даешь обещание такому. У меня не нашлось слов для определения этого существа. После чего я дал задание одному местному парнишке. Парнишка умелся в деревню, только пыль поднялась, и через десяток минут вернулся обратно вместе с Верой.

Местные побежали ставить таблички с надписью «мины» около каждого лежащего на дороге трупа. Такие же три ту-пешника разложили на дороге из деревни, с табличками, разумеется. Это так, для затравки, чтобы их проверили и успокоились, не найдя мин. Граната под трупом – это ведь не мина. Правда? Пусть сюрприз будет. Затем Вера тренировалась в стрельбе по лежащим на дороге мишеням. Не пропадать же добру. Вера действительно одинаково работает двумя руками, левой, правда, чуть лучше. Все двенадцать пуль попа-

ли в головы. После чего я обратился к последнему живому полицаяу.

– Знаешь, я обещал тебя не убивать. Я очень редко даю обещания, но когда даю, я, капитан НКВД, их всегда выполняю. Это очень плохо для тебя, потому что когда творишь зверства, надо за эти зверства отвечать. И не забудь передать немцам привет из отряда «Второго». Запомнил? – После чего кивнул Вере, и та спокойно, как в тире, прострелила ему колени, а сам я с огромнейшим, просто животным удовольствием перебил упавшему полицаяу руки в локтях, подложил под потерявшего сознание урода гранату и приказал завалить его трупами.

Для него было бы лучше, если бы Вера его просто убила, это было бы быстро и почти безболезненно, но мне это было надо. Самому. Не дал бы слово оставить его в живых при своих людях, резал бы его сейчас на куски, выковыривая кончиком штыка глазные яблоки и оставшиеся после допроса зубы. Все, что я делал и сделал с ним и его приятелями, не было издевательством. Это было простым, доступным для понимания наказанием за то, что я увидел в том, первом, доме.

Делалось это только для местных, которые видели все от начала до конца, немного для Веры и совсем чуть-чуть для меня. А к куче трупов местные мальчишки прислонили еще одну табличку, со скромным словом «Второй».

Мы опять стояли на деревенском пятачке, где находились наши, теперь уже три машины. Полчаса назад, взяв с собой

«Сержа» и пятерых местных, я дошел до одного деревенского дома и прямо в доме расстрелял хозяина с хозяйкой. Тех, кто выдал своих односельчан. После чего мы подогнали машину и вынесли из дома все, что нам было нужно по списку «Старшины», одобренному и дополненному мной. А потом прямо на печке, угольком, взятым из нее, я нарисовал крупную цифру «2».

Из местных с нами уходили три девушки, десять парней и один мужик лет сорока пяти. Как потом оказалось, ему тридцать два и у него только что каратели убили двоих детей и жену. Мужика прилетело прикладом по голове прямо во дворе его дома, после чего его от души попинали ногами, а добить не успели, так как там нарисовались «Старшина» с «Погранцом».

Я не стал давать людям время на похороны близких им людей. Понимаю, может быть, это не по-человечески, но немцы или полицаи могут нагрянуть в любой момент, и тогда хоронить будет некому. В деревне у всех есть соседи или дальние родственники, а нам бы свою пятую точку унести. Я уже сказал «Старшине», что дорога дальше перекрыта. Деревня, в которой мы сейчас находились, называлась Сарья, а дальше, километров через пятнадцать, будет большая деревня Росица. И в этой Росице, прямо на въезде в деревню с нашей стороны, сегодня утром немцы поставили пост из десятка солдат при одном броневице. Судя по описанию, нашему, так как в описании был пулемет ДТ.

– Вот и покатались, придется дальше пешком, – мрачно сказал «Старшина».

– Придется, – тяжело вздохнул я.

27 июля 1941 года. Росица.

Майя

Она ненавидела мужиков. Всех. Их потный мерзкий запах, сальные глаза и липкие руки. Даже тех, кто стоял на коленях рядом с ней. Но тогда она молила бога поскорее умереть. Все блага мира, лишь бы все это кончилось поскорее. Лишь бы не было перед глазами ухмыляющихся харь ее насильников. И тех, кто потом позже освободил их, и этого здорового и ласкового мужика, которого все уважительно называли просто «Старшина», она тоже ненавидела. А от того, в немецком мундире, с ног до головы заляпанного брызгами крови, что командовал всеми ими, ее просто трясло от ненависти. Когда он предложил ей это, она чуть не потеряла сознание от омерзения. Но девчонки согласились, и та девочка в мужской одежде, что приехала с ними, тоже, и она просто кивнула головой и закрыла глаза, когда он рвал на ней одежду.

Заканчивался очередной бесконечный летний день. Уже спала невыносимая июльская жара, и заходило надоевшее всем солнце. Скоро наступит долгий июльский вечер и появится вечерняя прохлада, а потом короткая летняя ночь с бесчисленными комарами и трелями соловьев. На въезде в

деревню стоял пост. Ранним утром, пока не навалился зной, солдаты сделали шлагбаум, срубив для него березку, стоявшую на краю дороги. Заступили они на сутки, и сменить их должны были только утром. Было скучно. Зачем их здесь поставили? Неоживленная дорога между дальними деревнями, по которой за весь день проехали только трое местных полицейских. Днем жара, ночью комары.

Неожиданно из-за поворота появилась странная группа, медленно, как похоронная процессия,двигающаяся по дороге. Впереди, перед почти неслышно катящимся мотоциклом, бежали четыре девчонки. Их хорошо было видно в бинокль. Часовой чуть больше минуты с удовольствием разглядывал их, а потом позвал фельдфебеля, который немедленно отобрал у наблюдателя единственный в отделении бинокль. За командиром отделения быстро подтянулись и все остальные солдаты, громко обсуждавшие происходящее. Процессия приближалась, и уже были видны детали.

Справа бежала невысокая худенькая светловолосая девчонка, в мужских штанах и короткой мужской майке, открывающей тоненькие руки, беззащитную шею и девичью грудь. Была она настолько красива и выглядела столь невинно, что часовой от волнения облизал потрескавшиеся губы. Рядом с ней бежала высокая, статная, красивая еврейка в порванной на груди ночной рубашке и с длинными, черными как смоль, растрепанными волосами. Третья тоже еврейка, чуть ниже, в юбке и белой нательной мужской рубаше, изорванной чуть

ли не в лоскуты, отчего в прорехи просматривалось потрясающее тело молодой женщины. Четвертая совсем юная, тоже худенькая, в простом ситцевом платье, разорванном спереди почти до пояса.

Все три еврейки были жутко избиты. На шеях у всех были накинута веревочные петли, а концы веревок были закреплены на мотоцикле. В руках девчонки держали такую же березку, что стояла недавно у дороги, только немного короче и с необрубленной кроной, и казалось, что эта безумно красивая четверка тащит мотоцикл.

Около шлагбаума собрались все, даже толстый ленивый Ганс вытащил свою задницу из недр русского броневика, где он вольготно проспал весь день. Все громко переговаривались, предвкушая незапланированную потеху. Метров за тридцать до шлагбаума из коляски поднялся в рост высокий русский полицейский в расстегнутом на груди мундире и, держа в руках здоровую стеклянную бутыль самогона, закричал.

– Герр офицер! Битте, презент! – Не удержавшись на ногах, полицейский покачнулся и тяжело свалился обратно в коляску, скрывшись за спиной высокой еврейки. Солдаты оживились еще больше. Неожиданно за семь или восемь метров до шлагбаума блондинка споткнулась и, увлекая за собой остальных девчонок, растянулась на дороге прямо перед неожиданно остановившимся мотоциклом.

Кинжальный огонь немецкого ручного пулемета, установ-

ленного в коляске, и двух русских автоматов, открывших огонь в упор, во фланг, прямо с поста, не оставил отделению ни единого шанса. Как только стихли выстрелы, из-за поворота появились три грузовика и шустро попылили в сторону поста.

Если бы хоть кто-нибудь понимал, что мне стоило уговорить девочек! Сдались они только на раненом. Мы реально на руках его бы не унесли. Можно было попробовать прорваться обратно, по дороге на Освею, но сколько бы нас осталось в живых, одному богу известно. Еще один вариант – попробовать вырезать пост ночью, но это не упившаяся маршевая часть, эти солдаты будут тащить фишку просто из чувства самосохранения. Да и пройти ночью эту деревню будет сложно. Без выстрелов мы немцев не уберем, а прорываться с боем – это все равно что с боем брать Освею. А вот такой простенький цирк не ждал никто, хотя все наши морщились, а новички брезгливо кривились. Не знаю, как кому, а мне лично наплевать. Мне необходимо сохранить их живыми, привести, куда запланировал, научить убивать и выживать, и брезгливости здесь места нет. Понадобилось бы, снял бы с себя штаны и на четырех точках поскакал перед мотоциклом.

Зато теперь у нас есть броневик. Теперь мы пойдем по дорогам спокойно и абсолютно беспроblemно, и пусть попробуют нас остановить. Нагрел меня полицай, про пулемет рассказал, а про орудие нет. Вот это подарок так подарок. Вер-

нуться и убить его еще раз, что ли? Никифоров уже пятнадцать минут лазает по броневику и восхищенно, как белка, цокает языком, пока остальные занимаются привычной работой, подключив заодно и новичков. Два пулемета, орудие, полные баки, полный боекомплект, завелся в полпинка. Песня! Ну, твари, держитесь. Устрою я вам небо в алмазах.

Отделение тоже не разочаровало. Все то же самое, только больше автоматов и пистолетов, видно, оружие экипажа броневика. Пять автоматов и пулемет, семь винтовок и семь пистолетов, полно боеприпасов и гранат, медицинские сумки, снаряжение и, разумеется, продукты. Еще и полевой телефон, который я с благодарностью принял. Распихивать только все это хозяйство придется валом, мы и так загружены по самое не балуйся.

— Где бы мне взять еще одну машину? — задумчиво, вроде ни к кому не обращаясь, но громко и отчетливо заявил я, работая на публику.

— Хорошо, что мне сегодня не до Берлина, а то колонна вырастет минимум до Варшавы. — Публика меня не подвела. Группа стояла вокруг меня, но ближе всех «Погранец». Он-то первый и заржал, согнувшись и хлопая руками себя по коленям. Затем «Старшина», Виталик, саперы, захохотал в броневику Никифоров, которому передал мои слова «Девятый», улыбнулись даже Вера и высокая девушка, Сара, по моему. Когда все отсмеялись, я подошел ко всем четверем своим девчонкам, взял их за руки и проникновенно сказал:

– Девчонки! Вы сегодня сделали для всех нас огромное дело. Вот это, – я кивнул на пятнадцать трупов, валявшихся на дороге. – В первую очередь ваша победа. Вы их так красиво в кучу собрали. Вы нас всех спасли и как мою личную благодарность и свою первую награду примите пистолеты. – После чего мы со «Старшиной» выдали всем девчонкам личные «Вальтеры», тем более что их уже скопилось приличное количество. – Ну а теперь по коням. Грузимся и сваливаем. Табличку не забудьте. – Ну да. Около кучки трупов, с традиционной гранатой между ними, притулилась очередная скромная табличка с надписью «Второй». Я еще верхнему немцу в задницу кустик ромашек вставил, распоров ножом галифе и подштанники. Но, думаю, не оценят.

«Серж»

Мы прошли, как раскаленный нож сквозь масло, и там, в деревне, и здесь, через пост. Все решения были безумными, нестандартными точно, а то, что он предложил перед постом, звучало дико и... красиво. До такой степени необычно и восхитительно, что я сразу понял – это сработает! И еще я понял, что мне до такого уровня далеко. Вырезать ножами тридцать полицаев среди бела дня мог предложить только безумец, но нас принимали за своих. Лебезили, лопотали заискивающе, улыбались и тут же умирали. То, что он делал, и главное – как он это делал, для меня было немыслимо. Таких действий я даже представить себе не мог.

В первый двор он зашел, закинув за спину автомат. Сорвав веточку с куста жасмина, капитан ногой распахнул дверь в дом. Войдя в просторную горницу и увидев разложенную прямо на столе кричащую женщину, он издал восхищенное: «Оу!» – и как ни в чем не бывало пошел по дому. Проходя мимо полиция со спущенными штанами, капитан мимоходом, но очень сильно ударил насильника ребром ладони по горлу и, не сбавляя шага, пошел дальше. Не ожидавший такого приветствия полицей отшатнулся назад, рухнул на колени и, задыхаясь и корчась практически без звука, припал головой к полу. Женщина замолчала. Я не успел зайти в комнату и все еще топтался в дверях кухни, как он уже возвращался обратно, так же непринужденно помахивая веточкой жасмина. Еще двое полицей, находившиеся в соседней комнате, были мгновенно зарезаны, как свиньи, простым кухонным ножом, который капитан мимоходом прихватил со стола. Проходя мимо замолчавшей женщины, он приложил палец к губам и спокойно сказал ей:

– Свои. Кричи, как будто нас здесь нет, – и, уже обращаясь ко мне, насмешливо добавил: – «Серж», расслабь мимические мышцы лица. – Видя, что я не понимаю, капитан сплюнул и резко пояснил: – Морду кирпичом сделай. Ты всю Европу прошел. Ты хозяин жизни. Работай, твою мать! – Приведя меня этими словами в чувство, капитан сделал к так и стоящему на коленях полицейу еще один шаг, нагнулся и ударил его тем же кухонным ножом куда-то в шею, чуть

ниже затылка.

Никогда до этого дня я не слышал выражения «сделай морду кирпичом», но объяснение этого выражения, сделанное им походя, как само собой разумеющееся, много позже, уже когда я спокойно обдумывал произошедшее, восхитило меня.

В третьем доме было четверо, и первый, видимо старший, знал немецкий язык. Он с ходу поприветствовал капитана возгласом «Хайль Гитлер», и... по простому деревенскому дому промелькнул кровавый смерч. Я опять не успел ничего сделать и только тогда понял, зачем капитану простая пехотная лопатка, правда, необычайно остро заточенная. Это я отметил еще на привале на лесной поляне.

Круговое движение – и в полиция, стоящего справа, ударил фонтан крови из разрубленной сонной артерии старшего полиция, окатив его с головы до ног. Первый полицией еще стоял, с жуткой гримасой на лице ухватившись за разрубленное горло, а второй уже валился с ног. Свист рассекаемого воздуха, брызги крови, летающие с бритвенно-острой лопатки, разрубленная голова. Затем всего два скользящих шага, чмокающий звук – и третий полицией, избивавший ногами лежащего на полу связанного старика, получает страшный удар по шее сбоку. Лопатка застряла в трупе, но капитан и не собирался выдергивать ее. Нанеся удар, он просто выпустил свое страшное оружие. Шаг в сторону, резкий разворот вокруг собственной оси, невиди-

мое глазу движение – и последний полицейский прибывает к стене дома штыком от СВТ. Необычайно сильный удар был нанесен левой рукой, в которой, я готов был поклясться, не было штыка. Собственный штык капитана так и висел у него на поясе.

Произошло все мгновенно. Шаг, разворот, стук – и мертвый полицейский, протянувший руку к винтовке, прислоненной к стене, повис на почти полностью вошедшем в его тело лезвии. И только тогда я сообразил, что невесть откуда взявшийся штык капитан вытащил из ножен, висевших на поясе третьего полицейского, при развороте. Войти в дом, мгновенно оценить обстановку, моментально убить троих противников, найти себе дополнительное оружие и воспользоваться им? Я был потрясен. На казнь четверых полицейских ушло менее тридцати секунд.

А лимонки под трупами? Этот элементарный способ минирования поразил меня до глубины души. Это было так просто, логично и эффективно. Ведь основная цель, убивать врага, достигается сама, с помощью этого самого врага, а заминировать труп таким образом сможет даже самая юная девушка из нашего сборного отряда. И ведь этого никто не ждет.

Ромашками же капитан меня просто растоптал. Я думал, что он тронулся умом от того, что увидел и делал в деревне, а капитан, делая это, объяснял всем, что да как, и почему он это делает. Спокойно, как на лекции, и логично, и

опять красиво. Жутко красиво. Жестоко убивать противника, признаваться в содеянном зверстве и расписываться при этом? Это не укладывалось у меня в голове. Такое мог сделать только человек, абсолютно презирующий и противника, и саму смерть.

Уже уезжая с ним на мотоцикле, я обернулся, проводил взглядом удаляющуюся кучу мертвых немецких солдат с увядшим уже кустиком ромашек и понял: я хочу так воевать, а дальше будь что будет.

Эту идею с обозначением мест, где отметился отряд, я взял у популярного в моем времени сериала и посчитал для себя обязательной. Мне крайне необходимо, чтобы немцы знали о наличии нашего отряда и боялись только одного моего боевого имени. На эту скромную цифру мы станем списывать все зверства, которые будем творить в отношении захватчиков и их пособников. Просто потому, что я лично считаю, что слишком много карателей и их помощников выжили в той войне, если они даже в наше время позволяют себе гордо выходить на парады, потрясая наградами, выданными им за убийства детей. Такое ни понять, ни простить нельзя, сколько бы времени после этого ни прошло.

Вот и сейчас я очень надеюсь, что вид кучи голых трупов сильно «порадует» наших «партнеров». Ничего личного. Мне просто надо было проехать. Знал бы язык, написал бы это на бумажке, свернул бы в трубочку и в задницу кому-нибудь вставил, а пока, ребята, извините, только ромаш-

ки. Это не было глумлением или издевательством над трупами, это был голый практицизм. Я хочу, чтобы нас запомнили сразу, взбесились и начали искать. Выписывать награды и надеяться, что отряд сдадут. Пусть гестапо напрягает информаторов и полицаев и тем самым поднимает волну и самостоятельно делает нам рекламу. Они сами будут давать людям информацию о нас.

Мы же выплывем в другом районе или области, опять удадим и опять пропадем. Через год групп станет больше. Они будут стрелять немцев, вешать полицаев, взрывать склады, жечь машины, резать связь и вообще вредить, где и как только можно. В разных районах этих немаленьких областей. Все это на ходу я негромко объяснял внимательно слушающему меня отряду. Просто чтобы потом, в процессе обучения, не повторять прописные истины.

Именно здесь, в этой изнасилованной полицией белорусской деревне, началась моя страшная слава безжалостного командира НКВД. Безумная слава беспощадного «Второго», убивающего без разбора и немцев, и латвийских и литовских националистов, и украинских карателей, и местных полицаев, и их приспешников. Именно отсюда началась наша двухлетняя эпопея отряда «Второго», обрастающая жуткими историями и слухами. Убитыми немцами, повешенными полицией, сожженными заживо карателями и посаженными на кол предателями. Жуткая слава карателя карателей.

Начальнику штаба

284-й охранной дивизии
подполковнику Генриху Штайнеру
Репорт

Докладываю Вам. 27 июля 1941 года неизвестной группой противника уничтожено отделение первого взвода третьей роты второго батальона 94-го полка 284-й охранной дивизии, находящегося на посту, расположенном на окраине деревни Росица. Отделение было усилено советским броневым автомобилем БА-10. Военнослужащие уничтожены огнем из автоматического оружия немецкого и советского производства, однако ответного огня произведено не было, из чего следует, что нападение на пост произошло внезапно. При осмотре места нападения погиб обер-фельдфебель и трое нижних чинов получили ранения, так как убитые военнослужащие были сложены друг на друга и заминированы. Броневым автомобиль с места нападения похищен, похищено также все оружие и все вещевое хозяйство отделения. Большинство военнослужащих раздето и разут до нижнего белья.

Также 27 июля 1941 года уничтожен взвод вспомогательной полиции комендатуры города Освея в количестве тридцати четырех человек и двое военнослужащих полевой фельджандармерии, находившихся в населенном пункте Сарья, по сообщению местного жителя, в поиске солдат Красной Армии. При осмотре места боестолкновения выяснено следующее. Нападения на сотрудников вспомогательной полиции совершены с применением холодного оружия, смер-

тельные ранения нанесены в основном ножами. Часть полицейских и оба военнослужащих фельджандармерии расстреляны с близкого расстояния из автоматического оружия советского и германского производства. Использование противником холодного оружия показывает, что неизвестные прошли специальную диверсионную подготовку.

После допроса местных жителей выяснено следующее. Нападение совершено неизвестными, одетыми в форму Вермахта, отчего их принадлежность к армии Вермахта не вызывала сомнений у окружающих. Количество нападавших, по разным данным, составляет 10–12 человек. Позднее самим командиром неизвестных бандитов было заявлено, что группа является диверсионным подразделением НКВД СССР, под командованием капитана НКВД с условным именем «Второй». Такие же обозначения были оставлены на месте убийств военнослужащих и полицейских. В этом же населенном пункте были добровольно набраны местные унтерменши в количестве восемнадцати человек. Передвигалась диверсионная группа на двух автомобилях марки «Опель Блиц» и мотоцикле «БМВ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.